

A woman with long brown hair, wearing a dark, ornate historical dress with gold and red patterns, a white lace collar, and a pearl necklace. She is standing in a grand, dimly lit room with high ceilings, chandeliers, and a large mirror. The room is decorated with gold and blue elements.

Бертрис
СМОЛЛ

Неукротимая
красавица

Гарем

Бертрис Смолл

Неукротимая красавица

«Издательство АСТ»

1978

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Неукротимая красавица / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1978 — (Гарем)

ISBN 978-5-17-102145-0

От заснеженных отрогов шотландских гор – к блеску и роскоши королевского двора Стюартов. От тихого уюта британских поместий – к изощренным интригам султанского Константинополя. Какие причудливые извивы судьбы и какие опасные приключения ждут прекрасную зеленоглазую шотландку Катриону Лесли за следующим поворотом? И кому из мужчин, готовых на все, чтобы обладать ею, отдаст она сердце? Мужественному знатному горцу – или элегантному придворному аристократу? Умному, искушенному турецкому паше – или обаятельному, но порочному королю? Ранее книга выходила в русском переводе под названием «Любовь дикая и прекрасная».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102145-0

© Смолл Б., 1978
© Издательство АСТ, 1978

Содержание

Книга первая	6
Часть I. Граф Гленкирк	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	47
Глава 11	55
Глава 12	59
Глава 13	63
Часть II. Король	69
Глава 14	69
Глава 15	74
Глава 16	78
Глава 17	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Бертрис Смолл

Неукротимая красавица

Bertrice Small
LOVE WILD AND FAIR

© Bertrice Small, 1978

© Перевод. В.Д. Кайдалов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Книга первая

Часть I. Граф Гленкирк

Глава 1

– Я бы хотела, – сурово произнесла Эллен Мор-Лесли, – чтобы вы не надевали бриджи, когда катаетесь верхом, мисс Катриона. Это же так неженственно.

– Но ведь это так удобно и практично, – возразила ей юная красавица. – Перестань браниться, Элли, или я отошлю тебя домой и тебе придется выйти замуж за того фермера, чья мамаша только об этом и мечтает!

– Ради всего святого, не надо! Уже молчу.

– Ладно, не бойся. Это просто шутка, – хихикнула хозяйка Эллен. – Если, конечно, сама не передумаешь. Он же вроде ничего, да и на ногах крепко стоит. Так почему бы и не выйти за него?

– Мне нужно, чтобы еще кое-что крепко стояло, а у фермера с этим как раз не очень! Ну, давайте снимайте же ваш верховой костюм! Фу! От него же несет как из конюшни! Вы же знаете, что сегодня вечером в честь вашего дня рождения на ужин придет граф. Не могу поверить, что вам уже пятнадцать лет. Я до сих пор помню ту декабрьскую ночь, когда вы родились.

Катриона со вздохом стянула костюм для верховой езды. Ей уже не раз приходилось слышать эту трогательную историю.

– Метель была ужасная. А как завывал ветер в ту ночь! – продолжила Эллен. – Старая графиня, ваша прабабушка, настояла, что будет сидеть с вашей матушкой сама. Мне же тогда едва исполнилось семнадцать. Пусть я и была самой молодой у нас в семье, но, поскольку замуж не собиралась и рано вставать привыкла, моя бабушка поговорила со своей хозяйкой, вашей прапрабабушкой, и они решили, что я вполне гожусь в няни новорожденной. Старая леди Лесли, едва взглянув на вас, сказала: «Вот эта малышка и будет леди Гленкирк». Конечно же, когда она устраивала вашу помолвку, вы были едва прикрыты пеленкой. Если бы только она была жива! Вот порадовалась бы: вы выросли, замуж выходите, – но, к сожалению, она умерла следующей весной, а через несколько недель за ней последовала и моя бабушка.

Пока говорила, Эллен, не теряя времени, готовила ванну для молодой хозяйки. Бросив горсть ароматической соли в исходившую паром воду, она поторопила:

– Садитесь же, миледи. Все готово.

Большая дубовая емкость была поставлена перед камином, и девушка наслаждалась теплом, пока служанка терла ей плечи и спину. Потом Эллен принесла небольшой кувшин и вылила тонкой струйкой на густые волосы Катрионы золотистую жидкость, добавила воды и взбила сладко пахнущую пену. Дважды вымыв и ополоснув волосы, горничная обернула голову девушки полотенцем и помогла ей выйти из ванны.

Сидя у огня, завернутая в большую простыню, Катриона наслаждалась легкими движениями Эллен, которая расчесывала густую тяжелую гриву волос своей подопечной, пока они не заблестели. Скрепив заколками массу цвета темного золота, она жестом попросила девушку лечь и принялась массировать ее тело, предварительно умастив его светло-зеленой мазью, которую готовила ее мать Руфь. Когда с этим было покончено, Эллен протянула ей шелковое белье. Катриона уже была в нижней юбке и блузке, когда в комнату вошла ее мать.

В свои тридцать шесть лет Хизер Лесли Хей ничуть не утратила красоты и свежести. На ней было роскошное платье темно-синего бархата, отделанное золотистым кружевом; шею украшало редкое по красоте жемчужное ожерелье, которое, насколько знала Катриона, было приобретено еще ее прапрабабушкой. Густые темные волосы почти целиком скрывал голубой с золотом чепец.

– Мы с отцом хотим поговорить с тобой до прибытия гостей. Как только будешь готова, приходи в наши покои.

– Да, мама, – покорно произнесла Катриона.

Когда дверь за матерью закрылась, девушка, почти не обращая внимания на действия Эллен, принялась размышлять, чего от нее хотят родители. Она единственная дочь, но в семье были и мальчики – ее старший брат Джейми, которому уже исполнилось восемнадцать, и трое младших братишек. Колину было двенадцать лет, а близнецам Чарли и Хью – по десять. Родители практически все время были заняты друг другом, так что дети росли под присмотром нянек и наставников. Ей самой пришлось планировать собственную жизнь едва ли не с рождения.

Все обстояло по-другому, пока была жива прабабушка. Катриона знала это совершенно точно. Для Джейми наняли нескольких учителей, но никому и в голову не пришло научить читать и писать Катриону, пока она сама не заявила наставникам, что будет учиться вместе с Джейми. Когда же удивленные учителя сообщили родителям, что их дочь куда быстрее усваивает материал, чем мальчик, ей было позволено присутствовать на уроках уже «официально». Естественно, она училась вместе с братом, но лишь до тех пор, пока Джейми не отправили в школу. После этого ей пришлось думать о дальнейшем образовании самой.

Для начала она настояла на том, чтобы для нее наняли преподавателя французского. Вскоре Катриона прекрасно освоила не только этот язык, но еще итальянский, испанский и немецкий, благо ее молодой учитель свободно на них говорил. Ее родители были прекрасно образованы и после двадцати лет брака сохранили и даже приумножили нежность и любовь друг к другу. Да, они не уделяли необходимого внимания своим детям, но это выглядело совершенно невинным и объяснялось одной лишь только беспечностью. Дети всегда были сыты, хорошо одеты и ухожены благодаря заботе слуг, гувернанток и учителей. Молодому хозяину Грейхейвена или его жене просто не приходило в голову, что их дети нуждаются в чем-то еще, кроме элементарных удобств. Мальчики чувствовали себя вполне уютно в атмосфере теплой заботы прислуги, но подросшая дочь нуждалась в чем-то большем. Эллен Мор-Лесли понимала это и делала все, что от нее зависело, и все равно Катриона выросла своевольной и упрямой.

Внимательно вглядываясь в свое отражение в зеркале, девушка думала, как наконец встретится со своим суженым по прошествии нескольких лет. Гленкирку сейчас двадцать четыре, он окончил университет Абердина, а также побывал в Париже, много ездил по Европе и был даже некоторое время при дворе королевы Бесс в Англии. Катриона знала, что он красив, уверен в себе и учтив. Осталось только надеяться, что ей он придется по душе.

Разгладив темно-зеленый бархат платья, она отправилась к родителям. К ее удивлению, вместе с ними ее ждал и старший брат.

Прежде чем начать разговор, Джеймс Хей откашлялся, затем весьма серьезным тоном произнес:

– Как ты знаешь, ранее было решено, что после того, как тебе исполнится шестнадцать лет, ты выйдешь замуж за Гленкирка. Однако, в связи с преждевременной кончиной третьего графа этим летом и передачей титула молодому Патрику, церемония перенесена на Двенадцатую ночь¹.

¹ Ночь с 5 на 6 января; завершает так называемые «двенадцать дней Рождества»: от Рождественского сочельника до Крещенского. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Пораженная этими словами, Катриона вскинула бровь.

– И кто это решил?

– Мы с графом.

– А я? Мое мнение что, никого не интересует? – В ее голосе звучал гнев.

– Но вы же были обручены семь лет назад, – удивленно проговорил сэр Джеймс. – Это практически решенное дело.

В голосе отца ей послышалось раздражение. Да, она не была нежным милым созданием, каким он хотел бы ее видеть, и постоянно выводила его из себя.

– Вы могли бы посвятить и меня в новые обстоятельства, а потом спросить, хочу ли я выходить замуж на целый год раньше намеченного срока! – воскликнула Катриона. – Так вот: я не желаю выходить замуж не только сейчас, но и вообще, в особенности за Патрика Лесли!

– Но почему, моя дорогая? – в недоумении спросила Хизер. – Это прекрасный молодой человек, настоящий светский лев! Неужели ты не хочешь стать графиней?

– Да он просто гроза всех окрестных девиц, милая мама! С тех пор как дядя Патрик упал с лошади и свернул себе шею, а новоиспеченный граф вернулся домой, не проходит и дня, чтобы я не услышала очередной рассказ о его похождениях! По всей округе ходят легенды о его мастерстве в постелях, на сеновалах и под заборами! Не думала, что ты захочешь отдать меня за такого развратника!

Хозяин дома просто ошеломлен от яростного взрыва чувств дочери. Джейми начал было смеяться, но тут же замолк под строгим взглядом матери, а сама Хизер сообразила, что, похоже, упустила что-то весьма важное в воспитании Катрионы.

– Оставьте нас одних! – обратилась она к мужу и сыну, а когда мужчины вышли, сказала дочери: – Присядь, дорогая. Ты что-нибудь знаешь о том, что происходит между мужчиной и женщиной на супружеском ложе?

– Конечно, – в некотором недоумении произнесла Катриона. – Он вводит эту свою штуку в отверстие у нее между ног, а через несколько месяцев оттуда же выходит ребенок.

Хизер на минуту прикрыла глаза и подумала: «О, мое бедное дитя! В моей громадной и всепоглощающей любви к твоему отцу я совершенно забыла, что ты становишься женщиной, но ничего не знаешь о том наслаждении, которое испытывают любящие существа. Где мне найти слова, чтобы поведать тебе об этом?»

Справившись, наконец, с чувствами, она открыла свои фиалковые глаза, глубоко вздохнула и холодно произнесла:

– Ты отчасти права, но акт любви между мужчиной и женщиной не обязательно заканчивается каждый раз рождением ребенка. Имеются способы предотвратить это, не лишая себя восторгов любви. Буду рада научить тебя всему еще до того, как ты выйдешь замуж.

Девушка была явно заинтересована, а мать между тем продолжала:

– Занятия любовью доставляют громадное наслаждение, Катриона.

– В самом деле? И каким же образом, мама?

Легкий оттенок презрения не ускользнул от внимания Хизер. «Великий боже, ну как мне это ей объяснить?»

– Тебя когда-нибудь целовали, дитя мое? Возможно, кто-нибудь из твоих кузенов во время наших приемов пытался украдкой?

– Ну да, кое-кто пытался, но я ему так врезала, что никто больше не осмеливался!

Хизер захотелось завывать в голос от разочарования.

– Но целоваться ведь так приятно, Катриона! Особенно когда тебя при этом еще и ласкают. Это просто восхитительно.

Катриона посмотрела на свою мать как на умалишенную.

– Брр! Да что может быть приятного в том, когда женщина и мужчина трутся друг о друга голыми телами?

От такого неприятия чувственных удовольствий Хизер едва не потеряла ход мыслей и самообладание.

– И тем не менее это так! Уж я-то знаю! Боже, Катриона, мне больно оттого, что ты совершенно не осведомлена в этих вопросах! Ты не имеешь никакого представления, что значит быть женщиной, и я чувствую свою вину. А замуж за своего кузена Гленкирка в Двенадцатую ночь ты все же выйдешь, как и планировалось. Вы прекрасно подходите друг другу – он замечательная партия.

– Я не выйду за него замуж, мама!

Хизер попробовала зайти с другой стороны:

– Тогда чем ты намерена заниматься?

– Есть и другие мужчины. Мое приданое позволяет мне выбирать.

– Только если речь идет о Гленкирке, моя дорогая.

Катриона не смогла сдержать удивления, и Хизер с облегчением подумала, что наконец-то завладела ее вниманием.

– Катриона, твое очень большое приданое предназначено только для Гленкирка. Так устроила моя мама. Если ты намерена выйти за кого-то другого, твое приданое будет весьма скромным.

– А что, бабушка не подумала о другом варианте: Гленкирк же мог умереть или просто отказаться от брака?! – выкрикнула в ярости Катриона.

– Если бы случилось что-то подобное, ты вышла бы за Джеймса. Мама мечтала, чтобы ты стала графиней Гленкирк. К тому же нет никаких сомнений, что твой нареченный будет рад свадьбе. Пойдем, дитя. Патрик Лесли обязательно полюбит тебя, вот увидишь.

– А как же я? Что, если я не хочу выходить за него?

– Но решать не тебе, моя дорогая. Так что перестань хмуриться и пойдем встречать гостей. Твои кузины и кузены очень хотят пожелать тебе счастья.

О боже! Еще и это! Хорошо, что ее дяди Колин и Эван живут в Эдинбурге, а то пришлось бы возиться с целым выводком их детей. А остальные! С мальчишками-то она еще находит общий язык, но шесть жеманных девиц – это уже слишком!

Фиона Лесли, пышная, с темно-рыжими волосами, серыми, как бушующее море, глазами и красными пухлыми губами, осталась вдовой в девятнадцать лет. Бедный Оуэн Стюарт не смог выдержать испытание супружеского ложа. Следующей девицей в этой компании шла шестнадцатилетняя Джанет Лесли, которая весной должна была выйти замуж за брата Фионы, кузена Чарлза. Джен не могла скрыть своего восторга: ну как же – будущая графиня Сайтен! Глупая корова! Эйлис Хей уже исполнилось четырнадцать лет, и ей предстояло выйти за Джеймса Лесли, следующего брата Гленкирка, но не раньше, чем через пару лет. Бет Лесли было шестнадцать, но, обожая своего дядю Чарлза, она решила вскоре удалиться в монастырь, расположенный во Франции. Таким образом, она могла жить неподалеку от своей семьи, поскольку ее четырнадцатилетняя сестра была обручена с сыном дяди Дональда, Жаком де Валуа-Лесли. Последней в этой компании была маленькая Мэри Лесли, тринадцати лет от роду, которой через три-четыре года суждено стать женой старшего брата Катрионы – Джейми. Катриона очень надеялась, что к тому времени Мэри хоть немного поумнеет и перестанет глупо хихикать при каждом слове, произнесенном Джейми, хотя тот, похоже, не имеет ничего против.

Катриона вместе с матерью вошла в парадный зал и тут же оказалась в плотном окружении родственников. Ее поздравляли, желали здоровья и счастья. Ну как на них сердиться – ведь сегодня день ее рождения.

Внезапно Фиона произнесла своим хриловатым кошачьим голосом:

– Кэт, дорогая, а вот и твой суженый. Разве она не выросла, Патрик? Посмотри: настоящая женщина.

Катриона гневно глянула на старшую кузину и тут же перехватила пристальный взгляд Патрика, графа Гленкирка. Его большая теплая рука поднесла ее тонкую кисть к губам.

– Кузина, – раздался его глубокий завораживающий голос, – ты всегда была очаровательной, но сегодня буквально затмила всех.

Положив ладонь Катрионы на свою согнутую в локте руку, он повел ее к возвышению на другом конце зала. Оставшаяся в одиночестве Фиона удивленно рассмеялась. Граф тем временем усадил невесту за главный стол и спросил:

– За что ты так сердишься на меня?

– Вовсе нет.

– Тогда хотя бы улыбнись мне, дорогая.

Она намеренно проигнорировала его просьбу, и граф почувствовал нарастающее раздражение. Когда с ужином было покончено и слуги унесли пустые тарелки, начались танцы. Граф разыскал свою тетюшку и, уединившись с ней в тишине библиотеки, стал расспрашивать, что беспокоит девушку.

– Во всем виновата я, Патрик, – всхлипнула Хизер. – И очень сожалею. Ведь я, совершенно того не желая, оставила без внимания весьма важную часть образования Катрионы. В результате она лишена каких-либо чувств и холодна как лед.

– Говоря другими словами, моя милая тетюшка, вы так были заняты своим мужем, что забыли любить Кэт.

– Но я люблю ее!

– А вы когда-нибудь говорили ей это? Обнимали и баловали ее, когда она была малышкой? Ребенком? Девушкой-подростком? Нет, тетюшка. У вас просто не было времени для этого. Вы – с хозяином Грейхейвена – были заняты лишь тем, что проверяли на практике, как усвоили все те восхитительные штучки, которым вас научила ваша матушка.

Хизер покраснела до корней волос.

– Патрик! Что ты можешь знать об этом?

– То, что в свое время мне поведала моя мать, – усмехнулся граф. – В частности, она заверила меня, что моя невеста будет горячей и опытной. Вместо этого, тетюшка, я должен отогревать эту ледяную девицу, которую вы предлагаете мне взять в жены.

– Она уже заявила мне, что не хочет замуж, – с горечью проговорила Хизер.

– Проклятье! – в негодовании воскликнул Гленкирк. – Может, просветите почему?

– Я не знаю, Патрик, – солгала Хизер. – Когда ей ее отец сообщил, что свадьба переносится со следующего года на Двенадцатую ночь, она пришла в ярость. Сказала, что никто даже не спросил ее мнения, а потом заявила, что это не имеет никакого значения, потому что за тебя она в любом случае не выйдет.

– А вы уже говорили с кем-нибудь о переносе свадьбы на более ранний срок?

– Мы собирались объявить об этом сегодня вечером.

– Тогда вот что, тетюшка. Постарайтесь как-нибудь незаметно привести сюда моего дядю.

«Бедная маленькая Катриона! – подумал Патрик, когда дама отправилась выполнять его просьбу. – С самого раннего детства жила в своем собственном мирке, которым никто не интересовался. Потом, совершенно не считаясь с ее мнением, за нее решают, когда должно произойти самое важное событие. Ничего удивительного в том, что она пришла в ярость».

Что касается других обстоятельств, то он задумался о них лишь мельком. Женщины рода Лесли по своей природе обладали взрывным характером, в их жилах текла горячая кровь, так что можно было не сомневаться, что Катриона непременно пробудится к чувственным удовольствиям и расцветет. Легкие победы ему наскучили, а временем он вполне располагал.

Джеймс Хей вошел в библиотеку вместе с женой.

– Приветствую, племянник! Что стряслось? Ради чего мне пришлось бросить гостей?

– Я думаю, дядюшка, лучше пока отложить оглашение даты нашей свадьбы с вашей дочерью. Катриона явно не в духе, и мне не хотелось бы ухудшать ее состояние.

– Девичьи глупости! Чепуха!

– А тетя Хизер была в таком же состоянии перед замужеством?

– Нет... – с некоторой заминкой произнес Хей, и глаза у него увлажнились. – Она не могла дожидаться заветного момента.

– Остается только позавидовать! Почему же вы хотите лишиться меня подобного счастья?

– Мы с Хизер были... хорошо знакомы, – несколько смутившись, возразил дядюшка.

– Вот именно! – обрадовался граф. – Меня же не было здесь шесть лет. Катрионе еще не исполнилось и девяти, когда я уехал. Она совершенно меня не знает. Я пока что для нее как чужак, за которого ее против воли заставляют выйти замуж. Что может быть ужаснее перспективы разделить постель с незнакомцем! Поймите же это, дядюшка! Вы купаетесь в супружеском счастье. Дайте мне время завоевать вашу строптивую дочь, чтобы и мы могли наслаждаться таким же счастьем.

– Ладно! – подвел итог глава Грейхейвена. – Свадьба будет отложена на год. Но если она по-прежнему будет сопротивляться, все равно пойдет к алтарю!

– Согласен, – сказал Патрик. – Но вот еще что, дядюшка... Мы должны заключить соглашение. Даже если мои методы ухода за вами покажутся вам странными или, скажем, жесткими, вы не должны вмешиваться. Прошу вас не забывать об этом.

– Да-да, – не стал спорить глава семьи, но Хизер почувствовала, как у нее по коже поползли мурашки.

Она с удивлением поняла, что Патрик уже любит Катриону. Возможно, любил еще ребенком. Сперва он будет ухаживать за ней нежно, но если это не сработает, он станет жестоким, чтобы добиться ее. «Ох, моя бедная невинная дочь. – Хизер вздохнула своим мыслям. – Я должна была научить тебя всему, что знаю сама, прежде чем нетерпеливый любовник сделает тебя своей».

От невеселых мыслей ее отвлек голос племянника:

– Я сам сообщу ей. Она не должна знать, что решение перенести свадьбу было нашим общим.

Когда Патрик вернулся в зал, Катриона танцевала с его братом Адамом: раскрасневшаяся и совершенно счастливая. Ему пришлось приложить массу усилий, чтобы не наброситься на нее, – столь велико было желание. После того как танец закончился, он чинно провел ее мимо семьи в относительную тишину алькова и сообщил:

– Поразмыслив, я решил, что ты права, – с женитьбой следует повременить. Когда я покинул Гленкирк, ты была совсем маленькой девочкой. Сейчас же я вижу перед собой прелестную девушку, но ты совершенно не знаешь меня, поэтому предлагаю просто общение, чтобы у нас было время узнать друг друга.

Впервые за весь вечер Катриона улыбнулась ему.

– Вот это совсем другое дело! Но что, если мы не придемся по нраву друг другу?

Он вопросительно вскинул бровь.

– Ты что, хранишь по ночам? Или, может, ругаешься как сапожник, пьешь вино и предпочитаешь жевать бетель, как это делают на Востоке?

Она расхохоталась и отрицательно покачала головой.

– Любишь ли ты музыку, поэзию, мелодичное звучание иностранных языков? Любишь ли носиться верхом в туманной тишине весеннего утра или в свете луны осенним вечером? Восхищает ли тебя первый снегопад в начале зимы? Любишь ли ты купаться нагой в укромном месте реки в жаркий летний день?

– Да, – произнесла она едва слышно, и почему-то сердце ее забилось быстрее. – Да, мне нравится все это, милорд.

– Тогда, моя дорогая, у тебя нет шансов: ты непременно полюбишь меня.

Густые ресницы Катрионы цвета темного золота затрепетали над порозовевшими щеками, ниточка пульса на шее забилась чаще. «Мой первый успех! Кажется, лед тронулся!» – подумал Патрик и рискнул предложить:

– Скрепим наш договор поцелуем?

Светло-зеленые глаза секунду смотрели на него в упор, потом закрылись, и навстречу ему протянулись сложенные в розовый бутон губы. С трудом сохраняя серьезность, даже не улыбнувшись, он коснулся их своими губами и мягко произнес:

– Благодарю тебя, Катриона. Это был твой первый поцелуй.

– Откуда тебе знать? – встрепелась строптивница.

– Невинность не скроешь, любимая. – Он подал ей руку. – Пока достаточно. Позволь проводить тебя к родителям.

Когда они снова появились в зале, Хизер с облегчением отметила, что дочь больше не хмурится, а лицо племянника светится довольством. Он обязательно ее завоюет – она была в этом уверена. Оценивая окинув Гленкирка женским взглядом, Хизер со вздохом признала: «Ах, моя милая Кэт! Какое чудесное приключение ожидает тебя!»

Глава 2

Фиона Лесли, лежа в постели, мечтала. Как было бы здорово стать графиней Гленкирк! Ну почему его женой должна была стать эта кисейная барышня Катриона? Какая несправедливость!

Фиона знала, что когда-то обсуждалась возможность выдать ее замуж за Гленкирка. Вмешательство бабушки поставило на этом точку. Было решено, что ее мужем станет болван Оуэн Стюарт. С тех пор она возненавидела старую леди! Бабушке это было прекрасно известно.

Оуэн страдал какой-то серьезной болезнью, и, хотя его – семнадцатилетнего юношу – всегда тянуло к пышному телу жены, мужской силой он не обладал. Для Фионы это не имело особого значения, поскольку с девственностью она рассталась еще в тринадцать лет. Достаточно быстро она нашла с кем удовлетворить свои потребности.

Первым ее избранником стал егерь по имени Финн. Это был огромный грубый мужик, не обладавший какими-либо навыками в искусстве любви, но когда он вбивал свое орудие ей в лоно, казалось, что она того и гляди сойдет с ума от восторга. Затем случилось неизбежное: она забеременела, – а к тому времени, когда осознала сей факт, было уже поздно что-либо предпринимать.

Она поведала о своем состоянии мужу, рассчитывая на то, что этот дохляк смирится и не станет распространяться на эту тему, но на сей раз просчиталась. Корчась от боли на смертном одре, он назвал ее отъявленной шлюхой и пообещал ославить перед всем миром. Это было роковой ошибкой: когда он заснул, жена задушила его подушкой. Поскольку никаких следов не осталось, причиной смерти лекари посчитали приступ астмы, а родственники высказали убитой горем беременной вдове множество слов утешения.

Когда пришло время разрешиться от бремени, присутствовала только служанка Фионы, Флора Мор-Лесли. Родившийся крепкий мальчуган был тайно переправлен крестьянской паре, незадолго до этого потерявшей своего собственного сына. Фиона не желала, чтобы дети обременили ей жизнь. Умерший ребенок заменил ее сына и в глубокой скорби был погребен в фамильном склепе Стюартов. Но и для Фионы вся эта фальсификация не прошла бесследно. Вызванные на следующий день доктор и акушерка пришли к выводу, что леди Стюарт никогда больше не сможет выносить ребенка. Но этот секрет было обещано сохранить в тайне за приличное вознаграждение. Правду знала только Флора, но ее можно было не опасаться: она растила Фиону с детства.

Этой ночью Фиона ликовала еще и потому, что совершенно случайно узнала чужой секрет. Чтобы избежать назойливого внимания двоюродного брата Адама Лесли, который уживался за ней с тех пор, как им исполнилось по двенадцать лет, она спряталась в библиотеке Грейхейвенов, и стоя за плотными шторами, закрывавшими окна, под которыми стояли кресла и диваны, и подслушала весь разговор между Хизер, Патриком и главой семейства.

Зная все это, она была на вершине блаженства. Девственная Катриона боится близости! Гленкирк не сможет долго выносить это, а тем временем Фиона намеревалась демонстрировать ему свои созревшие прелести так часто, как это только позволяли приличия, чтобы не показаться нескромной. Также она собиралась приложить все усилия, чтобы Кэт продолжала пребывать в омуте страхов.

– Когда вы так улыбаетесь, миссис Фиона, я знаю, что это не предвещает ничего хорошего. Какую проделку вы задумали на этот раз?

– Никаких проделок, Флора. Я просто ломаю голову, что бы надеть на Рождество к Гленкиркам.

Фиона мечтательно вздохнула.

– Рождество у Гленкирков! Будут все Лесли, в том числе из Сайтена, Хейзы из Грейхейвена, Мор-Лесли из Крэннога. Мы не праздновали Рождество у Гленкирков всей семьей с тех самых пор, как умерла бабушка. Как я рада, что новый граф решил не соблюдать траур! Старому лорду Патрику это не понравилось бы. Остается надеяться, что, когда граф и мисс Катриона поженятся, празднества в замке станут регулярными.

Но Катриона, сама не ведая о том, разрушила планы Фионы. За десять дней до того, как в замок должны были съехаться гости, она появилась там по особому приглашению тети Мег, вдовствующей графини Гленкирк. Мег Стюарт Гленкирк, обо всем поставленная в известность, решила дать возможность своему старшему сыну поухаживать за будущей невестой. Да она и сама некогда появилась в Гленкирке запуганной невестой, но покойная бабушка сердечно приветствовала ее, проявив любовь и понимание. Старушка давно уже покинула этот мир, но Мег намеревалась отплатить ей за участие, оказав помощь ее любимой праправнучке.

Погода стояла чудесная – холодная и солнечная. Патрик одержал свою первую победу, когда подарил Катрионе белоснежную кобылу.

– Она потомок матушкиного Дьявольского Ветра. Легкая, стремительная, послушная и преданная. Как ты ее назовешь?

– Бана. По-гэльски – «прекрасная».

– Да, знаю. Я тоже говорю по-гэльски.

– О, Патрик! – Она порывисто обняла его за шею. – Ты на своем Дабэ составишь мне компанию?

Весь день они носились по холмам вокруг Гленкирка, а по вечерам Катриона сидела с тетушкой, двоюродными братьями и сестрами в главном зале фамильного замка. В камине уютно полыхал огонь, а Катриона и молодые Лесли играли в шарады или танцевали. Вдовствующая графиня снисходительно улыбалась им, а граф старательно скрывал разочарование, оттого что ни разу не оставался по вечерам наедине со своей нареченной.

Но счастье переменчиво. Вечером накануне того дня, когда в замке должна была собраться вся их родня, он встретил Катриону в одиночестве. Было уже довольно поздно. Его мать всегда рано отходила ко сну, и, полагая, что все остальные тоже устраиваются на ночь, он отправился в библиотеку, намереваясь кое-что уточнить по вопросам недвижимости. Возвращаясь обратно, он заметил девичью фигуру, сидевшую в одиночестве перед камином.

– Кэт! Я думал, что ты давно уже спишь! – присаживаясь рядом, сказал Гленкирк.

– Мне очень нравится сидеть в тишине и смотреть на огонь, – объяснила Катриона.

– Как тебе здесь?

– Восхитительно! Правда, замок запомнился мне гораздо большим, но, думаю, это потому, что я смотрела на него глазами ребенка. В действительности он небольшой и чудесный.

– Тебе понравилось бы жить здесь?

– Да, – прозвучал еле слышный ответ.

Несколько минут они посидели в полной тишине, и вдруг Катриона попросила:

– Милорд, не могли бы вы меня поцеловать? Но не как тогда, а по-настоящему? Я поговорила с мамой и Эллен. Они сказали, что тот поцелуй просто скреплял нашу договоренность, не более.

Светло-зеленые глаза, казавшиеся колдовскими в отблесках пламени камина, смотрели на него с надеждой. Медленно нагнувшись к ней, он коснулся ее губ своими, нежно, но постепенно усиливая нажим. Неожиданно ее руки обвились вокруг него, а когда их губы разомкнулись, девушка, задыхаясь, произнесла:

– Ох, милорд, это было гораздо приятнее. Можно еще раз?

Он с готовностью повиновался и через секунду с удивлением почувствовал, как ее нежный язычок проник к нему в рот. Оторвавшись от него, девушка поинтересовалась:

– Вам понравилось так, милорд? Мама сказала, что так гораздо чувствительнее.

Гленкирка наконец осенило: это она пытается на практике осуществить то, о чем ей рассказала Хизер, но сама при этом ничего не чувствует. Риска испугать и разгневаться, он обнял ее, провел ладонью по спине, прижал к себе. Его рот завладел ее губами. Используя весь свой опыт, он осторожно, но настойчиво заставил их раскрыться и ввел свой язык глубоко ей в рот. Он ласкал ее нежно, но как только крупная дрожь начала сотрясать все ее тело, прекратил. Он чувствовал ее нарастающую панику, она попыталась вырваться, но он крепко держал ее в объятиях, пока она не взмолилась, чтобы отпустил.

– Патрик... – только и смогла выдавить Катриона и расплакалась.

Он опять притянул ее к себе и стал успокаивать:

– Ну, будет тебе, дорогая, будет! Все хорошо, тебе нечего бояться.

– Почему ты сделал это? – произнесла она сквозь слезы.

– Потому что, моя драгоценная маленькая нареченная, ты экспериментировала со мной, проверяла то, о чем тебе рассказала твоя чудесная, но ветреная матушка. И ты все это проделала, но сама при этом ничего не почувствовала. Никогда больше так не делай.

– Но я чувствовала...

– Что именно?

– Я не могу объяснить... Боже мой! Я не знаю, как это назвать, но мне просто хотелось, чтобы ты не останавливался, а потом... стало страшно так, что все перевернулось внутри...

Смутившись, она замолчала.

Он встал с дивана, подал ей руку и, глядя на нее сверху вниз, задумчиво проговорил:

– Когда мне было всего тринадцать лет, меня формально обручили с крохой всего четырех лет от роду. Когда религиозная церемония закончилась, нас усадили на почетные места, и слуга принес угощение. Напротив меня сидела солидная дама, а я как раз начал интересоваться женскими формами и просто не мог оторвать глаз от ее пышной груди. Внезапно моя нареченная, перехватив этот взгляд, схватила бокал и выплеснула вино в ложбинку у нее между грудей, и сказала мне что-то резкое. В тот момент я в нее и влюбился. С тех пор ничего не изменилось.

Она подняла на него свои невероятные глаза.

– Я то и дело слышу о твоих похождениях. Как же ты можешь утверждать, что влюблен, если в твоей жизни полно других женщин?

– У мужчины есть определенные потребности, Кэт. И если он не имеет жены, которая могла бы их удовлетворить, то вынужден пользоваться услугами дам... определенного круга.

– И как часто?

– Достаточно. Особенно теперь. Да черт возьми, Кэт! Я постоянно тебя хочу! Обнаженную, в моей постели, с растрепанными волосами, задыхающуюся от страсти!

Катриона почувствовала, как от этих слов по ее телу прошла дрожь, и, взглянув ему в лицо, пролепетала:

– Если пообещаешь прекратить встречи со всякими дамами, я готова выйти за тебя замуж в Валентинов день. Если хочешь желать доброго утра и доброй ночи своей настоящей любви, то придется попрощаться с другими женщинами.

– Ты ставишь мне условия, дорогая? – спросил с улыбкой Гленкирк.

– Я готова делить с тобой жизнь, ты получишь девственницу и сможешь испытать со мной все радости, которые захочешь, но, повторяю, я буду у тебя одна, – совершенно серьезно заявила Катриона.

– Когда поженимся, я обдумаю это! А сейчас ступай в постель, маленькая шалунья, пока я не потерял контроль над собой и не набросился на тебя прямо здесь.

Послав ему укоризненный взгляд, девушка вышла из зала. Патрик усмехнулся: ну и штучка эта Кэт Хей! Готова выйти за него замуж, но намерена управлять его жизнью. Что ж, теперь он знает кое-что важное: во-первых, его невеста отнюдь не ледышка, какой он ее себе представлял, и, во-вторых, жизнь с ней определенно не будет скучной!

Глава 3

Во второй половине следующего дня замок Гленкирк наполнился голосами, шумом и гамом. Катрионе, слава богу, как невесте графа, не пришлось делить спальню со своими двоюродными сестрами. Фиона тоже избежала этой участи – ее пощадили в силу возраста, а еще потому, что она вдова.

Узнав, что Катриона уже прожила в замке десять дней, Фиона поспешила найти ее и приступить к воплощению своих задумок. Девушка сидела в главном зале одна и что-то вышивала, когда Фиона под села к ней.

– Ну что, моя маленькая кузина? Как тебе понравился замок Гленкирк?

– Он великолепен! – ответила Катриона. – Думаю, я с радостью возьму на себя обязанности его хозяйки.

Свои слова она сопровождала насмешливой улыбкой, и Фиона едва не скрипнула зубами.

– Ты очень храбрая девушка, если добровольно идешь прямо волку в пасть.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Боже, дитя мое! Ты же знаешь репутацию Гленкирка.

– Ты про женщин? – Катриона правдоподобно изобразила на лице скуку и даже зевнула. – Господи, Фиона! Всем известно, что Гленкирк просто дьявол по этой части, чему я очень рада. Расскажи лучше что-нибудь новенькое.

– Хорошо, моя дорогая, расскажу. – Гостья понизила голос и подалась всем телом к Катрионе. – Говорят, у Гленкирка громадное мужское достоинство. Поскольку я была замужем, то кое с чем знакома, и должна поделиться с тобой. Мы, женщины из рода Лесли, маленькие и хрупкие. Большой м... петушок может просто нас разорвать. Слава богу, мой бедный муж, лорд Стюарт, имел достоинство весьма среднее, но все равно, когда ввел мне его в нашу брачную ночь... – Она сделала эффектную паузу, радостно отметив для себя побледневшее лицо Катрионы. – Увы, кузина! Боль была ужасная, и с каждым мгновением становилась все невыносимее. Господь покарал его, призвав к себе, а меня спас.

– Но я из рода Хей, Фиона, так что со мной все может быть иначе.

– А твоя мать? Она же Лесли, кузина. Дочери по телосложению повторяют своих матерей, так что я не завидую тебе.

Испугавшись, Катриона пересказала этот разговор Эллен, но та лишь рассмеялась:

– Ерунда все это! Эта Фиона Стюарт просто пытается тебя запугать. Боль будет, но буквально мгновение, в самом начале, зато потом – море блаженства. Твоя кузина сама жаждет заполучить графа, вот и плетет небывицы. Да ты только посмотри на своих родителей! Разве так ведет себя женщина, которая испытывает постоянную боль?

Раздосадованная на себя из-за того, что едва не поверила рассказам Фионы, Катриона стала внимательнее приглядываться к ней и решила, что Эллен совершенно права. Кузина использовала любую возможность, чтобы попасть на глаза Патрику, носила платья с декольте на грани приличия, чтобы продемонстрировать свои внушительные прелести. «Вот же сука! – подумала Кэт. – Рыжая сука! Надо было побольше о ней разузнать».

Катриона отыскала брата и спросила:

– Джейми, тебе что-нибудь известно про кузину Фиону?

Брат сначала удивился, потом с усмешкой сказал:

– Говорят, что она очень добра: никому не может отказать, – но я еще не бывал в ее постели. Еще ходят слухи, что ребенок, которого она родила Стюарту, вовсе не от него. Тот был настолько слаб, что вряд ли мог исполнять супружеские обязанности. – Джейми помолчал и внимательно посмотрел на сестру. – Похоже, твое отношение к Гленкирку изменилось. Он тебе нравится?

– Да.

– Тогда опасайся кузины Фионы, поскольку она явно проявляет повышенное внимание к нему, хотя я сомневаюсь, что граф понимает это.

Джейми ошибался. Патрик все прекрасно видел, и, не будь Катрионы в замке, пожалуй, позабавился бы со своей рыжей кузиной, изнывающей от похоти без мужской ласки. До него тоже доходили слухи, и было бы забавно их проверить.

Одним из вечеров, вскоре после Рождества, Фиона попыталась ускорить события. Когда все гости и хозяева давно уже видели сны, граф решил обсудить со своим братом Адамом возможность его брака с наследницей Форбсов. Мужчины сидели у камина, и Адам пытался убедить Патрика, что их младший брат, семнадцатилетний Майкл, гораздо больше подойдет тринадцатилетней Изабелле Форбс.

– Я готов жениться, но отнюдь не на этой девчонке. Вот Майклу она в самый раз: года через три-четыре подрастет, тогда и устраивай союз между ними, тем более что он и так с ума сходит от ее кукольного личика.

Патрик рассмеялся:

– Ладно, я подумаю! Похоже, есть девушка, для которой ты себя бережешь?

Адам только улыбнулся.

Оба брата были высокие, как и их отец. Патрик унаследовал темные волосы матери и зеленовато-золотые глаза Лесли, а Адам – красно-рыжие волосы Лесли и янтарные глаза Стюартов. Посидев еще немного с кружками глинтвейна, они решили расходиться по своим комнатам. У подножия лестницы граф вспомнил:

– У меня припасено немного отличного виски из винокурни Макбинов. Давай зайдем ко мне, пропустим по глоточку на сон грядущий.

Распахнув дверь, он услышал удивленный возглас брата и только тогда поднял голову.

На его кровати, в неверном отблеске свечей возлежала Фиона Стюарт.

– Клянусь, брат, это самое чудесное зрелище, которое мне приходилось когда-нибудь видеть! – воскликнул Адам.

– Какого черта ты здесь делаешь? – зарычал граф, мгновенно протрезвев.

– Ты не захотел прийти ко мне, Патрик, – промурлыкала нагая красotka, – поэтому я пришла сама.

Ноздри его раздулись, уловив теплый аромат благовоний.

– Я плачу шлюхам за услуги. Сколько запросишь ты?

– О, дорогой! – хрипло рассмеялась Фиона, вставая в постели на колени. – Какие деньги! Я схожу по тебе с ума! Женись на этой глупой девственнице, если должен, но только возьми меня! Будем любовниками! Обещаю: не пожалеешь!

– Боже мой! – облизнул пересохшие губы Адам. – Как бы я хотел получить такой чудесный подарок. Везет же тебе, братишка!

– Хочешь ее? – Патрик повернулся к младшему брату.

– Не стану врать – да, и прямо сейчас.

– Что ж, забирай. Я переночую в твоей комнате.

– Нет! – запротестовала Фиона. – Я хочу тебя, а не этого самодовольного хлыща!

– Моя дорогая кузина, – холодно произнес граф, – судя по слухам, ты обладаешь изрядным опытом, поэтому должна знать: что заниматься любовью с тем, кого не хочешь – сплошная скука. Я тебя не хочу и более того, ты мне совсем несимпатична.

Повернувшись к ней спиной, граф направился к выходу. Адам закрыл за ним дверь и с подчеркнутой медлительностью лениво произнес:

– Что ж, Фиона, малышка, я очень хочу, чтобы ты не меняла положения еще некоторое время.

– Пошел к черту! – яростно бросила она в ответ и, вскочив с кровати, направилась было к двери, но Адам, не сходя с места, потянул ее обратно.

– Ну уж нет, крошка! – Он схватил ее за грудь с вмиг напрягшимся соском. – Сегодня ночью ты раскинешь свои ножки только для меня.

С этими словами он швырнул ее в постель, и Фиону внезапно охватил страх.

С тех пор как ею, тринадцатилетней, на куче соломы овладел старший конюх ее отца, она всегда верховодила в подобных ситуациях. Сейчас же бессильно лежала и наблюдала, как двоюродный брат, повернувшись к ней спиной, медленно раздевается. Высокий, стройный, широкоплечий, с узкими бедрами и мускулистыми ягодицами. Адам Лесли обернулся, и Фиона чуть не ахнула от изумления. Однажды ей довелось наблюдать за случкой лучшего отцовского жеребца с кобылой. Она тогда подумала: вот бы ей найти мужчину с таким же достоинством! Теперь он стоял перед ней и ухмылялся:

– Ну что, милая? Пять лет ты бегала именно от того, чего хотела.

– Боже мой! – прошептала Фиона. – Да ты разорвешь меня этой штукой!

Только влажная ненасытная пещерка у нее между ног жила своей жизнью и уже трепетала от предчувствия. Задыхаясь от похоти, с хриплым криком Фиона протянула руки к мужчине. Его тело через мгновение скрыло под собой ее фигуру, и он почувствовал, как жадная теплая рука направила его. Он вошел в нее мощным толчком и, убедившись, что она легко приняла его, начал медленно двигаться. Ее тело извивалось под ним, ногти впивались в кожу, из горла вырывались то стоны, то хрипы, а через несколько минут все звуки сменились воплем чистого восторга.

Адам скатился с нее, перевел дыхание, затем, опершись на локоть, с усмешкой заметил:

– Для шлюхи ты чертовски неумелая. Но сама виновата, что ограничивала себя ничемными любителями.

Склонив голову, он принялся сосать и покусывать затвердевший сосок, потом второй, одновременно играя пальцами со складками у нее между ног.

Подняв голову, Адам заявил:

– Ну а теперь, милая, будем учиться тому, что умеют самые утонченные шлюхи Парижа, Лондона и Абердина.

Упершись ему в грудь рукой, Фиона запротестовала:

– Я не обещала тебе, что стану твоей любовницей, самовлюбленный мальчишка!

– А я и не спрашивал тебя, дорогая!

Она ошарашенно уставилась на него.

– Я уверен, что теперь, – произнес Адам с усмешкой, – церковь непременно выдаст кузенам Лесли разрешение на брак².

Фиону ошеломили его слова:

– Я же старше тебя!

– Всего чуть больше чем на месяц. Уже на следующей неделе мне исполнится двадцать.

Он снова навалился на нее, и она почувствовала, как в нее упирается твердая плоть.

– Но я не хочу тебя! – выкрикнула Фиона истерично. – Мне нужен Гленкирк!

– Его тебе не заполучить, милая! Он попросту не хочет тебя.

С этими словами он шире развел ей ноги.

– Но ты не богат! – привела главный довод Фиона. – И жить в другом доме я не хочу!

– Я получаю вполне приличный доход с инвестиций, которые сделала для меня, да и для тебя тоже, бабушка. Я богаче некоторых графов. У меня также есть доли в семейном судоходстве и овцеводстве. У тебя есть дом в Эдинбурге, который принадлежал твоей бабке, Фионе Абернети. Мы проведем несколько лет в путешествиях, а когда король Джеймс подрастет, вернемся, будем жить в столице и бывать при дворе.

Он снова глубоко вошел в нее, но на этот раз двигаться не стал.

Фиона не могла понять зачем, но все же призналась:

– Я никогда не смогу иметь детей.

– Я знаю, – ответил Адам совершенно спокойно. – Повитуха, которую ты тогда пригласила, принимала по меньшей мере трех моих бастардов. Эта информация стоила мне два золотых. Кроме того, дорогая моя, я знаю, ребенок был не от Стюарта.

Она разразилась проклятиями, а он рассмеялся:

– Пусть Патрик, Джейми и Майкл продолжают наш род. Мне хватит и тебя. Но учти: если застукаю с другим, избыю до полусмерти и отлучу от этого. – Он резко вошел в нее. – На целый месяц.

При этих словах янтарные глаза Фионы сузились и потемнели. При мысли, что может потерять то, чего так долго добивалась, все ее тело пронзила дрожь. Обхватив его ногами, она прошептала сдавленным голосом:

– Я буду хорошей, Адам! Клянусь!

На следующий день, к всеобщему удивлению, Адам Лесли объявил перед всей семьей, что женится на своей кузине, леди Стюарт. Поскольку ни его мать, ни родители Фионы даже не догадывались о его намерениях, разразилось настоящее светопреставление.

Патрик, отважившись защитить брата, решительно солгал:

– Они спросили моего позволения. Но, дядя, я должен извиниться перед вами за то, что не поставил вас в известность. Моя собственная помолвка совсем затмила мне голову.

Повернувшись к младшему брату, он укоризненно произнес:

– Тебе не следовало оглашать свои намерения, пока я не переговорил с дядей.

Адам изобразил на лице приличествующее случаю раскаяние.

– Пойдемте, дядюшка, – продолжил граф Гленкирк. – Нам надо поговорить наедине. Даже вдова должна получить приданое.

Не успев хоть что-нибудь возразить, лорд Сайтен обнаружил, что оказался в библиотеке замка, где Адам сообщил ему о бесплодии Фионы, добавив, что ему очень повезло – он готов взять ее в жены, несмотря на этот прискорбный факт.

² Оглашение бракосочетания в церкви являлось одним из способов предотвращения незаконных союзов. Однако иногда молодым хотелось избежать публичной огласки, особенно если вдова слишком поспешно рвалась под венец, или между молодоженами была большая разница в возрасте, или же имела место беременность. В таком случае подавали заявку на брачную лицензию. Это была более быстрая, хотя и дорогостоящая процедура. Чтобы получить лицензию, жениху или невесте следовало прожить в приходе не менее месяца.

– Тогда зачем же она тебе? – выдавил ошеломленный лорд Сайтен.

– Все просто, дядюшка: я люблю эту шалунью.

Лорд Сайтен больше ни о чем не стал спрашивать, поскольку прекрасно знал, что его дочь никогда не пользовалась особым успехом у мужчин; про ее репутацию тоже знал. Будучи счастлив наконец-то избавиться от нее, он назвал весьма щедрую сумму приданого, которая и была с радостью принята другой стороной. Бракосочетание было назначено на весну.

Когда дядюшка покинул библиотеку, Гленкирк повернулся к брату:

– Но почему? Ты ведь мог жениться на прекрасной Изабелле Форбс и обзавестись законным наследником.

– Потому что, Патрик, я и в самом деле люблю Фиону. Еще с детства.

– Но она же шлюха! Совершенно безотказная.

– Теперь все будет по-другому. Не смотри на меня так скептически. Ты помнишь Нелли Бейрд?

– Ну да, – со вздохом произнес Гленкирк.

Была такая, его содержанка, которая всецело принадлежала ему до тех пор, пока не переспала с его братом.

Адам ухмыльнулся и, опять посерьезнев, продолжал:

– Фиона больше не будет бросаться на мужчин. Все это происходило потому, что она ненасытна в любви и вплоть до сегодняшней ночи не нашлось никого, кто мог бы удовлетворить ее страсть. Мне это удалось, и теперь она успокоится.

– Но ты мог бы иметь законного сына с девицей Форбс!

– Предоставляю Джеймсу и Майклу честь поддерживать наш род. Я же предпочитаю проводить все время с моей рыжеволосой чертовкой!

– Я же не говорю тебе «нет», брат, – рассмеялся граф. – Мы с молодой мисс Катрионой Хей постараемся за двоих.

– Послушай моего совета: укроти эту девушку, или ты не оберешься с ней проблем.

– И как, по-твоему, это сделать?

В ответ Адам пожал плечами.

– Это уже только твоя проблема, братец. У меня есть собственная, и имя ей Фиона.

В этот момент в библиотеку ворвалась Маргарет Лесли и яростно набросилась на старшего сына.

– Как ты мог! Позволить брату жениться на этой... блуднице? Сайтен просто счастлив опять избавиться от этой суки. Пусть Фиона и моя племянница, но я не позволю никому из моих сыновей связываться с этой волчицей!

Патрик встал и, холодно взглянув сверху вниз на мать, жестко произнес:

– Я хотел бы напомнить вам, мадам, что глава семьи я, а не вы, а значит, и решения здесь принимаю я. Адам любит Фиону, и она согласна выйти за него. Сайтен одобрил этот брак и готов дать за ней щедрое приданое. Они поженятся весной. Вам же следует усвоить: вы будете относиться к ней уважительно и доброжелательно, так же как к Катрионе, Эйлис Хей и в дальнейшем – к Изабелле Форбс.

Маргарет Лесли повернулась к младшему сыну, и тот заверил мать, взяв ее ладони в свои руки:

– Я люблю ее, мама, и хочу прожить с ней такие же счастливые годы, как вы с отцом.

Мег Лесли разрыдалась, и оба сына обняли ее.

– Вы всегда были упрямыми, как все мальчишки.

– Мадам, мы просто хотим быть счастливыми. Вы с отцом всегда были для нас примером, – сказал Адам.

Она высморкалась, вытерла слезы и улыбнулась:

– Ну что ж, господин граф и мой неразумный младший сын. Я приму в нашу семью Фиону, хотя по-прежнему считаю, что это неправильное решение: есть в ней что-то порочное. Мне она не нравится.

Глава 4

Граф Гленкирк ухаживал за своей будущей невестой с элегантностью и грацией французского придворного. Когда Эллен каждое утро приносила Катрионе завтрак, на подносе всегда лежал какой-нибудь подарок от Патрика. Он мог быть как очень простым: например, сосновой веткой с позолоченной шишкой, перевязанной красной бархатной лентой, – так и весьма дорогим – вроде резной шкатулкой из слоновой кости, в которой покоилась дюжина цветочных бутонов из бриллиантов. Катриона и Патрик все лучше узнавали друг друга во время коротких верховых поездок по покрытым декабрьским снегом холмам и длинных пеших прогулок по спящим под снегом садам.

Патрик Лесли был хорошо образован, и его юная суженая, которая с такой настойчивостью боролась за возможность учиться, с удовольствием внимала его словам. Графа порой даже забавляло такое несоответствие: столь серьезный острый ум в совершенно юном цветущем теле. В то же время его очень волновала ее наивность и полная неосведомленность в обычных вещах. Выросшая в закрытом мире Грейхейвена, она почти ничего не знала о жизни.

Их бракосочетание планировалось в День святого Валентина, а после пасхальных праздников собирались без особых церемоний связать себя узами брака Адам и Фиона. Вся семья уже знала, что церемония всего лишь формальность: они уже давно жили вместе. Фиона, всегда стремившаяся к стройности, теперь все больше округлялась и становилась похожей на кошку, которая ест одни сливки.

– Да она скоро замурлыкает, – хихикнула как-то Эйлис Хей. – Я только надеюсь на то, что мой Джейми будет так же хорош, как говорят девушки про кузенов Патрика и Адама.

– Так же хорош в чем? – не поняла Катриона.

Большие голубые глаза Эйлис раскрылись еще шире, и она опять хихикнула.

– О, Кэт! Умеешь же ты пошутить!

– Я и в самом деле не представляю, о чем ты говоришь!

– Да я о постели, гусыня ты этакая! – раздраженно воскликнула Эйлис. – Ходят слухи, что Гленкирки доводят девушек до безумия от наслаждения. Дождаться не могу июня, когда наконец смогу это проверить.

– Боже! Эйлис, да ты развратница не лучше Фионы!

Глаза Эйлис тут же наполнились слезами, и она так тряхнула в негодовании головой, что светлые волосы взметнулись вверх.

– Я, как и ты, Катриона Хей, девственница, но на этом наше сходство заканчивается! Я мечтаю о ночах в супружеской постели и готова для Джейми на все. Ты же холодна как ледышка. Смотри: если не изменишь свое отношение к плотским удовольствиям, граф будет искать утешения на стороне. И кто посмеет упрекнуть его за это?

Катриона отшатнулась от кухни. С тех пор как вся семья собралась на Рождество, Гленкирк вел себя в высшей степени корректно. Ни разу больше не повторился тот вечер у камина, когда граф ясно выказал свои чувства к ней, которых она раньше не замечала и до сих пор не была уверена, что сможет с ними справиться, но испытать их еще раз очень хотела.

Тем же вечером, одевшись только в мягкую ночную сорочку из льна, она пробралась из своих апартаментов и спряталась в алькове рядом с комнатами графа. Там было холодно, к тому же Гленкирк вернулся лишь поздно вечером. Катриона выскользнула из своего убежища и последовала за ним, он обернулся.

– О, Катриона, милая. Что случилось?

Заметив, что она дрожит, Патрик быстро накинул свою подбитую мехом домашнюю куртку ей на плечи.

– Что могло заставить тебя прийти сюда в столь поздний час?

От страха и стыда она буквально окаменела, поэтому ему пришлось подхватить ее на руки и усадить в кресло у огня.

– Итак, что все-таки стряслось?

Едва слышно Катриона пролепетала:

– Я хочу... мне надо, чтобы мы занялись любовью.

– Что за странная просьба?

– Пожалуйста, умоляю! Я правда хочу этого! О, милорд, мне ведь совершенно ничего не известно! Моя мать старалась исправить ситуацию, но, по ее рассказам, любовь очень высокодуховное чувство, тогда как же объяснить намеки Эйлис по поводу репутации Гленкирков? Фиона, например, ничуть не стесняясь, спит с Адамом и выглядит вполне довольной, даже задирает перед остальными нос. Все это далеко не духовно. Я же не представляю, чего ожидать. Пожалуйста, покажи мне, научи, хотя бы немного!

– Ну что же... – нарочито серьезно протянул Гленкирк. – Конечно, можно попробовать, но если вдруг испугаешься или передумаешь, скажи, чтобы я остановился.

– Хорошо, Патрик!

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в камине. Одной рукой он обнял девушку, а другой медленно, чтобы не испугать, приспустил ее ночную сорочку, обнажив чудесную упругую грудь цвета слоновой кости, увенчанную темно-розовым соском. Несколько мгновений он с восхищением смотрел на нее, затем накрыл ладонью и легонько сжал, тут же почувствовав, как дрожь прошла по всему ее телу. А большой палец уже начал свой танец вокруг розового соска, заставил его напрячься и приподняться над восхитительным полушарием. Он услышал, как Катриона тихонько ахнула, и по его губам скользнула довольная улыбка. Он склонился поцеловать ее и почувствовал, как его домашний халат соскользнул на пол, оттого что она обхватила обеими руками его шею. Осторожно сняв сорочку с прекрасного тела, он принялся ласкать бархатистую кожу. От его прикосновений девушка дрожала всем телом, всхлипывала, бормотала что-то, и что есть сил, прижималась к нему. Внезапно он прекратил свои ласки, но она запротестовала:

– Пожалуйста, милорд! Еще! Я совсем не боюсь.

Но слишком велико было уже его собственное вожделение, и Патрик не мог поручиться, что сумеет остановиться, не овладеть ею здесь и сейчас.

– Мы должны, Кэт! Если я не отправлю тебя сейчас в твою комнату, то не смогу удержаться и совершу непоправимое.

– Прошу вас, милорд! Именно этого я и хочу, прямо сейчас.

Будь на ее месте кто-нибудь другой, Патрика не пришлось бы долго уговаривать, но это Кэт, его девственная суженая, которая только-только начала пробуждаться для любовных наслаждений.

– Нет, милая. В свете утра все будет восприниматься иначе. И если я позволю себе сейчас воспользоваться твоей слабостью, ты меня возненавидишь. Всему свое время и место.

Со вздохом он помог Кэт надеть сорочку, подхватил девушку на руки, и отнес обратно в ее комнату, осторожно уложив в постель и прикрыв одеялом.

– Спокойной ночи, любовь моя!

После того как Патрик закрыл за собой дверь, Катриона Хей долго лежала без сна и прислушивалась к тишине ночи. В камине негромко потрескивали дрова. Где-то вдалеке ухала сова, ей подвывали волки. Теперь девушка начинала понимать, что имела в виду мать, но точно так же понимала Эйлис и проникалась сочувствием к кухне Фионе. Вспоминая события полу-

торачасовой давности, она почувствовала, как напряглись груди, а щеки охватило жаром. Остаток ночи Катриона пребывала в беспокойном полусне-полубодрствовании.

С Гленкирком они встретились утром, перед традиционной прогулкой верхом, и граф приветствовал ее в своей обычной манере. Кэт последовала его примеру, и все шло как обычно, пока они не оказались на безопасном удалении от замка. Тогда, медленно повернувшись к нему, она произнесла:

– Я ни о чем не жалею – имейте это в виду.

Он широко улыбнулся.

– Так и сожалеть не о чем, Кэт. Мы всего лишь целовались и ласкали друг друга... обычное дело для влюбленных.

– Я снова приду к тебе, – твердо заявила Кэт.

Патрик усмехнулся.

– Лучше оставайся в своей кровати, как хорошая девочка, или я не отвечаю за последствия.

Повернувшись к нему, она надула губки.

– Я не хочу оставаться в одиночестве.

Он всмотрелся в ее лицо и понял, к своему величайшему удивлению, что его будущая жена вовсе не кошечка, а истинная тигрица, и, уже серьезно, предупредил:

– Не советую упорствовать, иначе придется поучить тебя хлыстом, так что не сможешь сесть на свою чудесную попку. И я не шучу.

Поздно вечером она заявила в его комнату и, протянув ему хлыст из кожи газели, сбросила ночную сорочку. Он швырнул хлыст в огонь камина, притянул ее, нагую, к себе и принялся целовать. Рука его скользнула к пушистому холмику. Она всхлипнула, но не остановила его...

Празднества Двенадцатой ночи закончились, братья и сестры разъехались по своим домам. Граф настоял, чтобы Катриона вернулась в Грейхейвен на несколько недель, чтобы потом снова приехать в Гленкирк, уже на собственное бракосочетание. Катриона не хотела уезжать, но поскольку каждую ночь она упорно приходила к Патрику в комнату, он чувствовал, что, если не получит передышки от этой пытки, то сделает нечто такое, о чем им потом обоим придется жалеть.

За пару недель до бракосочетания она вернулась в Гленкирк с целым караваном приданого: одежда, драгоценности, ткани, домашняя утварь, мебель. К смутению Патрика, она поселилась в апартаментах графа и графини, к которым примыкала и спальня Патрика. На дверях между комнатами никогда не было замков, и, если бы он велел поставить их сейчас, это вызвало бы массу разговоров. В первый вечер после возвращения невесты он намеренно допоздна засиделся с Адамом в надежде, что к тому времени, когда вернется, она уснет.

Наконец, пожелав брату спокойной ночи, Патрик направился к себе. Дверь между двумя спальнями была открыта. Он прислушался, но из другой спальни не доносилось ни звука. Быстро раздевшись, он собирался забраться под одеяло, когда услышал нежный голос:

– Патрик, любовь моя, приди ко мне, постель уже согрета.

Повернувшись, он обнаружил ее стоящей в дверном проеме между двумя комнатами, совершенно обнаженную, как и он сам. Он не мог оторвать взгляда от ее чудесных полных грудей и длинных стройных ног. Волосы цвета темного меда падали густой тяжелой волной до тонкой талии. Блеск глаз не скрывал даже полумрак.

– Если я разделю с тобой сегодня постель, то хода назад уже не будет. Я больше не стану просто ласкать тебя, а возьму твою девственность. Не пожалей потом!

– Пойдем, Патрик.

Кэт сделала несколько шагов к своей спальне, и он последовал за ней.

– Ты уверена, милая?

– Не могу ждать больше ни мгновения. Пожалуйста, не заставляй меня упрашивать!

Она юркнула в постель и протянула к нему руки. Патрик лег рядом, притянул ее трепещущее тело к себе и принялся целовать. Почувствовав, как всю ее охватила дрожь, он приподнялся на локте и попытался взглянуть в глаза.

– Ты уверена?

– Да, милорд.

Его губы принялись изучать ее тело, а когда сомкнулись на маленьком твердом соске, от восхитительных ощущений – наслаждения и страха – она заметалась. Его рука исследовала влажное тайное местечко у нее между ног – поглаживая, лаская, подразнивая. Осторожно он ввел в нее палец, и она изогнулась дугой, принимая его, непроизвольно напрягаясь. Он был очень осторожен, не желая причинить ей даже малейшей боли.

Однако он не торопился. Впереди у них целая ночь, и Патрик хотел, чтобы Кэт вознеслась к вершинам наслаждения. Она была у него далеко не первой девственницей, и он по своему опыту знал, что возбужденные девушки испытывали меньшую боль при проникновении.

Он взял ее ладонь и положил на свой напряженный орган. Она не только не отдернула руку, а, напротив, хоть и неловко, но нежно погладила его, вдруг нагнулась и... поцеловала бархатистую головку.

Крупная дрожь охватила все его тело. Повернув ее так, чтобы обеспечить себе доступ к каждой выпуклости и впадинке, он стал ее целовать. Их языки горели пламенем страсти, изучая и сжигая друг друга. Она извивалась под ним, и Патрик был счастлив, что сумел заставить ее задыхаться от наслаждения. Склонив голову к ее тайному местечку, он коснулся губами крошечного бугорка, затем проник языком в призывную маленькую расщелину. Катриона испуганно вскрикнула.

Лаская губами и языком нежные складки, он развел ей бедра. Дождавшись, когда она содрогнется, достигнув пика, он приподнялся на руках и осторожно вошел в нее. Ему пришлось призвать на помощь все свое самообладание, когда она резко подалась ему навстречу. Замерев на мгновение, он посмотрел на нее: вся покрытая легкой испариной, она казалась... испуганной.

Лаская дрожащее тело, он попытался успокоить ее, и Кэт едва слышно пролепетала:

– Мне больно, Патрик! Ужасно больно...

– Потерпи еще минуту, дорогая! Мгновение, а затем будет лучше.

И не давая ей возможности протестовать, он, напрягшись всем телом, вошел в нее до упора, прорвав преграду. Глаза ее расширились, и она вскрикнула от боли, но он заглушил ее крик поцелуями. Через несколько мгновений боль начала стихать, а когда почти исчезла, он стал медленно, нежно двигаться внутри ее. Кэт тут же подхватила его темп и стала двигаться вместе с ним. Волны наслаждения постепенно накатывали на нее, а когда стали особенно интенсивными, одна такая волна закружила ее и накрыла с головой. Она услышала протяжный крик и не сразу узнала собственный голос. Сознание затуманилось, а когда Кэт пришла в себя, то обнаружила, что заливается слезами в объятиях Патрика.

Его терзали угрызения совести и ненависть к себе. Покрывая поцелуями ее мокрые от слез щеки, он молил простить его за грубость. Кэт оборвала его покаянную речь смехом сквозь слезы.

– Какой же ты глупый! За что же мне тебя прощать? За то, что наконец-то сделал то, о чем я столько просила?

Она обхватила ладонями его лицо.

– Я люблю тебя, милый! Слышишь? Просто схожу по тебе с ума, милорд! Я бы не перенесла, если бы ты когда-нибудь отверг меня за своеволие.

Патрик удивленно посмотрел на нее и внезапно расхохотался.

– Ты и вправду слишком своевольная, но я люблю тебя всем сердцем и поэтому прощаю. Только на будущее запомни: в этом доме я буду хозяином!

– До тех пор пока я буду его единственной хозяйкой, милорд! – не осталась в долгу Кэт, и он снова рассмеялся.

– Какая же вы дерзкая шалунья, мадам!

Патрик легонько толкнул ее в грудь подушек и предложил:

– А теперь спать, если не хочешь, чтобы утром весь замок знал, чем мы тут занимались.

Она вопросительно вскинула бровь, и он не смог удержаться от смеха.

– Нет, сегодня больше ничего не будет, моя ненасытная. Если не хочешь сегодняшним утром переваливаться как утка, одного раза вполне достаточно. Но у нас еще будут такие ночи, я буду любить тебя не останавливаясь до утра. Да и разве может человек с огнем в душе насытиться тобой, любовь моя?

Утром, убираясь в спальне, Эллен обнаружила пятна крови на постельном белье Катрионы, но никому ничего не сказала: кому какое дело, если жених и невеста провели брачную ночь до того, как отпраздновали бракосочетание. Ее беспокоило лишь одно: что, если ее юная хозяйка выходит замуж за человека, которого не любит? И вот теперь она могла больше не переживать – Катриона никогда не отдалась бы до свадьбы Гленкирку, если бы не любила.

К сожалению, об этом узнала и Фиона. Конечно, никто не поделился с ней этой информацией, но своим инстинктом бродячей кошки она сама все поняла. За три дня до свадьбы, увидев Катриону, шагавшую по коридору, она сказала, изображая деликатность:

– Ну, наконец-то ты уступила ему, кузина. Здорово, что все-таки отважилась! Да и чего уж, если скоро свадьба, верно?

Катриона покраснела оттого, что ее секрет раскрыт, но не пожелала, чтобы последнее слово осталось за Фионой, и ехидно поинтересовалась:

– Ревнуешь, кузина?

Фиона только рассмеялась.

– Послушай, моя маленькая Кэт. Я сплю с мужчинами с тринадцати лет, и за все это время не было такого, кто смог бы передо мной устоять, если бы я его захотела. Твой драгоценный Гленкирк не исключение.

– Вранье! – бросила ей в лицо Катриона.

– О нет, – ядовито улыбнулась Фиона. – Я попробовала их обоих, но предпочла Адама. Но чтобы ты не сомневалась... – И Фиона принялась в деталях описывать спальню Патрика.

Не говоря ни слова, Кэт пошла прочь, а уединившись в своих покоях, достала теплые замшевые штаны для верховой езды, шелковую рубашку, сапоги на меху и плотную меховую куртку.

– Куда вы собрались? – воскликнула ничего не понимающая служанка, когда Катриона отправила ее в конюшню с наказом оседлать Бану.

– Понятия не имею! – сказала Кэт, взлетая в седло. – Но когда почтенный граф Гленкирк вернется из поместья Форбсов, скажи ему, что я скорее выйду за самого дьявола, чем за него!

Развернув и прищипорив Бану, она поскакала по опущенному подъемному мосту в сумерки зимнего вечера.

Глава 5

Эллен, подхватив обеими руками юбки, спотыкаясь, бросилась обратно в замок и, разыскав владельца Грейхейвена, задыхаясь от бега и чувств, выпалила:

– Она уехала, лорд Хей! Катриона уехала!

Грейхейвен не сразу осознал происшедшее, зато жена его среагировала мгновенно:

– Что стряслось?

– Я сама ничего толком не знаю, миледи. Она выглядела такой счастливой, когда вернулась в Гленкирк, и все мысли у нее были только о свадьбе.

– Интересно, – задумчиво протянула Хизер. – Может, все это было только притворство?

– Нет-нет, миледи! Она влюблена в графа, это ясно как день. Они ведь...

Эллен зажала себе руками рот, но Хизер все поняла.

– Как давно?

– О, миледи!

– Эллен!

– С первой же ночи, когда нас не было. На следующее утро я обнаружила пятна крови, но началось все еще в рождественские дни. Только никакого насилия не было – в этом я совершенно уверена, миледи!

– Ты хочешь сказать, что они любовники? – возмутился Джеймс Хей, поняв наконец о чем речь.

– Ох, Грейхейвен, – бросила ему жена, – помолчи, а? Все это совершенно неважно, если свадьба через три дня. Эллен! Что делала Кэт сегодня после обеда? И куда могла отправиться?

– После обеда она, как всегда, немного поспала, затем взяла вышивание и отправилась в большой зал. Графа не было в замке весь день, так что поссориться они не могли.

Пришлось опросить всех слуг. Выяснилось, что те, кто видел Катриону в послеобеденное время, ничего особенного не заметили: напротив, девушка выглядела вполне здоровой и довольной жизнью.

– Что же в таком случае могло ее напугать? – задумчиво произнесла Хизер.

– Она вовсе не выглядела напуганной, миледи, – возразила Эллен. – Скорее кипела от ярости.

В это время со двора слышалось цоканье копыт и лай собак – это Гленкирки вернулись из поместья Форбсов, куда ездили для заключения письменного соглашения о помолвке Изабеллы Форбс. Весело переговариваясь, они поднялись в главный зал замка, но при виде сцены, представшей их взорам, остановились и замолчали.

– Что случилось? – прервал молчание граф.

– Это Кэт! – выпалила Хизер.

Патрик побледнел, и Хизер поспешила успокоить его:

– Нет-нет, с ней все в порядке.

– Тогда в чем же дело?

– Она умчалась из замка в страшном гневе. Почему – бог весть...

– Когда?

– Около часа назад. Ни с того ни с сего.

– Кто-то говорил с ней? Как вы узнали, что она покинула замок?

После ответа Хизер граф повернулся к Эллен.

– Она просто ворвалась в спальню, милорд, и потребовала, чтобы я отправилась в конюшню и передала ее распоряжение оседлать Бану. Я пыталась ее остановить, но она ни в какую! Никогда еще она не разговаривала со мной в таком тоне. Она была в своем старом костюме для верховой езды. Еще она сказала, милорд, сказала... Ну, в общем, что скорее выйдет замуж за самого дьявола, чем за вас! Затем пришпорила лошадь и ускакала. Я сразу же побежала к леди Хей и все ей рассказала.

– Должно быть, кто-то изрядно расстроил ее, – процедил сквозь зубы Патрик.

– Расстроил кого? – спросила Фиона, появляясь в зале. – И вообще, что здесь происходит?

Патрик обернулся к ней:

– Ты видела Кэт сегодня после обеда?

– Да. Сидела здесь, что-то вышивала.

Граф взглянул на брата, и Адам, кивнув, увлек будущую жену в библиотеку. Представ перед обоими братьями, Фиона перепугалась не на шутку.

– Что ты сказала Кэт, дорогая кузина? – ледяным тоном поинтересовался Патрик.

– Ничего особенного, клянусь! Так, перебросились парой слов о всяких женских штучках.

Адам схватил суженую, перегнул через спинку кресла и ударил стеком для верховой езды. От боли Фиона завопила, попыталась вырваться. Но Патрик присоединился к брату, чтобы удержать ее на месте, и процедил с угрозой:

– Итак, что ты сказала Катрионе?

– Ну... что ты спал со мной, – не переставая всхлипывать, созналась Фиона.

– Мерзкая сука! – выругался Патрик. – Мне понадобилось несколько недель, чтобы заслужить доверие Кэт, а ты разрушила все за минуты.

Громко хлопнув дверью, он едва не бегом покинул библиотеку. Адам же, глядя на Фиону, поднял руку с зажатым в кулаке стеком и, прежде чем снова обрушить его ей на спину, произнес:

– Я же предупреждал: если вздумаешь устраивать неприятности, будешь наказана.

– Нет, Адам, не надо!

Он продолжал безжалостно хлестать ее, пока она не потеряла сознание.

Гленкирк тем временем организовал поиски Катрионы. Поскольку любимый жеребец устал после поездки, он велел оседлать своего второго фаворита, Дерга, а в сопровождающие взял только брата Эллен, Конелла Мор-Лесли. Прежде чем пуститься на поиски, он переговорил с матерью, теткой Хизер и Адамом, чтобы выяснить, куда она могла направиться.

– Да она знает всю деревенскую округу вдоль и поперек. Могут уйти недели на поиски. Но свадьбу отменять нельзя, так что ты, Адам, и Фиона займете наше место. – Патрик со вздохом посмотрел на Адама. – Ты все еще намерен взять эту суку в жены?

– Уверен, подобное больше не повторится.

– Патрик, сын мой! Не суди Катриону строго, – взмолилась Мег. – Она молода и невинна, а Фиона ужасно расстроила ее своей ложью.

– Мадам, – холодно произнес Патрик, – Катриона уже две недели делила со мной ложе. Я относился к ней со всей возможной добротой и никогда ни к чему не принуждал. Она же, ни в чем не разобравшись, предпочла поверить наговору и сбежать. Я не могу ей этого простить. Я найду ее и непременно женюсь, как и собирался, но до того возьму хороший прут и так выпорю ее, что не сможет сидеть неделю.

Через несколько минут, сопровождаемый Мор-Лесли, он галопом вылетел из замка. Стояла холодная ночь, но путь им освещала полная луна. Первым делом всадники отправились в Грейхейвен, но там девушки не оказалось. Следующий пункт – Сайтен, но и здесь их ждало разочарование. Поутру Патрик принял решение прочесать весь район, однако Катриона как сквозь землю провалилась: ни один человек не видел ее.

Подошел День святого Валентина, и Адам Лесли сочетался браком со своей вдовствующей кузиной. Чтобы не возникло кривотолков по поводу бракосочетания Патрика и Катрионы, был пущен слух, что жениха и невесту внезапно сразила корь. Гости вдоволь насмеялись: ну разве это не удача, что всем им предстоит еще одно торжество.

Свадебный пир Адама и Фионы был поистине великолепен, хотя новоиспеченная леди Лесли выглядела усталой и несколько подавленной. Фиона, разглядывая гостей с почетного места во главе праздничного стола, прикидывала, как бы они среагировали, если бы узнали истинную причину ее бледности. Три последних ночи перед свадьбой она провела привязанной к креслу, откуда была вынуждена наблюдать, как Адам занимается любовью со смазливой ненасытной крестьянской девкой. Она пыталась закрывать глаза, но доносившиеся из постели звуки так возбуждали, что не удавалось отвести от парочки взгляд: как загипнотизированная

смотрела Фиона на мощные толчки в извивающееся тело крестьянки. Она едва выносила эти страдания: временами казалось, что она сходит с ума.

Утром в день бракосочетания ей наконец было сказано, что наказание закончено. Фиона поклялась никогда больше не пытаться вредить кухне и пообещала, когда Катриона отыщется, извиниться перед ней и рассказать правду. Адама это вполне удовлетворило, поскольку он знал, как держать будущую супругу в узде.

Закончился февраль, март сменился апрелем, когда стало известно, где искать Катриону. Эллен, навестив своих родителей в Крэнноге, узнала, что ее хозяйка живет у них! Катриона, покинув Гленкирк, отправилась прямо к Руфи и Хью Мор-Лесли. Руфь, которой уже перевалило за шестьдесят, сразу же согласилась укрыть девушку, а вот Хью не был уверен в правильности такого решения. И все же Руфь сумела убедить супруга, что ее давно умершая хозяйка одобрила бы такой поступок.

– Но ведь соседи должны были что-то заподозрить? – удивленно спросила Эллен.

– С какой стати? – сказала Руфь. – Они ни разу ее не видели. Днем она из дома не выходила, выезжала на своей Бане лишь вечером, когда стемнеет.

– Но не может же она жить у вас постоянно! Она не говорила, почему сбежала из замка?

– А как же! Из-за этой злобной Фионы! Я знавала ее, когда та была еще девчонкой. Похоже, теперь, когда выросла, стала еще хуже.

– Так и есть: именно ее отвратительный характер стал всему виной. То, что ей сказала Фиона, наверняка ложь, но мисс Катриона поверила и покинула замок, вместо того, чтобы поговорить с милордом Гленкирком и все выяснить. Его очень задело, что она так плохо думает о нем, но несмотря ни на что он по-прежнему намерен жениться на ней.

– Что ж, в таком случае мы должны устроить так, чтобы он нашел ее, но только не здесь, – мудро заключила Руфь.

– Есть такое местечко, мама. Бабушка Кэт, Жеан Кордон, завещала ей домик в А-Куил, как часть приданого. Местечко укромное, расположено в горах несколько выше Лох-Сайтена.

– И в каком он состоянии?

– Домишко из камня со сланцевой крышей, недавно отремонтированный в связи со свадьбой. Там есть кухонька, комната, а наверху – спальня. И даже конюшня на два стойла. Вот, пожалуй, и все.

– Сколько туда добираться верхом?

– Около часа, но все время в гору, – вздохнула Эллен.

– Это ерунда, – улыбнулась Руфь. – Сначала я постараюсь убедить мисс Катриону, что там ей будет спокойнее, а потом отправлюсь в Гленкирк, к графу. Это место уединенное, вдали от семейного гнезда, так что смогут разобраться между собой без помех.

Руфь сдержала слово. Убедив Кэт в необходимости больше времени проводить на свежем воздухе, особенно теперь, когда наступает лето, и заверив, что А-Куил находится на значительном расстоянии от Гленкирка, она сумела уговорить ее перебраться туда. Эллен была отправлена первой, чтобы проветрить помещения, прибраться и приобрести продукты. Кэт, страдавшая от одиночества, охотно согласилась на предложение служанки составить ей компанию.

Из А-Куила, расположенного на утесе высоко в горах, в окружении сосен, открывался прекрасный вид на Гленкирк, Сайтен и Грейхейвен. Место было уединенное и тихое. Несколько дней Катриона без усталости бродила по окрестным лесам, а по ночам наконец-то крепко спала в уютной спальне. Эллен устраивалась на низенькой кровати, которую днем убирала под кровать хозяйки. Так прошло десять дней, и Катриона действительно успокоилась и почувствовала себя в безопасности.

Как-то вечером, когда за окном лило как из ведра, девушки разожгли огонь в очаге и уселись ужинать. С аппетитом уплетая поджаренный хлеб с сыром и запивая его слегка крепленным сидром, они молча наблюдали за вспышками молний. Тишину в хижине нарушало лишь

потрескивание хвороста в очаге да раскаты грома за окном. Внезапно дверь хижины с грохотом распахнулась, и на пороге появился граф.

– Там, в кухне, ваш брат, Эллен. Найдете место, где вы вдвоем могли бы переночевать?

– Да, милорд, чердак над конюшней.

– Тогда ступайте туда.

– Нет! Не оставляй меня с ним, Эллен!

Служанка растерянно взглянула на хозяйку, но граф взял ее под руку и проводил до двери.

– Не заходите в эту комнату до тех пор, пока я вас не позову. Вам понятно?

– Да, милорд.

Дверь за Эллен закрылась, и служанка услышала, как гулко встал на место засов. Спустившись по лестнице, Эллен поздоровалась с братом и, провожая его в одну из комнат над конюшней, спросила:

– Он сильно сердит на нее, Конелл?

– Как черт! Не удивлюсь, если пустит в ход розги.

– Господь с тобой! – всплеснула руками Эллен. – Да он по ней с ума сходит!

– И все же, уверен, это пойдет ей на пользу. Если он не поставит эту капризную девчонку на место с самого начала, у него всегда будут с ней проблемы.

– Если бы мы знали, что он намерен обижать девочку, мы никогда не позволили бы ему найти ее.

– Сестра, – со вздохом, словно пытался растолковать ребенку прописную истину, возразил Конелл, – да не собирается он причинять ей вред: только отшлепает, чтобы научить хорошим манерам.

Эллен в сомнении покачала головой, потому что знала свою подопечную куда лучше, чем кто бы то ни было. Графу же только предстоит узнать, что телесные наказания ни к чему не приведут и никогда не усмирят его невесту.

Глава 6

Катриона Хей кипела гневом, глядя, как граф Гленкирк не спеша аккуратно расправляет промокший плащ на спинке кресла у камина. Затем он также не торопясь снял насквозь промокшую льняную рубашку и, опустившись в кресло, потребовал:

– Сапоги, Кэт!

Это были первые слова, обращенные непосредственно к ней.

– Убирайся к черту! – последовал ответ.

– Сапоги! – спокойно повторил Гленкирк, и в его зеленых с золотым отливом глазах появился опасный блеск.

Кровь гулко стучала в висках, но Кэт все же встала на колени и стянула с него сапоги. Все в ней клокотало от ярости. Приподнявшись с кресла, граф схватил ее за длинные волосы и, намотав их на руку, притянул ее лицо к своему. Другой рукой, дернув за ворот, он разорвал ее сорочку.

– Я однажды предупреждал, что, если будешь мне противостоять, получишь хорошую трепку!

И, прежде чем Кэт смогла хоть что-то сказать, он толкнул ее лицом вниз на постель и изо всех сил хлестнул стеком по ягодицам. Вскрикнув от боли и гнева, она попыталась было вырваться, но он удержал ее и оставил еще несколько алых полосок на ягодицах. Затем, отбросив стек в сторону, он за волосы поднял Кэт с постели и холодно проговорил:

– Это были чудесные месяцы, мадам! Так нашу семью еще никто никогда не позорил. С радостью сообщаю, что свадьба состоится, а законная супруга моего брата Фиона займет почетное место на нашей церемонии.

Перевернувшись, Кэт осторожно села на кровати и, вызываясь вскинув залитое слезами лицо, воскликнула:

– Ты негодяй! То, что было между ног у меня, ты вводил и в нее! Никогда не прощу тебе этого! Никогда!

– Маленькая сучка! Как ты смеешь меня обвинять?! И как можно было поверить Фионе?! Однажды она действительно пробралась в мою комнату и разделась догола. Со мной в тот вечер был Адам, и он уже несколько лет сходил по ней с ума, а я ушел спать в его комнату. Никогда ничего не было у меня с этой дьяволицей!

– А почему я должна тебе верить? Твоих бастардов полно в округе. Фиона к тому же сказала, что всегда добивается своего: спит с кем хочет, – а потом описала твою спальню в деталях. И как, по-твоему, мне следовало на это реагировать?

– Почему ты сразу поверила ей, даже не поговорив со мной? Ведь знала, что я люблю тебя и никогда не заставлю страдать.

– Лжец! Ненавижу тебя! Убирайся из моего дома!

– Твоего? Нет, Кэт. Этот дом является частью наследства, которое я получил вместе с тобой. Теперь он, как и ты, принадлежит мне.

Он толкнул ее в плечо и придавил к постели своим телом.

– Ты моя собственность, Кэт, так же как Гленкирк, как лошади, как собаки, – вещь, которую я буду использовать для рождения сыновей.

Она вдруг вскинула руку, и в рукаве что-то блеснуло. Патрик рывком отскочил, успев перехватить ее запястье и вырвать зажатый в пальцах небольшой кинжал.

– Откуда тебе известны приемчики шлюхи, милая? Что ж, значит, и обращаться с тобой надо как со шлюхой! – процедил Гленкирк.

– Лучше я буду шлюхой, чем твоей женой! И ни один мужчина до тебя не прикасался ко мне!

Он засмеялся.

– Да, я помню, но с тех пор, как ты выказала некий... интерес, я кое-чему тебя научил. Теперь в постели ты не будешь неумехой. Пожалуй, практики у тебя маловато, но я это исправлю.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожилась Катриона, в то время как ее глупое сердце пустилось вскачь.

– А то, моя дорогая, что пока я не осчастливию твое чрево своим наследником, домой в Гленкирк ты не отправишься. Совершенно ясно, что быть уверенным, что ты согласишься на свадьбу, я не могу, но если ты будешь носить моего сына, то выбора у тебя не будет.

Быстро освободившись от костюма для верховой езды, он грубо схватил ее за ноги, развел их в стороны и, забросив себе на плечи, погрузился лицом в пушистые завитки. Ее крики ужаса вскоре сменились стонами стыдливого желания, когда его бархатный язык проник к ней в пещерку и принялся там хозяйничать.

– Патрик! Нет! Пожалуйста. О боже мой! Нет!..

Она отчаянно пыталась как-то увернуться от требовательного и настойчивого рта, который лизал, посасывал, однако большие сильные руки держали ее словно в железных тисках, посылая в глубь ее тела волны огня и боли. Всхлипывая, она извивалась, пытаясь не позволить ему одержать победу, но дважды ему это все-таки удалось. После того, как ее тело перестало содрогаться, он оседлал ее и глубоко проник в лоно, чтобы усладить самого себя. Когда она смогла осознать происходящее, то поняла, что опять нетерпеливо извивается под ним. Он ускорил движения, хрипло вскрикнул и, скатившись с нее, холодно произнес:

– Это, моя дорогая, был урок номер один.

Забившись в угол кровати, она заплакала от унижения. Плечи ее тряслись.

Ему хотелось обнять и успокоить ее, но Патрик Лесли был уверен, что малейшее проявление нежности все разрушит. Он совершенно не хотел сломить ее дух – просто должен был показать, кто в доме хозяин.

Катриона же в силу своей неопытности не знала, каким образом женщина может управлять мужчиной, так, чтобы он об этом даже не догадывался. Патрик был бы поражен, если бы узнал, что плакала она не от того, что он сделал, а оттого, что он оказался сильнее ее.

Он снова притянул девушку к себе и обхватил груди.

– Нет! – запротестовала Кэт, но Гленкирк, не обращая на нее внимания, сильнее сжал ладонь и прошептал:

– У тебя самая лучшая грудь из всех, что я встречал.

Его руки спустились ниже, к подрагивающему животу, пушистому холмику...

– Нет! Не надо больше! – воспротивилась Катриона.

Мягко усмехнувшись, он приподнялся на локте, раздвинул ей ноги пошире и принялся перебирать пальцами ее влажные складки.

– Разве тебе не понравился урок номер один, дорогая?

Извернувшись всем телом, она снова попыталась освободиться от его руки.

– Когда я расскажу отцу, как ты меня изнасиловал, он тебя убьет!

– Нет, милая, даже не надейся. Он благословил меня делать с тобой все, что угодно, так как знает, что я выполню условия брачного соглашения и женюсь на тебе, чего он, собственно, и ждет.

Катриона понимала, что Патрик прав, и это приводило ее в неистовство.

Он ближе притянул ее, завладел искусанными губами и целовал до тех пор, пока она не закричала от боли. В тот же миг его губы стали мягкими и нежными, а прикосновение восстановившей плоти к бедрам побудило их раздвинуться, поясница выгнулась, чтобы оголодавшая укромная пещерка смогла принять член.

Глядя на все это, Патрик Лесли мягко усмехнулся:

– Бог мой, Кэт, да ты просто маленькая голодная сучка! Пожалуй, ничуть не меньше Фионы охоча до мужчин.

Оба ее кулачка заколотили по его гладкой, лишенной волос груди, что снова рассмешило Патрика, и он принялся мягко усмирять ее сопротивление, пока оно не сменилось податливостью.

В конце концов, насытившись, он заснул. Кэт не могла выбраться из его крепких объятий, поэтому смирилась и вскоре тоже уснула.

Ранним утром, едва проснувшись, граф снова овладел девушкой, хотя все ее тело уже болело, а между ног саднило. Поняв это, Гленкирк сходил за ванной из обитого железом дуба, поставил ее перед огнем камина и, сопровождаемый удивленными взглядами, принялся носить из кухни емкости с горячей водой. Когда ванна наполнилась почти до краев, Патрик достал кусок сладковато пахнущего мыла и, подняв Кэт на руки, опустил в воду, не удержавшись от комментария:

– От тебя несет как от шлюхи из борделя.

– Тогда ты должен чувствовать себя как дома, – съязвила Катриона.

Патрик снял с постели белье, вынес в прихожую и застелил кровать свежими простынями с ароматом лаванды. Потом он покинул комнату, а когда вернулся, в руках у него был кубок. Она уже к этому времени, приняв ванну, сидела у камина, завернувшись в полотенце.

– Выпей.

– А что это?

– Сладкое красное вино с взбитыми яйцами и ароматными травами.

Напиток оказался таким изысканно вкусным, что Катриона осушила весь кубок. Забрав влажное полотенце, Патрик поднял Кэт на руки, перенес в постель, уложил на прохладные простыни и накрыл одеялом.

– Постарайся заснуть, дорогая: ночь была длинная.

Нагнувшись, он поцеловал Катриону в лоб, и она спросила:

– А ты куда?

Патрик Лесли собирался ответить, но Кэт уже уснула. Постояв несколько минут у кровати, глядя на свою спящую невесту, он думал о том, как любит ее и как ее напугал, но он не собирался рассказывать ей о своих чувствах. Женщин лучше держать в неведении – тогда ими проще управлять. И он не выдержит, если она скажет, что ненавидит его.

Он тоже вымылся, оделся и спустился в кухню. Конелл был уже там и хотел встать при его появлении, но Гленкирк его остановил и обратился к его сестре:

– Эллен, дорогая, дайте и мне миску этой замечательной овсянки, которой наслаждается ваш брат.

Служанка подала ему кашу, и, прежде чем приняться за еду, Патрик сказал:

– Конелл, я бы хотел, чтобы ты съездил сегодня в Гленкирк и привез для меня и Катрионы одежду. Мы проведем здесь несколько недель. Эллен спросит, что ей нужно, и я запишу.

– Я умею и читать, и писать, милорд, – холодно заметила служанка. – Если вы не против, я предпочла бы написать леди Хей сама.

– Очень хорошо, – улыбнулся Патрик. – Не осуждайте меня. Я же люблю ее, и вы это прекрасно знаете.

– Но вы наказали ее, милорд...

– Всего-то с дюжину розог по аппетитной попке. Пусть знает, кто в доме хозяин.

– Дюжина?

– Она заслужила гораздо больше, но я решил проявить милосердие.

– Да уж, – согласилась Эллен. – Только вот что я вам скажу: когда она была ребенком, порка ни к чему хорошему не приводила. После наказания она только еще больше распалялась.

– С тех пор ничего не изменилось, – усмехнулся граф.

Эллен написала леди Хей записку, в которой просила прислать несколько перемен нижнего белья, пару мягких полотняных рубашек, полдюжины ночных кружевных рубашек из приданого Катрионы, бархатный халат, домашние туфли и несколько кусков туалетного мыла. Ее подопечная, убегая из Гленкирка, догадалась захватить с собой расческу для волос, а также зубную щетку, пользоваться которой ее научила прапрабабушка.

– В списке не слишком много всего, но я буду здесь и постираю, если надо. Все это не займет много места, так что проблем не будет, – сказала служанка, передавая листок.

Граф поблагодарил Эллен и повернулся к Конеллу.

– Отведи Бану и кобылу твоей сестры обратно в Гленкирк. Я хочу, чтобы здесь остались только две наши лошади.

– О, милорд, – взмолилась Эллен, – не забирайте у нее Бану. Она так любит кататься верхом.

– Она получит свою лошадь, когда мы вернемся обратно в Гленкирк. Не хочу предоставлять ей шанс сбежать от меня. Мы останемся здесь до тех пор, пока она не понесет моего ребенка. После этого я отвезу ее домой и женюсь.

Эллен вздохнула.

– Она рассердится, милорд.

– Я сейчас уеду на охоту, так что буду избавлен от ее гнева, – сухо ответил Гленкирк.

Кэт проснулась ближе к вечеру. Конелл уже вернулся, поэтому первое, что увидела девушка, была Эллен, которая стояла на коленях перед небольшой коробкой и вытаскивала из нее какие-то вещи.

– Что это ты делаешь? – спросила она сонно.

– Да вот убираю вашу одежду и белье, милая. Конелл только что привез все это из Гленкирка.

Кэт, окончательно проснувшись, села в кровати.

– А где Патрик?

– Уехал еще на рассвете охотиться на оленя.

– Дай мне чистую рубашку и бриджи: хочу отправиться на верховую прогулку, раз утром не получилось.

С этими словами она спрыгнула с кровати.

Эллен глубоко вздохнула.

– Ничего не получится, мисс Кэт. Вы только не сердитесь. Его светлость приказал переправить вашу Бану и мою Броуни в Гленкирк.

Катриона яростно выругалась.

– Вот ублюдок! Если бы я могла, то ушла бы отсюда пешком, но не провела бы больше ни одной ночи в этом доме, пока он здесь.

– Он также распорядился, – продолжила Эллен, – не выпускать вас из дома. Вы можете ходить здесь нагой, сказал он, или в ночной сорочке, но никакой другой одежды мне приказано вам не давать.

В груди Кэт все кипело от ярости, но она сумела справиться: ведь верная Эллен ни в чем не виновата.

– Дай мне надеть хоть что-нибудь, – попросила она устало. – И не суетись, ради бога: все это бесполезно. Все равно он скоро сорвет с меня все это, потому что от своей шлюхи ему нужно только одно.

– Мисс Кэт, – робко заметила Эллен, – он все-таки ваш будущий супруг. Не надо бы вам противоречить ему и пытаться убежать.

– Боже мой, Эллен! Когда это он успел так очаровать тебя?

Служанка молча протянула Кэт светло-бирюзовую шелковую ночную сорочку и, прежде чем выйти из комнаты, сказала:

– Пойду принесу вам что-нибудь поесть.

Кэт просунула голову в вырез сорочки, и легкая ткань скользнула вниз по ее роскошному телу. Усевшись на кровать, она принялась медленно расчесывать щеткой спутанные волосы цвета меда. Итак, этот варвар решил, что, отобрав лошадь и одежду, сделает ее своей пленницей. Что ж, какое-то время так оно, возможно, и будет, но в конце концов как только представится случай, она все равно убежит. Уже не имело никакого значения, спал он с Фионой или нет, хотя Кэт – чего уж скрывать – была рада услышать, что не спал. Значение имело лишь то, что Катриона не желала быть чьей-то собственностью. Никто никогда не будет владеть ею. До тех пор пока Патрик Лесли не поймет, что она личность, а не дополнение к нему, она будет бороться с ним.

В комнату вернулась Эллен с подносом в руках.

– Свежий хлеб – только что из печи, – половина жаренного на огне кролика, мед в сотах и кружка темного пива.

Кэт тут же почувствовала зверский голод.

– Уверена, что если сможете все это съесть, все будет хорошо! – поощрила подопечную Эллен.

– Только полный идиот отказывается от пищи в подобных ситуациях, – заявила Кэт. – Если я намерена сбежать, то необходимо сохранять силы.

– Мисс Кэт! Я не знаю другой причины, почему граф терпит ваши выходки, кроме как любовь.

– Любовь? Сушая ерунда, Элли! Он считает, что я его собственность, и, чтобы продемонстрировать свое превосходство, насилует мое тело.

Эллен только пожала плечами: понять Катриону, когда та говорила подобным образом, ей было не под силу. Забрав пустой поднос, качая головой, она вышла из комнаты, а Кэт принялась мерить шагами комнату.

До последней ночи это было просто место, где она спала, теперь превратилось в тюремную камеру. Войти сюда можно было только через дверь, которая вела с лестницы. Кроме камина в комнате стояла еще большая кровать под балдахином, расположенная напротив входа, низкий комод в ее изножье, маленький столик около стены с круглым окном и кресло. На стене слева от двери висело большое зеркало.

Кэт подошла к окну и выглянула наружу. Отсюда ей была видна лишь часть аллеи, уходящей вниз, и лес. С тоской обозревая окрестности, она вдруг заметила всадника. Верхом на Дерге ехал Гленкирк, и через седло была перекинута оленья туша. Навстречу графу из дома выбежал Конелл, отвязал добычу, забросил себе на плечи и понес к конюшне. Граф последовал за ним, а Кэт, приоткрыв дверь спальни, крикнула:

– Приготовь на кухне ванну для графа, Элли. Он только что вернулся с добычей, и сейчас они с Конеллом будут ее разделявать. Не хочу, чтобы он вымазал в крови всю мою спальню.

Когда час спустя Патрик вошел в спальню, обернув бедра грубым полотенцем, она едва не расхохоталась. Он тоже не сдержал улыбки.

– Как видите, мадам, ваше распоряжение выполнено. Подойдите же и поцелуйте меня.

Катриона послушно приблизилась к нему, закинула руки на шею и легонько коснулась губами уголка рта.

– Боже, как ты прелестна! – пробормотал Патрик, поглаживая своими большими руками ее скрытое под тонким прозрачным шелком тело.

– Пожалуйста, – прошептала Кэт.

– «Пожалуйста» что? – уточнил он напряженным голосом и повел ее к зеркалу.

Медленно лаская взглядом едва прикрытую наготу, он спустил на пол ее ночную сорочку и обхватил ладонями восхитительные груди. Соски тут же затвердели и поднялись.

– Что ты со мной делаешь, Кэт! Я всего лишь прикоснулся к тебе, и уже горю желанием!

– Нет! – произнесла она едва слышно, зажмурившись.

Гленкирк усмехнулся и, развернув ее к себе, стал покрывать поцелуями шею, веки, щеки. Потом его губы стали спускаться ниже, лаская груди, посасывая их вершинки. Вот он опустился на колени, крепко обхватил ее за талию и принялся целовать живот. Поцелуи становились все интенсивнее, по мере того как опускались ниже. Ее бедра сами собой разошлись в стороны, давая доступ его губам к крохотному бугорку. От пронзивших тело острых ощущений Кэт всхлипнула.

– Не плачь, милая, – произнес он мягко. – Ничего постыдного в том, чтобы наслаждаться этим, нет.

– Ты уверен?

– Абсолютно! – заявил он твердо, притягивая ее на пол, поближе к камину. – Уж я-то знаю. Случается, женщина получает наслаждение, даже когда сопротивляется подобно демону и кричит, что ненавидит.

– Ненавижу тебя, – заявила Кэт.

Он только усмехнулся.

– Что ж, значит, следующие несколько недель я буду каждый день давать тебе повод ненавидеть меня еще больше.

Устроившись у нее между ног, он без предисловий вонзил свой готовый к бою клинок в ее бархатные глубины. Она попыталась было вывернуться, но он не позволил.

– Нет уж, милая! Я же сказал: ты моя. А свое я не упущу!

Глава 7

Весна закончилась, наступило лето, а граф Гленкирк по-прежнему держал свою нареченную пленницей в А-Куиле. Часто он навещался на пару часов в свой замок для решения хозяйственных вопросов, довольно много времени проводил на охоте, а каждую ночь занимался любовью с Кэт.

Катриона, хотя ни за что не призналась бы в этом, ждала ночей в объятиях Патрика. Природа брала свое, к тому же мало-помалу она влюблялась в будущего мужа. Что же касается самого графа, то он давно был страстно влюблен и убил бы любого, кто осмелился бы даже взглянуть на его невесту с вождением.

По мере того как дни становились длиннее и теплее, граф часто сажал Кэт на своего коня, и они отправлялись на прогулку в лес или на луга. Случалось, они занимались любовью под солнечными лучами на вересковых пустошах. Своим теплом Катриона напоминала выдержанное вино, а сладостью любви – мед. Патрик сам себе удивлялся – если раньше он не был верен ни одной женщине больше одной-двух недель, то теперь боялся даже думать о возвращении в Гленкирк, где ее придется делить с семьей.

Но их уединение не могло длиться вечно. Кэт не связывала прекращение ежемесячных кровопотерь с наступлением беременности, но это настораживало Эллен. И вот как-то утром представился случай обратить на это внимание своей юной хозяйки.

Граф встал на рассвете и отправился верхом в Гленкирк. Эллен обрадовалась и с подносом, на котором лежал только что испеченный пирог, отправилась в спальню.

– Ваш любимый, – произнесла она с улыбкой. – Понюхайте, какой ароматный.

Катриона внезапно побледнела и, выбравшись из постели, схватила миску со стола и склонилась над ней в приступе рвоты.

– Ох, – сочувственно вздохнула Эллен, отставив в сторону поднос и вытирая обильно выступивший на лбу девушки пот уголком полотенца. – Давай-ка обратно в постель, моя дорогая, а то, похоже, младенец нынче не в духе.

Кэт уставилась на верную служанку как на умалишенную.

– Что это ты там такое бормочешь, Элли? И убери отсюда этот чертов пирог, а то меня опять вывернет! Лучше принеси мне темного пива и овсянки.

Эллен поспешила унести отвергнутый пирог и через несколько минут вернулась с пивом и овсянкой. Катриона осторожно отхлебнула глоток, словно прислушиваясь к себе, а потом, явно удовлетворенная, жадно набросилась на овсянку.

– Ну как, теперь получше? – участливо спросила Эллен.

– Гораздо лучше. Никак не пойму, что со мной такое: уже третий раз на этой неделе. Может, мясо испортилось в кладовой?

– Да не в мясе дело, моя дорогая, – взволнованно произнесла добрая женщина. – Это все ребенок! Граф все-таки добился своего, и мы наконец сможем отправиться домой!

Светло-зеленые глаза Кэт расширились, и она в ужасе прошептала:

– Нет! Этого не может быть... Нет! Нет!..

– Да! Вы беременны, вне всякого сомнения! Граф будет так рад!

Катриона в гневе повернулась к Эллен:

– Посмей только сказать ему: отрежу язык!

– Миледи!

Кэт на минуту закрыла глаза, а когда открыла, голос ее был совершенно холоден и спокоен.

– Я сама сообщу милорду о своем положении, когда сочту нужным. Беременность еще не заметна, а покидать А-Куил мне пока не хочется.

Будучи натурой мягкосердечной, Эллен подумала, что ее подопечная хочет провести еще некоторое время наедине с графом, поэтому не стала возражать, а просто спросила:

– Когда у вас в последний раз была кровь?

Катриона задумалась на минуту, наконец, произнесла:

– В начале мая.

– Ах, милая, значит, прошло уже три месяца! – вплеснула руками Эллен. – Мы можем подождать еще неделю, но не больше. Придется сказать его светлости. Малыш родится зимой.

– Никаких намеков, Элли, никаких красноречивых взглядов! Я хочу преподнести графу сюрприз.

Так бы и произошло, и она покорно возвратилась бы в Гленкирк, но Патрик сам все испортил. Задержавшись в имении из-за какой-то несерьезной проблемы на целых три дня, он явился в А-Куил возбужденным, как молодой жеребец.

Кэт, намереваясь сообщить новость, радостно выбежала ему навстречу, но не успела вымолвить и слова до того, как была грубо подхвачена, принесена в спальню, быстро, без предварительных ласк, распростерта на постели и буквально изнасилована. Девушка была преисполнена гнева.

Ее душила ярость, а Гленкирк, на какое-то время удовлетворенный, сел среди подушек и притянул ее спиной к себе. Ему очень нравилось ласкать ее груди, он знал, что и ей это доставляет удовольствие, поэтому обхватил их ладонями и сжал. С началом беременности они стали побаливать, так что его довольно энергичные ласки вызвали лишь раздражение, но еще больше разозлило, когда он сказал, хихикнув:

– Похоже, эти сладкие холмики подросли. Мужские руки просто творят чудеса, не правда ли, любовь моя?

Его слова и действия были встречены угрожающим молчанием, но он не обратил на это внимания: все его мысли занимало ее тело и собственное желание. Овладев ею еще раз, он выпихнул ее из кровати, шлепнул по ягодицам и потребовал принести обед.

Катриона спустилась в кухню. Поскольку Эллен уже давно спала, она достала из кладовки половину поджаренной птицы, небольшой кусок пирога с олениной, налила большую кружку пенистого пива и добавила в напиток щепотку сушеных трав, которые обеспечили бы графу прекрасный сон.

Расставляя принесенное на столике в спальне, Кэт почти почувствовала себя виноватой, когда он сказал:

– Ты будешь самой лучшей графиней Гленкирк в нашем роду! Боже мой, милая, как же я люблю тебя!

Вскоре одобренное травами пиво начало действовать, и, забравшись в постель, Патрик крепко заснул.

Обладавшая с раннего детства способностью просыпаться, когда необходимо, Катриона встала затемно, натянула бриджи для верховой езды и полотняную рубашку, собрала самые необходимые вещи, прихватив и теплый плащ Гленкирка, и выскользнула из дома. До рассвета оставалось еще добрых три часа. Кэт тихонько пробралась в конюшню. Тишину нарушало лишь похрапывание Эллен, доносившееся с чердака. Конелл, как обычно, ночевал у своей подружки в полумиле от А-Куила. Стараясь не шуметь, Кэт оседлала Дерга, взяла под уздцы Файна, вторую лошадь, и вывела животных из конюшни. Отдалившись примерно на четверть мили от домика, она села верхом на Дерга и, прикрепив к седлу поводья Файна, пустилась галопом в направлении Грейхейвена, рассчитывая добраться туда еще до того, как проснутся слуги.

Там она соберет кое-что из одежды, все свои украшения, позаимствует золота из шка-тулки отца и покинет поместье. Добравшись до большой дороги, Катриона отвязала Файна и направила обратно, шлепнув ладонью по крупу. Конь тут же поскакал к своему стойлу в Гленкирке, а Кэт, с аппетитом уплетая овсяную лепешку, двинулась своей дорогой. Ей все-

таки удалось провести Патрика! В последние недели он был так мил и добр с ней, что она почти поверила в его чувства, но последняя ночь буквально все перечеркнула. Все обстояло именно так, как он и сказал: она всего лишь его собственность, инструмент, с помощью которого он надеялся обзавестись наследником. Что ж, вскоре она докажет ему, что никогда не будет ничьей рабыней и не позволит считать ее вещью.

Она послала Дерга в галоп. Неужели Патрик и в самом деле верил, что, отобрав Бану, лишил ее возможности бежать? Плохо же он ее изучил: нет на свете такой лошади, которую не смогла бы оседлать Катриона Хей! Ей доставляло громадное удовольствие осознавать это.

Патрик Лесли проснулся с головной болью и странным привкусом во рту. В дверь громко стучали. Пошарив вокруг руками и никого не обнаружив, он крикнул:

– Входи же, черт возьми!

В спальню ввалились Эллен и Конелл и одновременно, перебивая друг друга, заговорили.

– Да не тараторьте вы! Давайте по одному. Сначала ты, Эллен.

– Она исчезла, милорд. Мисс Катриона сбежала, прихватив лошадей.

– Когда?

– Похоже, ночью. Прошу прощения, милорд, я спала как убитая до шести часов утра и не слышала ни звука.

– А где был ты? – спросил граф, поворачиваясь к Конеллу. – Впрочем, можешь не отвечать: опять миловался с той маленькой пастушкой. Черт поberi! Ну, держись, негодница: на сей раз, когда поймаю, она целый месяц не сможет сесть!

Эллен резко развернулась и заявила:

– Вы и пальцем ее не тронете, милорд. Моя милая девочка уже больше трех месяцев носит вашего ребенка. Она собиралась сообщить об этом, когда вы вернетесь из Гленкирка. Что же такое вы сделали с ней, если вынудили сбежать?

Патрик покраснел и несколько стушевался под натиском разъяренной фурии.

– Ничего такого... просто взял ее. За три дня очень соскучился.

– Если бы мужчины из рода Лесли больше думали головой, чем своими причиндалами, такого бы не произошло. – Она обвела спальню укоризненным взглядом. – Представляю, как и сколько раз вы «просто взяли ее»... а затем, готова держать пари, еще и обед потребовали.

Граф смущенно потупился, и Эллен презрительно фыркнула.

– О боже, милорд! Куда подевался ваш здравый смысл? Будь вы англичанин или француз, я бы вас еще поняла, но как вы, шотландец, могли не знать, что шотландская женщина – самое независимое существо на свете! Что ж, это вам хороший урок: на сей раз ее найти будет не так-то просто.

– Она, скорее всего, дома, – предположил Патрик. – Наверняка ускакала к матери.

Эллен в сомнении покачала головой.

– Нет, милорд. Если она и была в Грейхейвене, то сейчас там ее нет. Скорее всего, забрала свои драгоценности и скрылась. Но куда она могла направиться, я уж и не знаю: раньше-то никогда не покидала пределы поместья.

– А разве ее драгоценности не в Гленкирке? – удивился Патрик.

– Нет, ваша светлость. В феврале, когда Кэт сбежала от вас, я перевезла их в Грейхейвен, и она знала об этом.

Патрик молча поднялся с кровати, а Эллен, также не сказав больше ни слова, прежде чем выйти из спальни, протянула ему костюм для верховой езды.

– Где можно добыть лошадей? – спросил Гленкирк у Конелла.

– В долине. На ферме Гевина Шоу.

– Ступай туда, – велел граф. – Я отдам кое-какие распоряжения и тоже отправлюсь.

Конелл кивнул и вышел из спальни. Патрик, полностью одетый, спустился в кухню, и Эллен протянула ему большой сверток:

– Вот возьмите в дорогу – хлеб с ветчиной.

Благодарно кивнув, он попросил:

– Соберите мои вещи, Эллен. Я во второй половине дня пришлю кого-нибудь за ними. Вы, надеюсь, согласитесь переехать в Гленкирк? Пожалуй, теперь она будет куда больше нуждаться в вас, чем раньше.

– Да куда уж я теперь. Ее комнаты все еще нуждаются в ремонте, да и детскую надо приготовить.

Патрик Лесли вышел из А-Куила и направился на ферму Шоу. Несколько часов спустя выяснилось, что Эллен была права: Кэт в Грейхейвене не оказалось, а все ее драгоценности и изрядная часть отцовского золота исчезли.

Не обнаружил он Катрионы ни в Сайтене, ни в Крэнноге, а в Гленкирке дорогая мамаша обозвала его идиотом и потребовала, причем таким тоном, которого никогда себе не позволяла, чтобы как можно скорее разыскал ее невестку и будущего внука.

– Но я даже представить себе не могу, где ее искать, – возразил Патрик.

Мать посмотрела на него с искренней жалостью.

– У тебя осталось меньше шести месяцев, чтобы найти ее, сын, иначе следующий законный владелец Гленкирка будет рожден бастардом.

Едва не зарывав от отчаяния, Патрик вышел из комнаты. Катриону наверняка порадовало бы состояние графа, доведись ей его увидеть.

Глава 8

Фиона Лесли набросила капюшон плаща, чтобы скрыть лицо, осмотрелась по сторонам, дабы удостовериться, что за ней не следят, и проскользнула в дверь трактира «Роза и чертополох».

– Я ищу миссис Абернети.

– Вверх по лестнице и направо, – ответил ей стоявший за стойкой трактирщик.

Фиона стала подниматься по лестнице, хотя и понятия не имела, кто эта женщина – Абернети. Когда какой-то уличный парнишка-рассыльный сунул ей в руки записку, женское любопытство взяло верх над здравым смыслом. Она постучала в дверь и, услышав разрешение войти, шагнула в комнату. Стоявшая у окна женщина повернулась к ней лицом, и Фиона от неожиданности вскрикнула.

– Кэт!

– Закрой дверь, проходи и садись.

Фиона аккуратно расправила свои юбки черного бархата и придирчиво оглядела кухню.

– Мне казалось, что Гленкирк держит тебя в заточении в А-Куиле. Как же ты оказалась здесь?

– Я сбежала от него, и мне нужна твоя помощь, Фиона.

– Боже мой, какая же ты глупышка, Кэт! – вздохнула та. – Я обещала Адаму, что, когда мы снова встретимся, скажу тебе правду. У меня никогда ничего не было с Гленкирком, хотя, признаюсь, до того, как сошлась с его братом, просто сгорала от страсти по нему. – Фиона усмехнулась, но вышло это довольно жалко. – Если начистоту, он просто не захотел меня! Представляешь, я лежала в чем мать родила в его кровати, но на него и это не подействовало! Он всегда хотел только тебя. Вот тебе и вся правда!

Кэт улыбнулась.

– Спасибо, что рассказала сама. Патрик, правда, уже говорил, что не спал с тобой, но теперь я совершенно в этом уверена.

– Тогда что ты делаешь здесь, в Эдинбурге? Готова поспорить, что бедный Гленкирк понятия не имеет, где ты сейчас, и места себе не находит.

– Да, он, вероятно, разыскивает меня, но я к нему не вернусь, во всяком случае, до тех пор, пока не признает, что я тоже человек, а не племенная кобыла. Фиона, мне нужна твоя помощь! Пусть мы никогда не были близки, но я очень надеюсь, что ты сможешь меня понять. Эллен сказала, что вы с Адамом вскоре уезжаете во Францию. Позволь мне пожить у вас. Гленкирку никогда и в голову не придет разыскивать меня в Эдинбурге, тем более в вашем доме.

Фиона в раздумье закусил губу. Кэт вскоре станет графиней Гленкирк, а такими друзьями не бросаются. Но с другой стороны, если Адам узнает, что она помогает Кэт скрываться от его брата, то опять накажет ее самым ужасным способом, к которому уже прибегал.

Заметив ее нерешительность, Кэт встала со стула и с мольбой протянула руки.

– Прощу тебя, Фиона.

Взглянув на кузину повнимательнее, та заметила небольшую округлость живота и тут же все поняла.

– Боже мой, Кэт! Да ты носишь его ребенка!

– Да, – с горечью подтвердила Катриона. – Знаешь, что Гленкирк как-то сказал мне? Что я «вещь», с помощью которой он собирается делать детей. Ненавижу его!

Фиона не думала, что Катриона и в самом деле ненавидит Патрика, но прекрасно понимала ее чувства. Все мужчины из рода Лесли были чертовски гордыми. Кузина же всего лишь хотела, чтобы ее считали личностью. Еще немного бесплодных поисков, и Гленкирк будет на грани отчаяния и согласится на все, лишь бы ребенок не стал бастардом.

Фиона решила, что разлука еще на некоторое время пойдет ее родственникам только на пользу. Кроме того, это будет маленькая месть дорогому кузену, не пожелавшему ее когда-то.

– Дом твой, дорогая, но, к сожалению, без слуг. Я уже всех распустила.

– Мне никто и не нужен! – заявила Кэт, обрадовавшись.

– Не глупи! Тебе в твоём положении понадобится помощь. Я напишу записку миссис Керр, которая обычно присматривала за домом, когда меня не было. Представлю тебя недавно овдовевшей кузиной, миссис Кэт Абернети, и спрошу, не согласится ли она присмотреть за тобой. У тебя есть чем ей заплатить?

– Да, деньги есть. К тому же я захватила свои драгоценности.

– Если вдруг не хватит денег или понадобится что-то заложить, обратись в торговый дом Кира на Голдсмитс-лейн. И, Кэт, обязательно посети доктора Роберта Рамсея. Он живет через несколько домов от нас, сразу за поворотом на Хай-стрит. Помни, что носишь под сердцем наследника Гленкирков.

– Спасибо тебе, – мягко произнесла Катриона и неожиданно поцеловала кузину в щеку.

– Мы уезжаем завтра утром, – хрипло от нахлынувших чувств сказала Фиона. – Приходи во второй половине дня. Миссис Керр впустит тебя в дом и передаст ключи. – Фиона поднялась и, набросив капюшон на голову, добавила: – И все же постарайся поскорее простить Патрика, Кэт. Лесли могут быть высокомерными, но, клянусь Богом, они все же настоящие мужчины.

На следующий день, ближе к вечеру, Катриона перебралась из трактира «Роза и чертополох» в дом Фионы. Дом этот изначально принадлежал их бабушке Фионе Абернети, жене первого графа Сайтена. Их прабабка, легендарная Джанет Лесли, посчитала, что дом должен отойти той из кузин, которую называли в честь владелицы, и его унаследовала Фиона Лесли.

Здание было построено лет семьдесят назад из обожженного красного кирпича и ничего грандиозного собой не представляло. В подвальном помещении располагались просторная кухня, кладовая, буфетная и небольшая комната, где стояли чаны для стирки. Столовая, зал для официальных приемов, небольшая семейная гостиная, окна которой выходили в сад, и богатая библиотека размещались на первом этаже, а на втором – четыре спальни с собственными гардеробными. Для размещения слуг предназначалась мансарда.

При доме была обустроена небольшая конюшня, куда Кэт поместила Дерга, сад изобиловал цветами, травами и фруктовыми деревьями, с трех сторон здание обвивал плющ. Модная Хай-стрит проходила в некотором отдалении, поэтому все здесь дышало спокойствием.

Миссис Керр, доброжелательная крепко сбитая вдовушка средних лет, отнеслась к Катрионе с сочувствием и даже поведала, что и сама по молодости оказалась в таком же положении. В приграничном инциденте с англичанами убили ее мужа. Она была на шестом месяце беременности. Ей пришлось в одиночку поднимать сына, и ничего – тот вырос отличным парнем.

– Сказала ли вам моя кузина, леди Лесли, каким образом погиб мой муж? – спросила Кэт. Миссис Керр отрицательно покачала головой.

– Это произошло всего два месяца назад, – скорбно произнесла Кэт. – В Хилс, на границе с Англией.

– О да, – сочувственно кивая, произнесла вдова. – Я помню это. Но англичане тогда потеряли куда больше парней, чем наши.

Оставшись одна, Катриона довольно улыбнулась. Похоже, Кэт Абернети вскоре станет известна местному обществу: миссис Керр явно любила посплетничать – милая женщина, которую хлебом не корми, но дай почесать языком.

На следующий день, следуя совету Фионы, она отправилась к доктору Рамсею. Он осмотрел ее и заключил:

– Если не произойдет чего-нибудь чрезвычайного, моя помощь вам вряд ли понадобится. Плод развивается нормально, и у миссис Керр достаточно опыта, чтобы помочь младенцу появиться на свет. Но если вам так будет спокойнее – посылайте за мной.

Поселившись в доме Фионы, Кэт обнаружила, что не утратила способности радоваться жизни. По утрам ее больше не донимали приступы рвоты, ела она теперь за двоих. Еще ни разу за всю свою жизнь она не оказывалась в подобной ситуации: так далеко от дома, и никого рядом – ни матери, ни отца, ни Гленкирка, ни Эллен. Миссис Керр появлялась каждое утро, прибиралась в доме и готовила еду, а уходила задолго до наступления темноты.

С наступлением осени Кэт стала все чаще прогуливаться по наиболее респектабельным улицам Эдинбурга, изучая город. Одежду она носила простую, хотя и довольно дорогую, беременность была уже заметной. Никто не беспокоил ее и не обращал на нее внимания. Когда начало холодать, она ограничила свои прогулки пределами сада и лишь иногда ходила на рынок в сопровождении миссис Керр.

Эти прогулки были очень познавательны для Кэт, ей открывался совершенно новый мир. Миссис Керр научила ее выбирать не только продукты, но и ткани для одежды новорожденному. Прошло не так уж много времени, Кэт сама начала ориентироваться, где что продается, и сама просила:

– Миссис Керр, мне нужно в галантерейную лавку: кончился чудесный голубой шелк для чепчиков малыша. Может, купить что-нибудь у мясника, раз уж я буду проходить мимо его лавки?

Миссис Керр вовсе не удивляло, что ее молоденькая подопечная настолько наивна в бытовых вопросах, так как Кэт поведала ей душеспитательную историю о том, что очень рано потеряла родителей и была отдана на воспитание в монастырь. Это было вполне правдоподобно, и добрая женщина не заподозрила обмана.

Когда дни стали короче, миссис Керр решила, что ее юная подопечная не должна проводить долгие темные вечера в одиночестве, и познакомила с ней племянницу Салли. Двадцатилетняя девушка очень походила на тетю: такая же коренастая и добродушная, так же любила поболтать. Ее присутствие скрашивало долгие осенние вечера. Две юные женщины вместе шили, либо Кэт читала что-нибудь вслух у огня камина. Девушка так понравилась Кэт,

что она даже попросила ее остаться у нее и после родов, помочь ухаживать за ребенком. Салли с радостью согласилась.

Фиона и Адам отметили Рождество в Париже вместе со своим кузенами Лесли. В канун Нового года они получили вместе с поздравлениями весточку из Гленкирка. Читая письмо, Адам покачал головой.

– Он все еще не нашел ее: как сквозь землю провалилась. Скажи, любимая, ты могла бы так поступить со мной?

– Нет, – ответила Фиона, на секунду потупившись, но этого мгновения было достаточно, чтобы Адам насторожился.

– Боже мой! Ты ведь знаешь, где она! Точно знаешь! Я прав?

Выражение его лица было таким, что Фиону охватила паника.

– Да, знаю: в нашем доме в Эдинбурге, – но она взяла с меня слово никому об этом не говорить! Я думала, что она уже вернулась домой и вышла замуж! – Неожиданно Фиона рассмеялась. – Ну и отчаянная эта Кэт! Молодчина!

– Ты ведь знаешь, – угрожающе произнес Адам, – что заслужила наказание за свой проступок?

И тут строптивость Фионы вырвалась наружу. Если удалось поставить на колени даже Патрика, то что мешает так же поступить и с Адамом? Попытка не пытка!

– Только попробуй, Лесли, – процедила она в ответ, – и я раздвину ноги перед первым встречным! Больше я не позволю тебе так надо мной издеваться.

С минуту они сверлили друг друга взглядами, а потом Адам расхохотался:

– Кто бы мог подумать, что вы с Кэт такие подруги!

– Мы ими не были, но теперь стали. Нам обоим приходится бороться с высокомерием Лесли. Твой брат назвал Кэт вещью, с помощью которой он будет делать детей. И кто после этого упрекнет ее за то, что сбежала? Кто угодно, но только не я!

– Я должен ему сказать, иначе бедный ребенок родится бастардом.

– Согласна. Посыльный из Гленкирка все еще здесь, так что можешь с ним отправить записку брату. И еще, Адам, скажи Патрику, чтобы обходился с Кэт бережнее. Она любит его, ты знаешь, но хочет быть любимой им ради нее самой, а не только ради будущих детей. Он должен научиться ее уважать. Все, что произошло, случилось исключительно по его вине.

– Я думаю, – решил поддразнить жену Адам, – что замужество пошло тебе на пользу, милая, прямо на глазах становишься мудрее.

Он едва успел увернуться от подушки, летевшей ему в голову.

– Напиши поскорее своему брату, Лесли, и приходи в постель, – заявила Фиона. – Кузина Луиза показала мне сегодня такие забавные картинки, что мне стало безумно интересно, сможем ли мы проделать нечто подобное.

На призывный взгляд супруги Адам Лесли ответил:

– Готов быть самым прилежным и активным вашим учеником, мадам.

Глава 9

Посланец Лесли без всяких препятствий добрался из Парижа до побережья, но дальше продвинуться не удалось. Разыгрался жестокий зимний шторм, и ни один из капитанов судов не рискнул бы в такую погоду пересечь Северное море. Не то чтобы посланец был против переждать ненастье в маленьком уютном трактире, наслаждаясь великолепной кухней и отличным вином, нет, но он знал, что известия, которые предстояло доставить, были чрезвычайно важны для графа. Лорд Адам, перед тем как отправить в путь, дал ему золотой и пообещал, что вторую такую же монету он получит от самого графа.

В конце концов одним ветреным, но солнечным утром посланец встал посреди пивной и, подняв руку с зажатой в пальцах золотой монетой, объявил:

– Это тому, кто сможет доставить меня в Абердин! Вторую такую же он получит от графа Гленкирка, когда мы окажемся там!

К нему подскочил моряк с окладистой черной бородой и, выхватив монету, заверил:

– Если ветер не переменится, я мигом доставлю тебя куда надо.

До Гленкирка посланец добрался утром второго февраля. Граф тут же возместил ему затраты на проезд и вознаградил еще двумя золотыми. Условленную сумму получил и капитан судна.

В тот же день, во второй половине дня, Патрик Лесли выехал из Гленкирка. По дороге граф завернул в аббатство и упросил дядю Кэт, аббата Чарлза Лесли, сопровождать его в Эдинбург.

– Только гнать придется во весь опор, – добавил Патрик. – Эллен говорила, что до родов еще две недели, но с первым ребенком это может произойти и раньше.

Чарлз Лесли кивнул, отправился в свои апартаменты, а когда вернулся, это был уже не аббат, а высокий крепкий мужчина сорока пяти лет, в высоких сапогах и костюме для верховой езды.

– Так мне будет проще появиться в этом еретическом городе Эдинбурге, – пояснил он Патрику, который встретил его удивленным взглядом.

Через несколько дней они уже стояли перед входом в дом Фионы. Дверь им открыла Салли. При виде двух столь представительных мужчин, она вытаращила глаза.

– Дома ли ваша хозяйка? – вежливо поинтересовался граф.

– Да, но сейчас спит, милорд.

Салли представления не имела, кто эти мужчины, но ничуть не сомневалась, что сословия знатного.

– Ничего, мы подождем, когда проснется, – заявил Чарлз Лесли, входя в дом. – Я ее дядя.

Салли проводила мужчин в гостиную и отправилась за миссис Керр. Экономка появилась через несколько минут с подносом в руках и, предложив гостям вино и сухое печенье, представилась:

– Меня зовут миссис Керр. Могу я узнать, что именно вас привело сюда, джентльмены? Моя хозяйка в весьма деликатном положении, и не хотелось бы ее волновать попусту.

– Она еще не родила? – хриплым голосом, выдававшим его волнение, спросил Патрик.

– Нет, сэр. Пока еще нет, но это произойдет в самые ближайшие дни.

– Скажите, миссис Керр, – спросил аббат, – к какой церкви вы принадлежите: к старой или к новой?

Годы религиозных распрей приучили городских обывателей к осторожности, но по какой-то причине миссис Керр не опасалась этих мужчин. Быстро оглянувшись по сторонам, дама без колебаний ответила:

– К старой, сэр.

– Я настоятель Гленкирского аббатства, – представился Чарлз, – а это мой племянник, граф Гленкирк. – Миссис Керр присела в реверансе, а аббат продолжил: – Ваша подопечная, которая называет себя миссис Абернети, в действительности леди Катриона Хей, нареченная графа. По причинам, в которые я не стану вдаваться, моя своенравная племянница уже дважды сбегала от своего жениха. Ныне, однако, время подобных глупостей прошло. Через несколько дней должен родиться ребенок, и он должен, разумеется, быть законным. Если вы будете так добры проводить меня в спальню моей племянницы, то мы сейчас же поговорим с ней об этом.

Миссис Керр молча кивнула, быстро вышла из комнаты и направилась к лестнице. Мужчины последовали за ней. На втором этаже она остановилась и указала пальцем на одну из дверей.

– Это комната госпожи. Позвольте я войду одна и разбужу ее, милорд.

Через несколько минут женщина высунула голову в приоткрытую дверь и жестом пригласила их войти, сама же покинула спальню и поспешила вниз, чтобы рассказать Салли о неожиданном повороте событий.

Катриона в темно-зеленом бархатном домашнем халате стояла спиной к растопленному камину.

– Рада видеть вас, дядюшка. Что привело вас сюда?

На краткий миг она напомнила Чарлзу Лесли бабушку Джанет.

– Я приехал, чтобы выслушать брачные обеты, которыми обмениваетесь вы с Патриком во время бракосочетания.

– Не стоило предпринимать столь долгую поездку ради ничего, – произнесла она спокойно.

– Племянница! Время твоих родов приближается. Ты носишь в своем чреве наследника Гленкирка. Почему же отказываешь ему в правах, полагающихся по праву рождения?

– Умерьте свой пыл, дядюшка. Я не выйду замуж за того, кому нужна не жена, а породистая кобыла, чтобы рожать сыновей. Его собственность. Он сам мне об этом сказал.

Патрик вздрогнул и с мольбой в голосе проговорил:

– Прошу тебя, Кэт, стать моей женой – ведь я люблю тебя. Я с ума сходил от беспокойства за тебя и ребенка. Пожалуйста, любовь моя, ради нашего сына.

– Нет, милорд, не сына, а бастарда!

Патрик отшатнулся, словно его ударили, и на какое-то мгновение Чарлзу Лесли даже стало жаль племянника. Только теперь он понял, насколько непростой задачей будет уговорить Кэт произнести брачный обет. Он и сам поднялся к своему нынешнему положению настоятеля аббатства, отнюдь не отличаясь кротостью нравов.

– Оставь-ка нас одних, племянник.

Когда Патрик вышел и закрыл за собой дверь, Чарлз Лесли повернулся к Катрионе.

– Ладно, теперь давай поговорим спокойно. Я хочу знать, что же все-таки стряслось. Около года назад вы с Патриком решили пожениться, и ничто не предвещало подобного развития событий.

Кэт вздохнула и опустилась в кресло.

– Поначалу это было всего лишь недопонимание. Фиона рассказала, что спала с ним, и я пришла в ярость: заявлял, что любит меня, а теперь выясняется, что спит с кем попало.

– Ты могла бы просто спросить у него, так ли это.

– Дядя! Его репутация не оставляла сомнений, тем более для юной наивной девушки, какой я была. Кстати, когда он нашел меня в А-Куиле, избил и изнасиловал, а еще назвал вещью, с помощью которой он будет делать детей. А чтобы не оставить мне выбора, пригрозил держать взаперти до тех пор, пока не забеременею.

Аббат молча возблагодарил Господа за то, что в качестве жизненного поприща выбрал служение религии. Женщины, в особенности те, что состояли с ним в родстве, доставляли окружающим одни неприятности.

Кэт продолжила:

– Он называл меня своей собственностью, вещью, с которой он может делать все, что захочет. До тех пор пока Гленкирк не признает меня личностью, а не дополнением к нему самому, я не намерена обсуждать возможность брака с ним.

Чарлз Лесли только вздохнул. Ситуация оказалась хуже, чем он думал, но, проанализировав ее, только усмехнулся: племянница оказалась талантливым стратегом. Теперь она держала графа Гленкирка за глотку. Если он хотел иметь сына – аббат не допускал даже мысли, что родится девочка, – ему придется удовлетворить все ее требования. Поразмыслив, аббат решил попытаться воззвать к материнскому инстинкту Катрионы.

– Ты не испытываешь никаких чувств к своему ребенку, племянница?

– Нет! – отрезала Кэт. – А что, должна?

Чарлз Лесли не сдержался и воскликнул:

– Господь всемогущий! Дитя, ты самое черствое существо из всех, кого я когда-либо знал! Как можно не любить своего будущего ребенка?

Кэт расхохоталась.

– Да с какой стати мне испытывать какие-то чувства к ребенку, которого я совершенно не знаю, никогда не видела? Глупости! Что, если я мечтаю о голубоглазом рыжем карапузе, а родится кареглазый брюнет... или того хуже – белокурая девчушка? Представляешь, какое меня ждет разочарование. А если принять во внимание то обстоятельство, что мы с отцом ребенка не в лучших отношениях...

Чарлз Лесли покачал головой.

– Ты намеренно все усложняешь.

– Возможно. Мне сейчас нелегко, дядюшка, я очень устала. Вы с Патриком можете переночевать здесь. Когда спуститесь вниз, пришлите ко мне миссис Керр, и мы решим, как вас поудобнее устроить.

Вернувшись в библиотеку, где его ждал Патрик, Чарлз покачал головой.

– Потребуется время. Она понимает, что все преимущества на ее стороне, и не собирается отступать.

– Но ее необходимо переубедить!

– Тебе придется соблюдать максимальную осторожность. Именно здесь ты допустил свою первую ошибку. Ты полагал, что сможешь поставить Кэт на колени, но ничего не получилось. Она горда и независима, вся в мою бабушку Джанет Лесли, и так же, как она, наряду с упрямством обладает недюжинной мудростью.

– Когда Кэт успела набраться мудрости в своем юном возрасте?

– Ну... она тоже кое-что пережила. Основная проблема заключается в том, что она очень зла на тебя. Она не чувствует твоей любви лично к ней как к женщине, а лишь как к особи, способной рожать. Пожалуй, к этому можно отнести с некоторым юмором: женщины в ее положении порой ведут себя несколько странно.

– Не могу понять, чего она хочет, – пожаловался граф. – Я же люблю ее. Неужели этого недостаточно?

– Нет, племянник, совершенно недостаточно. Ты принимаешь в расчет только свои собственные желания, а она хочет, чтобы ты говорил с ней, обсуждал вопросы, касающиеся вашей совместной жизни. Катриона, кроме всего прочего, воспитанная и хорошо образованная молодая женщина. Мне думается, Патрик, проблема в том, что до нее ты общался с не слишком умными дамами и порой низкого происхождения, так что не представляешь, как следует обходиться с леди. Катриона отнюдь не игрушка в чьих бы то ни было руках. И пока ты не поймешь это, она не будет твоей.

Граф покраснел, но еще до того, как успел сказать что-нибудь в свое оправдание, в дверях появилась миссис Керр и пригласила их на обед.

– Присоединится ли к нам ваша хозяйка? – спросил аббат.

– Нет, милорд. Она теперь будет спать до самого вечера.

Обед прошел в молчании. Аббат с радостью отметил для себя, что стол у Кэт более чем приличный. На первое был подан наваристый суп с морковью, ячменем и солидными кусками баранины. Затем последовали свежайшие устрицы, хорошо прожаренная говядина, жирный каплун, артишоки в уксусе, пирог с кроличьим и оленьим мясом. На столе стоял также только что испеченный хлеб и сладкое масло. В качестве десерта гостям предложили фруктовый торт с персиками, яблоками и орехами, а также сыр. Кубки постоянно наполнялись белым и красным вином.

Отдышавшись после столь обильного угощения, аббат заметил:

– Вы с Катрионой точно не будете голодать, племянник. Уж что-что, а кухня здесь отличная.

– Если только мне удастся уговорить ее стать моей женой, – вздохнул Патрик.

Зимний вечер тянулся долго. Аббат уединился в отведенной ему комнате, чтобы вздремнуть и затем вознести молитвы. Патрик, которому не сиделось на месте, набросил на плечи плащ и вышел прогуляться. Серый февральский день дышал холодом, в воздухе ощущался доносимый ветром запах снега: ближе к ночи наверняка разразится снегопад. Он решил пройтись пешком, чтобы улеглась душившая его ярость, готовая вырваться наружу. Заметив вывеску небольшой ювелирной лавки, он зашел туда. Владелец, сразу распознав солидного клиента, вышел к прилавку, и любезно спросил, чего желает господин.

– Хотелось бы посмотреть кольца.

– Разумеется, милорд. Окажите честь, присядьте...

Он щелкнул пальцами, и тут же его помощник вынес удобное кресло.

Устроившись, Патрик уточнил:

– Кольцо для леди.

– Да-да, – улыбнулся ювелир. – Ваша светлость желает приобрести подарок для подруги...

Он снова щелкнул пальцами, и второй помощник, постарше, вынес из подсобного помещения обтянутую черным бархатом деревянную паллету с кольцами.

Патрик придирчиво осмотрел образцы и презрительно обронил:

– И это все? А ничего получше у вас нет? Я все-таки покупаю кольцо для жены, а не для уличной девки.

Тут же появилась вторая паллета.

– Вот это уже что-то стоящее, – улыбнулся Патрик.

В углублениях на бледно-голубом бархате располагались четыре кольца: бриллиант, ограненный в форме капли, рубиновое сердце, круглый сапфир и четырехгранный изумруд. Все камни имели богатую оправу из золота. Тщательно осмотрев каждое из колец, Патрик осведомился о цене и остановил выбор на том, что с рубином в виде сердца.

– Я возьму вот это, но при условии, что вы пошлете одного из ваших помощников на Голдсмитс-лейн: пусть скажет господину Кира, что граф Гленкирк просит прислать специалиста для оценки.

Хозяин лавки кивнул и тут же отправил посыльного. Его цены были вполне честными, так что бояться было нечего. Заполучить такого клиента, как граф Гленкирк, значило поймать удачу за хвост. Посыльный вскоре вернулся, а вместе с ним в лавку вошел солидный господин.

Граф поднялся и тепло пожал руку новопривышему.

– Милорд, очень приятно вас видеть снова. Когда вы прибыли в Эдинбург?

– Только сегодня. Мне составил компанию дядя Чарлз. Мы остановились в доме моего брата неподалеку от Хай-стрит.

– Да, я знаю этот дом. Как раз накануне отъезда во Францию мы беседовали с лордом Адамом и его супругой.

Он улыбнулся графу.

– Итак, вы решили приобрести какое-то украшение?

– Да, для моей будущей жены леди Катрионы.

– Ах вот как! – воскликнул ювелир, сделав вид, как человек, хорошо воспитанный, что подробности бракосочетания Гленкирка ему неизвестны. – Прошу вас, покажите то кольцо, мастер.

Приложив к одному глазу небольшую лупу, он принялся тщательно изучать рубин.

– Мм! Да. Хм. Ну что же... Очень хорошо. Просто отлично.

Он передал кольцо Патрику и повернулся к хозяину.

– Что ж, мастер Эйди, прекрасный камень. Отличная огранка, чудесная оправка. Итак, ваша цена?

Ювелир назвал стоимость кольца, и консультант удовлетворенно кивнул.

– Вполне приемлемо. В сущности, милорд, вы совершаете весьма выгодную покупку. – Повернувшись к мистеру Эйди, ювелир попросил: – Не позволите взглянуть на другие кольца, которые вы предлагали графу?

Тщательно изучив бриллиант, сапфир и изумруд, поинтересовался их стоимостью и вынес вердикт:

– Слишком низкая цена, мастер Эйди. Поднимите на изумруд на двадцать процентов, а на бриллиант и сапфир – на десять.

Расплатившись с хозяином лавки и поблагодарив консультанта за оценку, Патрик распрощался с обоими джентльменами и отправился на Хай-стрит. Серо-синие сумерки затопили город, крупными хлопьями падал снег. Дверь открыла Салли и, приняв у него плащ и шляпу, пригласила в гостиную:

– Присядьте, согрейтесь у камина, милорд, а я принесу вам горячего вина с пряностями.

В гостиной он обнаружил Чарлза и Катриону, поглощенных игрой в шахматы. Молча он сел неподалеку и принялся наблюдать. Вошла Салли, поставила рядом с ним кубок, и он с удовольствием стал пить медленными глотками, наслаждаясь сладостью вина, остротой специй и нежным теплом, которое начало обволакивать тело.

– Шах и мат, – раздался голос Чарлза.

– Для аббата вы слишком хорошо играете в шахматы, – капризно отозвалась Кэт.

– Как правило, я выигрываю, если настроен на выигрыш.

– Это в вас говорит Лесли, – рассмеялась девушка. – Почему-то мне кажется, что в ваших словах есть какой-то подтекст.

– Совершенно верно, дитя мое. И вот что я хочу сказать. Каковы бы ни были ваши разногласия с Патриком, ребенок в них неповинен. Не лишайте его шанса появиться на свет законнорожденным.

Катриона пожала плечами и поднялась из-за стола.

– Спокойной ночи, дядюшка. Что-то я устала.

Присев в реверансе, она выплыла из комнаты, при этом ни разу даже не взглянув на Патрика, будто его здесь и не было.

– Так бы и отшлепал эту строптивницу, – буркнул аббат.

– Не поможет, – со вздохом отозвался граф.

Аббат фыркнул.

– Ладно, завтра еще раз попытаюсь ее урезонить. Ну а теперь ухожу спать. Тому, кто намерен тягаться с Катрионой Хей, нужно как следует есть и спать.

Патрик подошел к окну и стал смотреть на падающий снег. К этому времени снегопад усилился, и на пустынных улицах постепенно вырастали сугробы. Дверь в гостиную тихонько отворилась, и вошла Салли с подносом в руках.

– Вот, хозяйка прислала вам ужин: наверное, вы проголодались после прогулки. Они с сэром Чарлзом поужинали пораньше. Приятного аппетита.

Ужин оказался на славу: вареные креветки, холодная ветчина, поджаренный хлеб, масло и кувшин темного пива. Когда Салли вернулась, Патрик уже расправился с едой, и она с улыбкой поставила перед ним тарелку печенья и миску блестящих красных яблок. Все печенье было тут же съедено, а заодно с ним и пара яблок. Салли, унося поднос с посудой, заметила:

– Сплошное удовольствие смотреть, как вы едите, милорд! Прямо как мой брат Иэн. А теперь, сэр, если вы заглянете в этот шкаф, то найдете там отличное виски. Желаете еще что-нибудь, а то я собираюсь лечь спать?

– Нет-нет. Большое спасибо. Ступай к себе.

Оставшись в одиночестве, он налил себе виски и медленно выпил, наслаждаясь обжигающим дымным вкусом. И в этом Катриона оказалась на высоте: отыскала хорошую винокурню. Кэт! Ах, милая Кэт! Сколько боли он ей причинил! И как теперь искупить все это? Дядюшка, конечно, завтра пустит в ход все свои дипломатические уловки, но Патрик вдруг понял, что должен поговорить с ней сегодня, сейчас.

Поставив стакан на каминную полку, Патрик быстрым шагом вышел из гостиной. Салли оставила ему зажженную свечу у нижней ступени лестницы. Взяв ее, он стал медленно подниматься вверх, страшась того момента, когда предстанет перед Кэт. Остановившись перед ее дверью, он негромко постучал. Пару секунд ответа не было, и он решил, что она уже спит, но тут дверь открылась и она предстала перед ним все в том же зеленом бархатном халате, с распущенными по плечам густыми волосами цвета темного меда.

– Патрик? – произнесла она негромко и нежно. – Ты хочешь войти?

Она повернулась и пошла в глубь комнаты, предоставляя ему решать: входить или продолжить путь.

Он шагнул следом и плотно закрыл за собой дверь. В камине горел огонь, освещающая комнату. Она уже вернулась в постель, облокотившись на две большие подушки. Он подтянул кресло поближе к кровати и опустился в него.

– Полагаю, сегодня мне можно не бояться, что вы наброситесь на меня и изнасилуете. Тогда что же вам угодно? – спросила Катриона холодно, сложив руки на своем огромном животе.

– Я хочу поговорить с тобой. Давай оставим дипломатию и такт для нашего дядюшки аббата и скажем друг другу всю правду. Пожалуй, начну. Я полный идиот, Кэт!

– Совершенно верно.

– Я люблю тебя! Но сделанного не воротишь. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня? Я сделаю все, что угодно, лишь бы завоевать тебя, вернуть твое доверие.

– Сможешь ли ты изменить свои взгляды? Такой будет моя цена. Я не желаю быть собственностью: ни твоей, ни чьей-либо еще, – а также не намерена быть только женой лорда Гленкирка. Я Катриона Лесли, личность, и если ты будешь воспринимать меня таковой и вести себя со мной надлежащим образом, все станет возможным. Надеюсь, я понятно объяснила?

– Я стараюсь понять. Возможно, мне стоит выделить какую-то часть твоего приданого в твое личное распоряжение?

– Это вовсе не то, что я имела в виду, но если ты заговорил о финансовой стороне вопроса, что ж. Капиталовложения, которые оставила мне бабушка, были включены в мое приданое. По-моему, это неправильно. Они должны быть только моими, и я хочу получить их обратно. А-Куил также принадлежит только мне. Усадьба была собственностью моей бабушки по отцу, она завещала ее мне, а этот дом отписала Фионе. Боже мой, Патрик! Ты ведь знал бабушку куда лучше, чем я, и тебе наверняка известно, как она ратовала за то, чтобы у женщины имелась какая-то собственность.

– Разумеется, ты можешь получить А-Куил обратно, но что касается капиталовложений, любимая, я никак не могу позволить тебе, не искушенной в финансовых вопросах, растратить то, что бабушка оставила просто из своей прихоти.

– В таком случае не имеет смысла продолжать этот разговор. Спокойной ночи, Патрик.

Катриона решила не говорить ему, что уже в течение двух лет распоряжается инвестициями, которые оставила ей бабушка. Следуя блестящим советам банкиров семьи, Катриона сделала самые доходные – среди праправнуков Джанет Лесли – капиталовложения. У нее обнаружился талант к банковским делам и почти сверхъестественное чутье, но она не стала говорить Патрику об этом. Решение вернуть то, что принадлежало ей по праву, должно исходить от него.

Лежа к нему спиной, она услышала, как дверь в ее комнату тихо закрылась. Перевалившись на другой бок, она обвела комнату взглядом, но никого не увидела. Патрик ушел. Катриона почувствовала, как слезы – горячие и соленые – текут по щекам. Несмотря на всю свою выдержку, она вовсе не чувствовала уверенности. Ребенок, которого она носила, должен стать наследником Гленкирков, и она хотела, чтобы он при рождении получил оба законных имени, но уступить Патрику она не была готова до тех пор, пока он не согласится на ее условия. Словно почувствовав ее волнение, ребенок толкнулся в ее чреве, и она успокаивающе положила ладонь на живот.

– Все хорошо, Джейми. Твой отец все равно рано или поздно сдастся.

А будет это очень скоро, она знала, поскольку младенец мог появиться на свет в любой момент. Неожиданно она задумалась, испытывает ли Патрик такое же беспокойство, как она, и лежит ли сейчас без сна в своей кровати, как она.

Глава 10

Снегопад продолжался всю ночь, так что наутро Эдинбург проснулся в сверкающем на бледном солнце серебристо-белом облачении. Катриона встала с кровати, справила малую нужду в ночную вазу и снова забралась под теплое одеяло. Спустя несколько минут в спальне появилась Салли, чтобы растопить огонь в камине. На подносе, который она принесла, стояло горячее молоко со взбитыми яйцами и пряностями и тарелка с только что испеченными лепешками, политыми растопленным маслом и клубничным джемом.

– Да благословит тебя Господь, – поблагодарила Катриона, подаваясь вперед всем телом, пока Салли взбивала ей подушки. – У меня сегодня волчий аппетит. А что, бекон нет?

– Возможно, остался, миледи, – улыбнулась Салли. – Начните пока с этого, а я спрошу у миссис Керр.

Катриона выпила молоко и с аппетитом принялась за лепешки.

– Ты выглядишь как десятилетняя девчонка, а не как женщина накануне родов, – засмеялся Патрик, входя в комнату. – У тебя все лицо в джеме. Вот, кстати, и бекон, мадам.

Он грациозно поставил перед ней целую тарелку.

– Благодарю вас, милорд, – поблагодарила Катриона и, подцепив вилкой самый большой кусок, принялась с наслаждением жевать.

– Могу я присоединиться к тебе, Кэт?

– Если здесь хватит на двоих.

– Не беспокойся, Салли принесет и мне!

Катриона дождалась, когда служанка вернется, расставит тарелки с едой и выйдет из комнаты, и лишь потом продолжила разговор:

– Ты, как всегда, уверен в себе, да, Патрик?

– Черт возьми, Кэт! Ты и дальше намерена говорить со мной в таком тоне? Так и будешь ехидничать?

– До тех пор пока не получу то, что принадлежит мне по праву, ничего вообще не будет!

Она с аппетитом принялась за очередную лепешку, и растопленное масло потекло у нее по подбородку.

– Ты хочешь доказательств, что я не обманываю тебя?

Он едва сдерживал изумление, которое охватило его.

– Ну да, – подтвердила она спокойно. – Если угодно, можно заключить пари, но я уверена, что выиграю?

– Каковы же будут ставки, мадам?

– А-Куил против дома в Эдинбурге, но мне будет позволено самой его выбрать.

– Если выиграешь, милая.

– Непременно, – заявила Катриона, подбирая последний кусочек бекона.

Патрик расхохотался, наслаждаясь ее ничем не обоснованной самоуверенностью. Эту черту характера он раньше не знал, и она ему нравилась.

– Если мне удастся найти приличный экипаж, ты согласишься отправиться со мной на прогулку?

– Конечно. Уже несколько недель я не была на воздухе. Только вот с моими габаритами это не будет трудновато?

У Бенджамина Кира отыскались сани, привезенные из Норвегии: красного цвета, расписанные черно-золотыми узорами, – и пара вороных. Граф усадил Катриону поудобнее, укрыл несколькими меховыми накидками и, взяв в руки вожжи, повез на прогулку по городу.

Красота Катрионы Хей не осталась незамеченной. То и дело Патрик ловил восхищенные взгляды, которые кто-нибудь из прохожих бросал в ее сторону. Его это страшно злило, и он посылал в ответ такие молнии, что любители прекрасного пола спешили свернуть с дороги.

Катриона была закутана в коричневый бархатный плащ, капюшон которого, отделанный соболиным мехом, выгодно оттенял нежную кожу ее личика в форме сердечка. Несколько пряжек цвета темного меда выбились из-под капюшона и восхитительно контрастировали с темным мехом. Глядя на нее, Патрик готов был согласиться на что угодно, даже на это нелепое имя для сына. Он любил эту своевольную лисицу и знал, что если позволит ей снова ускользнуть, то уже никогда не получит обратно.

– Я проголодалась, Гленкирк, – ее голос отвлек его от размышлений.

– На окраине города есть отличная таверна, милая. Можем туда заглянуть.

Он лихо завернул сани во двор «Ройял скотт» и, соскочив на землю, бросил вожжи подбежавшему служащему. Катриона запуталась в своих меховых одеяниях, и Патрик подхватил ее на руки и так, не давая ступить в глубокий снег, занес ее прямо в таверну.

– Отдельный кабинет, сэр? – спросил хозяин.

– Нет, не надо. Мы прекрасно устроимся в общем зале, если только там не слишком многолюдно.

Их устроили за столиком у окна, неподалеку от жарко пылающего камина. Патрик помог ей снять плащ. Катриона была одета в простое спадавшее свободными складками коричневое бархатное платье с кружевным воротником и манжетами. Тяжелая золотая цепь с топазами резко контрастировала с нарочитой скромностью ее наряда. Ничем не сдерживаемые волосы рассыпались по плечам.

Хозяин таверны, даже не ожидая заказа, сам принес им кубки с горячим вином, приправленным пряностями.

– Мы страшно голодны, – сказал граф. – Так что несите нам все лучшее, и побольше.

Не успели они допить вино, как появился слуга с нагруженным подносом. Первым блюдом были креветки и устрицы, сваренные в изысканном соусе из трав, свежий, только что испеченный хлеб и масло. За ними последовали артишоки в уксусе и оливковом масле и салат из капусты. Следом на столе появилась утка, запеченная на открытом огне до хрустящей корочки и политая кисло-сладким лимонным соусом, поджаренные говяжьи ребрышки, тонкие розоватые ломтики молодой баранины под розовым вином и розмарином, целиком запеченная на гриле форель и маленькие слоеные пирожки, начиненные измельченной олениной, зайчатинной и фруктами. На десерт была подана большая миска запеченных персиков и яблок, залитых взбитыми сливками и посыпанных разноцветным сахаром. Все это сопровождалось желе, засахаренными орехами и маленькими стаканчиками укрепляющего вина со специями. Катриона, которая всегда любила поесть, ничуть не стеснялась и перепробовала все, причем с таким аппетитом, что это выглядело забавно. Наконец, насытившись, она заявила:

– Что-то меня клонит в сон, Гленкирк! Отвези меня домой.

Патрик оплатил счет, поблагодарил хозяина таверны за великолепные блюда и обслуживание, и, раздав чаевые, усадил Катриону в сани. Дома Кэт сразу отправилась к себе, а Гленкирк повез сани Бенджамину Кира, а когда вернулся, Салли предупредила его, что хозяйка в своей комнате отдыхает. Патрик поднялся на второй этаж и постучал в дверь ее спальни. Получив разрешение войти, он увидел Катриону в постели, одетую в светло-голубой шелковый домашний халат.

– Похоже, я объелась, – заявила она, – так что собираюсь поспать. – Вытянув руку, она похлопала по кровати, приглашая его присесть. – Спасибо тебе за прогулку. Мне было весело.

– Мне тоже, любовь моя.

Наклонившись, он нежно поцеловал ее. В ответ она взяла его руку и положила на свой живот. Лицо его осветилось неопишуемой нежностью, когда он почувствовал толчок.

– Да, любимый! Мой Джейми – сильный и здоровый ребенок, – рассмеялась Катриона.

Она сказала именно «мой», но не «наш». Патрик был уязвлен этим, но постарался скрыть свои чувства и смог бодро произнести:

– Наш Джейми, Кэт. Он ведь и мой сын.

– Нет, милорд Гленкирк. Я тебе вчера уже говорила. Этот ребенок только мой сын, а твой – бастард.

– Спокойной ночи, – негромко произнес Патрик, встал с кровати и вышел из комнаты.

Он уже был почти готов сдаться. Катриона это чувствовала, поэтому использовала любые уловки, чтобы ослабить его волю и подвигнуть к этому решению. Она знала, что он хочет ее, и это ничуть не шокировало, поскольку она не менее страстно желала его. Но пока Патрик не согласится на все ее условия и не изменит свое поведение, совместной жизни не будет. Она заснула, прикидывая, сколько еще времени пройдет, прежде чем он признает свое поражение.

Пока она спала, Патрик узнал весьма интересные факты от своего дядюшки. Аббат провел все утро в библиотеке, ожидая возвращения племянников, и был весьма доволен собой: похоже, его разговоры с Катрионой начали приносить свои плоды. Когда Патрик вошел в библиотеку, аббат спросил:

– Ну что, племянничек, когда намерены венчаться?

– Не сейчас, дядюшка. Она все еще не готова стать моей женой.

– Господи! Чего ей надо-то? Ты хоть понимаешь? Что до меня, то я наотрез отказываюсь ее понимать.

Патрик рассмеялся.

– Думаю, она не желает, чтобы с ней обращались как с движимым имуществом.

– Какая ерунда! – бросил аббат. – Кто же еще женщина, если не движимое имущество? Ведь даже эти еретики-протестанты этого не отрицают.

– Тем не менее, – продолжал Патрик, – она хочет, чтобы с ней обращались как с равной, и требует, чтобы как А-Куил, так и капиталовложения, оставленные ей бабушкой, не включали в ее приданое, а законным образом вернули ей. Пока это не будет сделано, замуж за меня она не выйдет.

Подумав с минуту, аббат заговорил:

– Моя матушка тоже считала, что женщине полагается иметь какую-то собственность, поэтому проследила, чтобы все ее внучки и правнучки получили таковую плюс некоторые капиталовложения. Сумасшедшая идея! Чепуха полная! Если Грейхейвен включает А-Куил и капиталовложения в качестве приданого Катрионы, значит, они, разумеется, принадлежат тебе.

Прослушав рассуждения дядюшки, Патрик внезапно осознал всю их несправедливость и смог понять гнев Катрионы.

– Но я обещал вернуть ей А-Куил. Кстати, она производила какие-нибудь операции со своими инвестициями или же только получала дивиденды?

– Грейхейвен что-то говорил мне по этому поводу, но я не помню что именно. Надо бы спросить в банке.

– Именно это я и собираюсь сделать, – сказал Патрик. – Но, дядюшка, если вы хотите, чтобы мой сын был законнорожденным, ничего не говорите Катрионе о нашем разговоре. Я собираюсь навеститься в банк. Если она спросит обо мне, когда проснется, скажите, что я отправился прогуляться.

Но когда Катриона Хей проснулась, ей и в голову не пришло думать о Патрике. Ее тело пронзила такая боль, что она едва не потеряла сознание, а когда попыталась подняться на ноги, почувствовала, как из нее хлынула вода. На ее крик прибежали миссис Керр и Салли. Экономке хватило пары секунд, чтобы оценить ситуацию, и она обняла Кэт за плечи, чтобы успокоить.

– Не волнуйтесь, миледи, просто ваш малыш решил, что ему пора выбираться на белый свет. Салли, девочка, принеси-ка побольше полотенец. Вам очень больно?

– Немного. Боль то появляется, то исчезает.

– Так и должно быть, – кивнула миссис Керр. – Салли! Ступай к аббату и скажи, что нам нужна его помощь: надо принести стол. А пока что, миледи, ложитесь-ка в постель.

Она помогла Кэт забраться на кровать, а Салли бегом спустилась по лестнице в библиотеку, где Чарлз Лесли спокойно дремал перед камином. Девушка осторожно тронула его за плечо.

– Сэр! Сэр!

Чарлз сонно приоткрыл глаза.

– У госпожи начались роды, сэр, и нам нужна ваша помощь. Принесите наверх стол.

От услышанной новости аббат мгновенно пришел в себя.

– Граф уже вернулся?

– Нет, сэр.

– Проклятье! Мне придется отправиться за ним и привести сюда.

Салли успокаивающе коснулась его руки.

– Милорд, сейчас в кухне находится мой младший брат. Он и приведет графа. Время еще есть. Первые роды длятся довольно долго.

– Дай своему брату вот это, – сказал Чарлз, протягивая Салли медную монету. – Когда вернется, получит еще и серебряную.

– Благодарю вас, милорд. Если вы пока побудете здесь, то я отправлю его за графом.

Она побежала в кухню, где ее десятилетний брат активно работал ложкой, расправляясь с бараньей похлебкой.

– Держи, Робби. Беги-ка в банк на Голдсмитс-лейн, спроси там графа Гленкирка и скажи ему, что его сын вот-вот появится на свет. Если служащие не захотят беспокоить графа, то скажи, что речь идет о жизни и смерти, но больше ничего не говори. – Салли дала брату медную монету и добавила: – Когда вернешься, получишь еще одну, серебряную.

Зажав в кулаке монету, парнишка схватил свою курточку и выбежал из дома.

Тем временем Гленкирк преспокойно попивал турецкий кофе и со все растущим удивлением слушал, как нынешний глава эдинбургского банка Бенджамин Кира повествовал о финансовых талантах Катрионы Хей.

– Она почти в три раза увеличила свои капиталовложения за последние два года, – подвел итог банкир.

– Безусловно, это вы подсказывали ей, что и как следует сделать, – предположил Патрик.

– Да, но это было давно. Когда ей было двенадцать лет, она написала мне письмо, в котором спрашивала, не соглашусь ли я наставлять ее в финансовых вопросах. Я начал с самого простого, поскольку не был уверен, серьезно ли она настроена и обладает ли достаточным для этого интеллектом. Чем больше я с ней занимался, тем больше она хотела знать. Она буквально поглощала знания и все понимала. Два года назад она уже могла проводить собственные опера-

ции. Около полугода она еще консультировалась со мной, прежде чем что-то предпринять, но потом действовала исключительно по своим соображениям. Она умна, чрезвычайно умна. Не буду скрывать, что порой я и сам следовал ее советам, заработав на этом кругленькую сумму!

Патрик, обескураженный этим признанием, уточнил:

– Вы хотите сказать, что, когда леди Катриона давала вам какие-то распоряжения относительно своих капиталовложений, вы следовали ее советам и тоже вкладывали туда же собственные капиталы?

– Да, милорд.

– Известно ли вам, что владелец Грейхейвена передал мне состояние леди Катрионы год назад, когда был назначен день свадьбы?

– Нет, этого я не знал, милорд, нас никто не поставил в известность. Леди Хей продолжала управлять своими активами, причем особенно интенсивно, когда оказалась здесь, в городе.

– И она продолжит заниматься этим. Ваш брат Абнер, насколько я знаю, юрист, не так ли?

– Да, милорд.

– Если он в городе, я бы хотел, чтобы он немедленно разработал договор, в соответствии с которым леди Хей немедленно возвращается вся ее собственность. И еще: она никогда не должна узнать, что мы с вами разговаривали о ее денежных операциях. Буду с вами откровенен, друг мой: леди Хей носит моего ребенка, но отказывается выйти за меня замуж, как это было оговорено год назад, до тех пор пока я не верну ей ее собственность. Естественно, я не хочу, чтобы следующий Гленкирк стал незаконнорожденным, но она так упряма, что ни я, ни мой дядя аббат не смогли ее уговорить.

– Я немедленно пошлю за братом и его помощником, милорд. Вы можете на меня положиться. Женщины, даже самые лучшие, существа непредсказуемые, а накануне родов так прямо опасные, так что будет лучше деликатно пойти им навстречу.

Пока они ожидали юриста, в комнату впустили юного Робби.

– Этот парень, – сказал служащий, – говорит, что он должен увидеть господина графа, поскольку речь идет о жизни или смерти.

– Что стряслось? – спросил Гленкирк.

– Меня зовут Робби Керр, я брат Салли. У ее хозяйки начались роды.

– Боже! – воскликнул Патрик. – Ребенок уже появился на свет?

– Нет, сэр, – немного растерялся парень. – Ведь роды только начались.

– Для своих лет ты неплохо осведомлен. Сколько тебе: девять, десять? – спросил граф.

– Десять, сэр. Дело в том, что, кроме меня, нас еще шестеро.

– Господь щедро одарил твою мать, юный Робби, – заметил банкир.

– Нет, сэр. Матушка умерла, когда рожала меня, а еще шестерых родила мачеха.

Граф побледнел, и, заметив это, банкир предложил:

– Я отправлю с мальчишкой свою жену. Она трижды рожала, поэтому сможет позаботиться о вашей леди, сэр. Не беспокойтесь: первые роды всегда длятся довольно долго, так что времени у вас вполне достаточно.

Когда Абнер Кира и его помощник вошли в комнату, банкир и Робби уходили, намереваясь найти госпожу Кира. Супруги поговорили между собой на незнакомом Робби языке, похожем на гэльский, и миссис Кира посмотрела на мальчика.

– Что ж, пошли, проводишь меня.

Дверь им открыла Салли.

– Я жена мистера Бенджамина Кира. Его светлость граф просил меня узнать, как состояние его жены.

Салли присела в книксене.

– Пожалуйста, присаживайтесь, мадам, а я позову тетю. Она сейчас как раз находится у мисс Катрионы.

Спустившись по лестнице, миссис Керр засуетилась.

– Ох, Салли, как можно было оставить гостью в прихожей? Пойдемте в гостиную, я угощу вас бренди.

– Благодарю вас, миссис Керр, – улыбнулась Энн, – но я должна спешить обратно. Его светлость, как и всякий новоиспеченный отец, сходит с ума. Как себя чувствует леди?

– Не надо волноваться. Все идет нормально. Первые роды, так что не раньше, чем через несколько часов.

– Уверена, он вернется задолго до этого, – мягко произнесла миссис Кира.

Женщины понимающе переглянулись и, не сговариваясь, рассмеялись.

Вернувшись домой, Энн Кира заверила графа, что причин для беспокойства нет. К этому времени Абнер Кира уже составил документ, который делал Катриону Мэри Хей Лесли, графиню Гленкирк, единственной владелицей А-Куила и активов, оставленных ей Джанет Лесли. Этот документ был составлен в двух экземплярах, подписан Патриком Лесли, графом Гленкирком, и засвидетельствован братьями Бенджамином и Абнером Кира. Один экземпляр этого документа должен был постоянно храниться в одном из сейфов банка, а второй взял с собой граф, спрятав под плащом, так как к ночи снегопад усилился. Теперь Катриона выйдет за него замуж, у нее не будет причин отказать.

– Еще нет, – не дожидаясь его вопроса, объявила Салли, впуская графа в дом и принимая у него плащ.

– Где сэр Чарлз?

– В библиотеке, ваша светлость.

Гленкирк быстро пересек холл и буквально ворвался в библиотеку.

– Смотри, дядюшка Чарлз, я наконец достал то, что ей нужно, чтобы выйти за меня замуж. Я сделал так, как хотела Катриона, и должен сказать ей об этом.

Не дав времени аббату даже открыть рот, он взбежал по лестнице, перескакивая через две ступени, и ворвался в спальню.

Длинный стол, покрытый сложенными в несколько слоев простынями и наклоненный к одному концу, стоял перед зажженным камином. На столе, опираясь спиной о подушки, полу-сидела Кэт. Граф обвел комнату удивленным взглядом, а миссис Керр заметила:

– Роды довольно кровавое дело, милорд. Я не хотела вконец испортить чудесный матрас и пуховое одеяло.

Патрик обошел стол и, не говоря ни слова, вложил в руки Кэт свернутые бумаги. Она сломала печать, развернула пергамент и быстро прочитала. Потом на секунду закрыла глаза, переживая родовую схватку, а когда та прошла, подняла на него взгляд наполненных слезами глаз и негромко произнесла:

– Спасибо тебе, Патрик.

– Катриона Хей, мы с тобой были обещаны друг другу более двенадцати лет назад. В эти минуты рождается наш ребенок. Скажи, готова ли ты выйти за меня замуж? – Помолчав, он улыбнулся и продолжил: – Кроме того, этот документ выписан на Катриону Мэри Хей Лесли, графиню Гленкирк. Ты просто обязана выйти за меня замуж, чтобы получить свою собственность!

– Патрик, – произнесла Кэт, – ты выполнил обещание, но ведь это еще не все. Изменил ли ты свое отношение ко мне? Кто я для тебя?

Вопрос был непростой, и Патрик понимал, что их судьба – всех троих – зависит от его ответа.

– Ну, во-первых, Катриона Хей – умная, образованная леди и прекрасная женщина, – осторожно начал он. – Во-вторых, моя будущая жена, на что я очень надеюсь, моя хозяйка, мой друг, а также мать наших детей. В тебе заключена не одна-единственная женщина, моя милая, а много разных, и с некоторыми из них я уже познакомился.

– Патрик, – улыбнулась она сквозь приступ боли, – вот теперь я верю, что ты начинаешь меня понимать, хотя для тебя это было отнюдь не легко. Спасибо тебе.

Он был почти уверен, что теперь она согласится на брак, и почувствовал невероятное облегчение.

– Да, мой господин... моя любовь... мой дорогой друг и недавний враг! Я помню наше соглашение и выполню свое обещание: выйду за тебя замуж.

В этот момент, словно по условному знаку, в спальне появился аббат с переносным алтарем в руках.

– Прекрасно, племянница! И больше никаких глупостей! Если ты не в состоянии сама произнести брачные обеты, то это сделаю за тебя я! Не думаю, что сейчас ты сможешь встать.

– В этом нет никакой нужды, дядюшка. Если вы дадите мне пять минут и оба выйдете из комнаты, я подготовлюсь к бракосочетанию. – Она сморщилась от боли, потом выдохнула и обратилась к Салли: – Мое темно-красное бархатное платье. Ох, боже мой!

Мужчины быстро вышли, а Салли с сомнением заметила:

– Боли учащаются, миледи. Не уверена, что вам следует вставать.

– Это всего на несколько минут. Не могу же я выходить замуж лежа на родильном столе!

Новый приступ боли пронзил все ее тело.

Салли как раз помогала Катрионе сменить домашний халат на тяжелое бархатное парадное платье, когда в гостиную вошла миссис Керр.

– Милорд аббат, прошу вас, поспешите с церемонией. Схватки неожиданно участились. Новый Гленкирк может появиться на свет с минуты на минуту.

Чарлз кивнул, но в этот момент Салли высунула голову в приоткрытую дверь и оповестила:

– Миледи желает, чтобы церемония состоялась в парадном зале у камина.

Пока миссис Керр и аббат спорили, Патрик широкими шагами прошел в спальню. Дрожа от слабости, Катриона стояла, облаченная в вишнево-красное бархатное платье. Ее длинные тяжелые волосы были скоты золотыми и жемчужными шпильками. Патрик, заметив выражение боли во взгляде, молча обнял ее. Никто не произнес ни слова. Подняв ее на руки, он осторожно вынес невесту из комнаты и быстро зашагал к парадному залу. Аббат, миссис Керр и Салли едва поспевали за ним.

Чарлз Лесли открыл молитвенник и начал церемонию. Патрик и Кэт стояли перед ним. Ее рука лежала на его руке, и всякий раз он чувствовал, как по ее телу проходит волна боли. Она ни разу не вскрикнула, и Патрик восхищался ее выдержкой.

Аббат, принимая во внимание состояние племянницы, провел церемонию очень быстро и прошепел:

– Кольцо!

Патрик подал аббату кольцо с рубином. Чарлз Лесли благословил его, вернул графу, и тот надел его на палец Катрионы. Глаза ее округлились при виде рубина в виде сердца, и она одарила Патрика благодарной улыбкой. Чарлз Лесли произнес заключительные слова и, наконец, провозгласил своих племянницу и племянника мужем и женой.

Патрик не стал ждать поздравлений, а подняв Кэт на руки, быстро понес обратно в спальню. Салли, опередив его, открыла дверь, а когда в комнату вошла и миссис Керр, закрыла ее. Обе женщины помогли Кэт снять тяжелое парадное платье и взобраться на родильный стол. Убедившись, что жене вполне удобно, Патрик подвинул кресло и сел рядом.

– Милорд, здесь мужчине не место, – недовольно произнесла миссис Керр.

– Если моя жена не возражает, я хотел бы видеть, как мой сын появится на свет.

Кэт положила ему на плечо руку и со слабой улыбкой сказала:

– Останься. Ты уже столько пропустил...

Приступы боли становились все чаще и сильнее. Все тело Кэт покрылось обильной испариной, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы.

– Не сдерживайтесь, миледи, – посоветовала миссис Керр. – Кричите – так будет легче.

– Я не хочу, чтобы мой сын появился на свет под крики боли, – возразила Катриона.

– Ерунда! – бросила в ответ миссис Керр. – Он и сам закричит не хуже вас.

В ее глазах промелькнул озорной огонек.

– А почему бы вам не ругаться? По-гэльски, разумеется, чтобы он не понял.

Настоятель аббатства Гленкирк, ожидавший разрешения родов в гостиной, с удивлением услышал, как из покоев роженицы потоком полились цветистые гэльские выражения, одно забористее другого. Это продолжалось минут десять и закончилось триумфальным возгласом Гленкирка и отчаянным воплем новорожденного. Не в состоянии далее сидеть на месте, Чарлз Лесли буквально ворвался в спальню. Миссис Керр приводила в порядок Кэт, тогда как Салли обтирала кровь и слезы с вопящего младенца.

– У меня родился сын, дядя! Сын! Пятый граф Гленкирк! – кричал как сумасшедший Патрик. – Джеймс Патрик Чарлз Адам Лесли!

– Да, дядюшка, – раздался хоть и слабый, но не лишенный ехидства голос. – У него сын. Четвертый граф Гленкирк только что родил пятого. И что любопытно, совершенно самостоятельно!

– Я ни в коем случае не пытаюсь забрать у тебя пальму первенства, любимая, – во весь рот улыбнулся Патрик.

Кэт слабо улыбнулась.

– Когда же мне дадут взглянуть на чудо, которое я произвела на свет?

– Буквально через минуту, дорогая, – сказала миссис Керр, надевая на Кэт чистую, пахнущую лавандой ночную рубашку из мягкой светлой шерсти. – Вот теперь вы можете лечь в постель. Милорд, помогите графине.

Патрик осторожно поднял Кэт на руки, уложил на согретые простыни, подтянул повыше покрывало, и Салли передала новоиспеченной матери спящего запеленутого младенца.

– Боже мой, какой же он крошечный! Рождественский каплун и то побольше будет! – воскликнула Катриона, но в голосе ее, однако, звучала гордость. – У него твои волосы, Патрик.

Вдоволь налюбовавшись младенцем, Кэт с сожалением передала его миссис Керр.

– Салли уложит его в колыбельку, а вам нужно отдохнуть. Вы по-прежнему хотите сами кормить его грудью или мне поискать кормилицу?

– Нет-нет, только сама. Да, и проследите, пожалуйста, чтобы мой супруг и дядюшка как следует поужинали.

– Разумеется, мадам, – улыбнулась миссис Керр. – Не волнуйтесь.

И она повернулась, намереваясь выйти из спальни, но Кэт окликнула:

– Миссис Керр?

– Да, миледи?

– Спасибо вам, миссис Керр. За все огромное спасибо.

Экономка смущенно улыбнулась, но слова эти ее явно обрадовали.

– Для меня было огромной честью, миледи, помочь появиться на свет следующему графу Гленкирку.

Она повернулась к аббату.

– Пойдемте, сэр. Наверняка от всей этой суматохи у вас разыгрался аппетит.

Когда они вышли из комнаты, Патрик присел на край кровати, взял руку жены и поднес к губам.

– Ты безмерно горда, Катриона Лесли, и невероятно упряма, но, богом клянусь, я люблю тебя и счастлив иметь своей женой... и своим другом!

Она подняла на него свои светло-зеленые глаза, и он увидел в них смешинки.

– Не забудь про должок, Гленкирк: как только приду в себя, потребую дом в городе! Раскатистый счастливый смех Патрика Лесли разнесся по всему дому.

Глава 11

Джеймс Патрик Чарлз Адам Лесли появился на свет 24 февраля 1576 года, а через четыре месяца Адам и Фиона Лесли, получив радостную весть, вернулись домой из Франции, чтобы стать крестными родителями мла-денца.

Чарлз Лесли без промедления организовал церемонию. К тому времени он уже больше двух месяцев находился вдали от своего аббатства, поэтому пришлось арендовать быстроходный корабль, чтобы добраться до Питерхеда. Отсюда он уже мог продолжить путь по суше и заранее предвкушал, как проведет первую ночь снова на твердой земле.

Фиону поразили изменения, произошедшие с Кэт, и она со смехом заметила:

– Кто бы мог подумать, что своенравная Катриона Лесли станет такой добропорядочной мамашей-наседкой!

Кэт усмехнулась в ответ:

– И не говори! Сама удивляюсь, но вот как-то случилось само по себе. Однако про следующего даже слышать не хочу... разве что лет через семь.

– Если Гленкирк такой же ненасытный жеребец, что и Адам, то выбора у тебя не будет.

– Я буду осторожна, – многозначительно произнесла Кэт.

– Знаешь, кузина, – заметила Фиона, вскинув элегантно подведенную бровь, – ты совсем не та, что была год назад.

– Да, за это время многое изменилось.

Теперь, когда Адам и Фиона вернулись, небольшой эдинбургский дом стал тесен для такой семьи. Адам когда-то обещал жене, что они будут путешествовать, но обстоятельства складывались так, что требовалось его присутствие в Гленкирке.

После смерти этой зимой от простуды единственного брата Эйлис Хей, Френсиса, у Джилберта Хей не оставалось других законных наследников, поэтому таковым становился Джеймс Лесли. Им с Эйлис пришлось перебраться в Хей-Хаус, чтобы научиться вести дела в поместье, пусть и небольшом.

Майкл Лесли после женитьбы на Изабелле Форбс получит ее имение, поэтому Адаму Лесли предстояло освоить азы управления, на тот случай если Патрик – не приведи господь! – умрет до того, как его сын Джеймс достигнет совершеннолетия.

– Поживете годик в Гленкирке, войдете в курс всего, а потом сможете продолжить путешествие, – попытался успокоить молодую чету Патрик, видя, как разочарована Фиона таким поворотом событий.

Тем временем Катриона нашла в городе дом, который ее устраивал. Как и особняк Лесли, он располагался на тихой боковой улочке. В сложенном из кирпича здании имелось все, чтобы жить с комфортом. На первом этаже к просторной светлой кухне примыкали буфетная, кладовая, уборная и помещения для слуг. В другом крыле располагался зал для приемов, парадная и малая гостиные, столовая и библиотека. В доме было шесть спальных комнат, причем каждая с собственной гардеробной и уборной. Целый этаж занимали детские комнаты и помещения для няни, служанок и кормилиц.

Территория при особняке содержалась в образцовом порядке: цветник, огород и сад. Здесь же располагалась и конюшня. Когда граф выразил было свое недоумение по поводу размеров особняка, ему напомнили, сколько у него родственников. Предполагалось, что в доме Гленкирков будут останавливаться все многочисленные Лесли во время визитов в Эдинбург. К тому же следовало принимать во внимание увеличение их собственной семьи. Кэт предложила

миссис Керр занять место экономки в новом доме. Переезжать в Гленкирк она не собиралась по крайней мере до конца июня, чтобы иметь возможность присутствовать при заказе мебели, но Патрик дал ей срок только до середины мая.

– Но почему бы вам с Адамом не отправиться домой одним? – запротестовала Кэт. – Мы с Фионой закончим здесь все дела и приедем попозже.

Патрик от души рассмеялся.

– Ну нет, мадам, я не намерен больше выпускать вас из виду ни на минуту. Мы вернемся в Гленкирк все вместе в середине мая, так что тебе придется поднапрячься и закончить свои дела к этому сроку. Да и какая вообще разница, когда будет обставлен наш дом: сейчас или потом?

– К вашему сведению, милорд, я не собираюсь сидеть всю зиму в сугробах Гленкирка. После Рождества, а еще лучше накануне, мне хотелось бы вернуться в город.

Патрик удивился: похоже, она собирается проводить каждую зиму в городе, – и со вздохом признал, что порой характер его жены мог быть невыносимым. Пожалуй, единственный выход – чаще делать ее беременной. Множество детских голосов не дадут ей скучать.

Все следующие недели Катриона была загружена до предела: встречи с мастерами, декораторами и продавцами, посещение магазинов и салонов. Она сама согласовала с банком порядок оплаты счетов – только после подтверждения от миссис Керр, что поставка произведена. Патрику об этом она говорить не собиралась: если граф забыл, Гленкирк-Хаус принадлежал Кэт.

Накануне их отъезда из Эдинбурга к ним в гости заехал Джордж Лесли, граф Роутс, глава клана Лесли. Братья были польщены оказанной им, самым младшим из клана, честью. Катриона, однако, осталась к этом визиту совершенно равнодушной, лишь заметила:

– Мы богаче их. Он, очевидно, решил поддерживать с нами отношения на случай, если ему понадобятся деньги.

Мужчин ее слова шокировали, а Фиону развеселили.

– Ну, ты даешь, Кэт! Впрочем, я согласна с тобой. А еще Джордж Лесли принадлежит к новой церкви, и, по слухам, его семья была причастна к убийству кардинала Битона несколько лет назад. Я, во всяком случае, ему не доверяю.

Они выехали из Эдинбурга в Гленкирк в середине мая. Граф, графиня, Адам и Фиона ехали верхом. Салли, ее сестра Люси и маленький Джеймс уютно устроились в повозке. Поскольку дороги были беспокойны, их сопровождали солдаты из Гленкирка под командованием Конелла Мор-Лесли. Ехать предстояло в сторону Абердина, и разрешения присоединиться к ним попросили несколько торговцев. Чем больше народу, тем безопаснее.

Две недели спустя они благополучно добрались до Гленкирка. Перед входом в замок выстроились едва ли не все представители клана: вдовствующая графиня Маргарет Лесли, родители и братья Катрионы, родители и братья Фионы, все Лесли из Гленкирка и Мор-Лесли из Крэннога.

Фиона не удержалась от смеха, а Катриона вполголоса произнесла:

– Боже мой, все в сборе. Похоже, нет только одного человека – нашего дядюшки аббата.

– Нет, и он здесь, просто наклонился поднять перчатку тети Мег, – давясь от хохота, пробормотала Фиона.

– О господи!

– Только, похоже, они здесь не ради нас, Кэт. Все пришли приветствовать его светлость графа Гленкирка-младшего, – прошептала Фиона, когда собравшаяся толпа двинулась к ним.

Она оказалась права. Бедный Джейми вопил от негодования, когда его, буквально выхватив у Салли, стали передавать из одних родственных рук в другие.

В конце концов Кэт не выдержала, забрала сына, успокоила и больше не спускала с рук, пресекая все возражения.

– Давайте возьму его, миледи, – предложила Эллен.

– Ни в коем случае! – бросила Кэт. – Ты слишком хорошая служанка, чтобы отдавать тебя этому карапузу. Тем более что у него уже есть няня.

Эллен с облегчением вздохнула, а Кэт повернулась к Салли:

– Забирай своего мокрого подопечного.

Новоприбывшим еще пришлось выдержать приветственный банкет, устроенный матерью Патрика, поэтому, когда за окнами стало темнеть, Кэт уже еле сдерживала зевоту. Мег Лесли негромко хохотнула и шепнула невестке:

– Полагаю, ты вполне можешь позволить себе уйти.

Катриона склонила голову к Патрику.

– Гленкирк! Должна ли я упасть лицом в десерт и уснуть, но все же досидеть до конца этого ужина?

– Хорошо, милая, ступай к себе, но я все же останусь. Давай сейчас вместе встанем, а заодно избавим остальных от необходимости ожидать конца приема.

Они поднялись из-за стола, давая тем самым сигнал тем, кто хотел уйти. Катриона вежливо извинилась перед гостями, пожелала всем спокойной ночи и поспешила в детскую.

Джейми даже не думал спать. Посверкивая глазенками, лежал на животе и посасывал свой крохотный кулачок.

– Он такой хорошенький, – с умилением произнесла Люси.

Катриона взяла сына на руки и стала укачивать, но его маленький носишко сразу задержался.

– Ну, надо же, какой смышленный малый, молоко сразу учуял, – сказала Салли.

Джейми расплакался, и Люси взяла его у Катрионы, чтобы Салли помогла госпоже расшнуровать и снять корсет. Кэт села в кресло, приняла из рук Люси сына и приложила к набухшей груди. Когда ребенок наелся и заснул, она улыбнулась, глядя на него:

– Он так быстро растет.

– Да, мадам. – Салли улыбнулась, забрала у Катрионы младенца и положила в колыбельку, прикрыв одеялом.

– Когда я смотрю на него, такого беспомощного, такого крошечного, – сказала Кэт, – просто невозможно поверить, что со временем он станет таким же громадным и самолюбивым, как его отец.

Обе служанки хихикнули, а графиня поднялась с кресла, застегнула корсаж и, пожелав им доброй ночи, быстро прошла в свои апартаменты, где Эллен уже приготовила ей ванну. Избавившись от одежды, Катриона с удовольствием погрузилась в ароматную воду. Она, привыкшая ежедневно принимать ванну, была лишена этой возможности две недели, с того момента, как они выехали из Эдинбурга.

– Эллен, передай слуге графа, Ангусу, чтобы тоже приготовил ему ванну. Не хочу, чтобы он забрался ко мне в кровать, не помывшись с дороги.

Служанка ушла выполнять ее распоряжение, а Кэт не стала ее дожидаться и тщательно вымылась сама. Выйдя из ванны, не одеваясь, она села к камину, и вернувшаяся Эллен принялась вытирать и расчесывать ей волосы. Когда наконец они высохли и заблестели, Кэт поднялась и потянулась было за ночной сорочкой, когда от двери послышалось:

– Богиня! Само совершенство!

Его взгляд ощупал каждый дюйм ее тела, и она смело смотрела на него в ответ.

Катриона повернулась к мужу.

– Ангус приготовил тебе ванну, милорд.

– Ты свежа, как утренний ветерок, любовь моя.

– А от тебя несет как из конюшни.

Он ухмыльнулся:

– Сейчас мы это исправим. Доброй ночи, Эллен.

Граф отправился к себе, а служанка, стараясь скрыть улыбку, спросила:

– Подать ночную сорочку, миледи?

– Не беспокойся, я возьму шаль.

Катриона забралась в постель и накинула на плечи теплую шерстяную шаль.

– Иди отдыхать, Элли.

– Спокойной ночи, мадам.

Оставшись одна, Катриона с любопытством прислушивалась к звукам, доносившимся из спальни Патрика. Он плескался и притом ужасно немелодично что-то напевал. Когда раздалось нечто похожее на утиное кряканье, она не выдержала и громко рассмеялась. Спустя несколько минут, не потрудившись одеться, он появился в дверном проеме, соединявшем их спальни, и бросился к ней в кровать. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, затем он заключил жену в медвежьи объятия, и она уютно устроилась у него на груди.

– Ты рада, что вернулась домой, Кэт?

– Сейчас – очень, но я не шутила, когда сказала, что хочу часть года проводить в Эдинбурге. Вскоре юный король отметит совершеннолетие, женится и заведет собственный двор. Я не хочу быть простой верноподданной, когда это произойдет.

– Нет, милая, мы не станем придворными короля Якова. Моя бабушка всегда говорила, чтобы выжить, надо держаться как можно дальше и от политики, и от королевского двора. Мы всего лишь мизерная часть нашего клана, пусть и самая богатая. Нам удавалось избегать любых перипетий только потому, что оставались в тени. И так будет всегда.

– Тогда зачем ты купил мне этот дом в городе?

– Потому что я всегда отдаю долги, мадам, – проговорил он ей на ушко и, склонившись, принялся ласкать языком и легонько покусывать вершинки ее грудей.

Соски тут же порозовели и заострились, и она, рассердившись на свое тело за столь быструю реакцию на его ласки, сердито отодвинулась.

– Я обставила этот дом на собственные средства! И что? Мне теперь нельзя побыть хотя бы в холодное время года?

– Да сможешь ты бывать там. Мы будем туда ездить каждый год, обещаю. Ты сможешь ходить по магазинам, посещать театры, навещать подруг, но придворными Стюартов мы не будем. Все прекрасно знают, что они транжиры и живут в долг. Вряд ли кто-то сможет отказать королю в займе, а уж попросить вернуть долг и подавно. За год-другой мы лишимся всех своих средств!

Он уложил ее на спину и навалился на нее всем телом.

– Но я больше не хочу говорить об этом, графиня Гленкирк. – Его золотисто-зеленые глаза опасно блеснули. – Согласна ли ты быть послушной и покорной женой, шалунья?

Ее тонкие пальцы проникли в гущу его темных волос, и, запрокинув ему голову, она медленно и умело принялась целовать его.

– Великий боже! – выдохнул Патрик, когда она на мгновение отстранилась. – Откуда?.. Я не учил тебя этому!

– Разве, милорд? – медовым голосом промурлыкала Кэт.

Ее нежный смех еще больше раззадорил его, и, ухватив ее за волосы, он прошептал:

– Издеваешься? Как только представлю, что кто-то другой хотя бы в мечтах пожелает насладиться твоими прелестями...

Она опять засмеялась, но в ее взгляде и изгибе губ явно читался вызов. В следующее мгновение с дикостью, от которой она вскрикнула, он овладел ею. Она попыталась было выскользнуть, но он не позволил. Его большие ладони ласкали ее бедра, губы лихорадочно покрывали поцелуями лицо, шею, груди.

– Патрик! – едва ли не в панике выкрикнула Катриона, чувствуя, что теряет контроль над собственным телом, но не понимая, почему продолжает сопротивляться. – Пожалуйста, Патрик!

– Нет, милая! Не надо бороться со мной. Отдайся этому, отдайся.

И она сдалась, позволила радужному вихрю, который всегда приносил такое наслаждение, закрутить ее, унести в небесные выси. Она уже не замечала больше ничего, кроме тех волн утонченной чувственности, которые одна за другой накатывали на нее, вздымая на пик наслаждения.

Позднее, внезапно проснувшись, она увидела в лунном свете, проникавшем сквозь оконные стекла, как Патрик лежит на спине, раскинувшись и тихонько похрапывая. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, она вытянула из-под него свою ногу, повернулась на бок, и, приподнявшись на локте, принялась разглядывать спящего мужа.

Как же он красив! За две недели путешествия верхом кожа Патрика местами покрылась загаром. Густые темные ресницы веером лежали на высоких скулах. Прямой крупный нос и четко очерченные губы придавали лицу монументальность античной статуи. Взгляд ее скользил по его широкой, лишенной волос груди, потом ниже, к островку между длинными мускулистыми ногами, и она отчаянно покраснела.

Ее муж необычный мужчина. С одной стороны, относился к ней как к равной и вроде бы искренне стремился понять те противоречивые чувства, которые порой возникали в ее душе, а с другой – как к рабыне. Он мог быть мягким, вдумчивым, мудрым, но порой проявлял жестокость и деспотизм. Она понимала, что муж личность незаурядная, но ведь и она сама далеко не простушка. Этот брак устроила ее бабушка, когда Кэт едва исполнилось десять лет, и она ужасно обиделась на нее. Теперь-то она понимала, что эта умная и невероятно красивая пожилая дама каким-то образом знала, что они отлично подходят друг другу.

Удовлетворенная этими мыслями, Катриона перевернулась на живот и заснула крепким сном счастливой женщины.

Глава 12

Картина домашней идиллии просто очаровывала. Вдовствующая графиня Гленкирк сидела перед натянутым на раму гобеленом и вышивала крылышки ангела. Ее двухлетний внук Джейми играл на полу около камина под бдительным присмотром Салли Керр, а сын Адам за столом тщательно проверял счета. Сам граф обсуждал какие-то дела со своим банкиром, мистером Кира, приехавшим из Эдинбурга. Две ее дочери: двадцатилетняя Джанет, которая стала женой наследника Сайтена и уже ждала ребенка, и семнадцатилетняя Мэри, обрученная со старшим сыном Грейхейвена, – усердно шили детские вещички, поскольку младенец вскоре должен был появиться на свет. Их мужья, Чарлз Лесли и Джеймс Хей, устроившись в углу зала, были поглощены игрой в кости.

Из членов семьи отсутствовали молодая графиня Гленкирк и ее кузина Фиона, но Мег знала, чем они заняты: в покоях Катрионы рассматривают и примеряют туалеты самых модных фасонов, которые Фиона привезла из Парижа. Молодые супруги Лесли на днях вернулись из путешествия, продолжавшегося целый год. Они побывали в Италии: осмотрели Рим, были приняты при дворах правителей Флоренции и Неаполя, – а также в Испании, блистали при дворе Генриха III в Париже, а затем несколько недель провели в Англии. Фиона взахлеб рассказывала обо всем этом, и чем дольше она щебетала, тем более ущемленной чувствовала себя Катриона.

Фиона, переполненная впечатлениями, не могла устоять перед искушением щелкнуть Кэт по носу. Та же чувствовала себя едва ли не заключенной в замке, где провела безвыездно два года. Ей удалось выбраться в Эдинбург всего лишь на месяц, да и то в конце прошлой зимы.

Мег, конечно, не говорила об этом своему сыну, но знала, что ее очаровательная невестка пользуется одним из способов не забеременеть, которые узнала от бабушки. Катриона хотела сначала повидать мир, а уж потом посвятить себя воспитанию маленьких Лесли. Мег сама вырстила шестерых, и Катриона ее восхищала.

С упоением поглаживая изысканные надушенные лиловые кожаные перчатки, которые Фиона привезла ей из Италии, Катриона из-под полуприкрытых век наблюдала за мужем, который собирался лечь в постель.

– Я хочу куда-нибудь съездить.

– Конечно, любовь моя, – легко согласился Патрик. – Наступит зима, и поедем в город, если мне удастся выкроить для этого время.

Он был совершенно ошарашен, когда ему в голову полетели перчатки.

– Какой Эдинбург, Патрик! Даже Фиона, жена всего лишь третьего сына, только что вернулась из путешествия по Италии, Испании, Франции, Англии! А я, графиня Гленкирк, никогда не была южнее Эдинбурга. Впрочем, могла бы не добратся и туда, если бы сама не проявила инициативу.

– Но зачем тебе путешествовать? У нас семья, ребенок...

– И что с того? Я тоже хочу увидеть мир!

– А я хочу сыновей, мадам! Пока что вы подарили мне только одного!

– И до тех пор, пока вы не покажете мне мир, не будет больше никого!

– Но это уже не тебе решать, дорогая, – заявил Патрик самодовольно.

– Да неужели? – усмехнулась Кэт. – Поговори со своей матерью, и сам все поймешь.

Патрик не стал тянуть и уже на следующий день заговорил об этом с Мег.

– Похоже, она объявила тебе войну? – рассмеялась мать.

– Но она же не может воспрепятствовать появлению детей... или все же может? – растерянно, с тревогой в голосе спросил Патрик.

– Конечно, может и делает это, сын мой.

– Но это же колдовство!

Мег снова расхохоталась.

– Ох, Патрик, не будь так наивен! В этой семье нет ни одной женщины, которая не владела бы кое-какими тайнами красоты и здоровья, которые привезла с Востока моя матушка. И я не могу винить Катриону. Я вышла замуж за твоего отца – да упокоится он на небесах, – когда мне было пятнадцать лет. Ты родился год спустя, Джеймс и Адам появились на свет с трехлетними интервалами, Майкл – спустя год после Адама, а Джанет на следующий год. Я никогда не говорила тебе, да и ты не должен никому рассказывать, но твоя самая младшая сестра Мэри появилась по чистой случайности. После Джанет я уже не хотела детей. Ты знаешь, что за двадцать девять лет, проведенных в Гленкирке, я не бывала нигде, кроме Сайтена и Грейхейвена? Как бы мне хотелось совершить путешествие хоть куда-нибудь...

На это граф ничего не ответил, пребывая в замешательстве. Его собственная мать, с такой любовью вырастившая их всех, оказывается, была не так уж счастлива. Мэри – случайность! И оглушительное известие, что Кэт способна как-то препятствовать появлению детей.

Патрик пустился в дальнейшие рассуждения. Юному королю четырнадцать лет, и, несмотря на все эти спекулятивные разговоры относительно брачного союза между королевой Англии Елизаветой и братом французского короля, Патрик был уверен, что этого брака не случится. Даже если бы он и был заключен, то женщина в возрасте сорока шести лет вряд ли смогла бы родить здорового ребенка. Так что, скорее всего их молодой король станет править как Англией, так и Шотландией.

Он прикинул, сколько времени может понадобиться на то, чтобы две страны слились в одну. Когда это произойдет, столицей станет, безусловно, Лондон, а Эдинбург окажется на задворках – второразрядный городишко в восприятии королевской династии Стюартов,

известных своей короткой памятью. Тогда, возможно, придется часть года проводить в Англии, если их семья переживет это объединение. В тот же вечер он переговорил с мистером Кира о целесообразности переброски части складов в Лондон. Возможно, ему самому придется поехать туда, чтобы проверить все на месте, а значит, он сможет взять с собой Кэт и Мег.

Еще до своего бракосочетания с Катрионой Патрик побывал при дворе и был представлен королеве Елизавете. За внешней женской привлекательностью скрывалась холодная решительная правительница. Ни один мужчина не допускался к королевскому ложу, поскольку она не желала ни с кем делить королевскую власть. Сделав такой выбор, она определенно недолюбливала женщин, которые бросались в объятия своих любовников.

Хоть Патрик и хранил свои мысли при себе и никогда не позволил бы никому из своей семьи встать на чью-либо сторону, в глубине души он не одобрял заключение в темницу Марии Стюарт. Во времена ее правления ему довелось дважды побывать при дворе в Эдинбурге. Она была всего на несколько лет старше его. Будучи десятилетним мальчиком, он влюбился в блистательную Марию, и однажды она даже заговорила с ним, причем отметила их дальнейшее родство по линии его матери. Это была совершенно очаровательная и образованная женщина, и ее выбор в мужа Дарнли представлялся Патрику просто нелепым. Хоть лорд Ботвелл и стал причиной низвержения и гибели Марии, и Гленкирк не любил его, но он стал бы для королевы куда лучшей партией.

Елизавета завидовала Марии, и это было видно невооруженным глазом. Заключение в тюрьму шотландской королевы было актом жестокости и, по мнению Патрика, следствием каприза обиженной женщины. Он никогда не смог бы жить при английском дворе, поскольку не уважал королеву из династии Тюдоров, поэтому и побывал там всего лишь однажды.

Значительную часть своего состояния он решил перевести в Англию из тех соображений, что, когда король Стюарт начнет править большой страной от мыса Лендс-Энд до Северо-Западного нагорья, Гленкирк будет финансово независимым, и его семья сможет жить так, как ей угодно.

Ничего не сказав ни матери, ни жене, Патрик на следующее утро заперся в библиотеке с мистером Кира, чтобы обсудить возможность приобретения в Лондоне двух складов для размещения товаров с полудюжины судов. Сделка эта представлялась не слишком крупной, но следовало с чего-то начинать. Лондонский кузен банкира, Эли Кира, должен был все подготовить.

Затем Гленкирк занялся подготовкой поездки в Англию: обсудив с Бенджамином Кира все возможные маршруты, в конце концов, он остановился на морском путешествии, решив, что в это время года такой маршрут будет быстрее и безопаснее. В Лит был немедленно отправлен конный гонец с распоряжением капитану флагманского судна его торгового флота перебазироваться в Питерхед и ожидать прибытия графа. Другой конный курьер был отправлен в Эдинбург, в банк мистера Кира, с распоряжением доставить письмо в лондонское отделение, предписывающее открыть графу неограниченный кредит. Конелл Мор-Лесли с пятьюдесятью вооруженными воинами был отправлен в Англию, где, несколько южнее Лондона, должен был ожидать своего господина. Эли Кира также снял для графа дом в одном из самых престижных кварталов.

Адам Лесли стал не только управляющим поместьем Гленкирк, но и опекуном наследника. Патрик не имел намерения подвергать единственного сына опасностям столь дальней поездки. Малышу надлежало оставаться среди обожавших его нянек, в знакомой семейной обстановке. Когда все приготовления были закончены, в один из вечеров за ужином граф сообщил жене и матери, что они едут в Англию.

Серебряный кубок в руке Кэт со стуком опустился на стол.

— Ох, милорд! Мы и в самом деле едем? Когда же? Боже мой, мне нечего надеть!

Мег Лесли улыбнулась невестке и повернулась к сыну.

– Благодарю тебя, мой дорогой, но я слишком стара для путешествий.

– О нет, мадам, вы непременно должны поехать с нами.

– Да-да, – взмолилась Катриона, – пожалуйста. Вам едва за сорок, а это вовсе не тот возраст, когда сидят дома. Ну, соглашайтесь же!

– Я всегда хотела увидеть Лондон, – задумчиво произнесла Мег.

– Тогда поехали! – Кэт обхватила ладонями руки свекрови и с мольбой посмотрела в добрые глаза. – Поехали! О, как мы там повеселимся! Театр «Глобус»! «Медвежий сад»³! Маскарад при дворе! – Вдруг она в волнении повернулась к мужу. – Мы появимся при дворе, Патрик?

– Да, моя дорогая. Помнится, у меня там имелись знакомые, и хотя я сильно сомневаюсь, что ее величество придет в восторг при виде двух прекрасных дам, придворные наверняка будут очарованы.

– Патрик, – встревожилась Кэт. – А как же Джейми?

– Нам придется оставить его здесь, милая. Не думаю, что дальняя дорога пойдет ему на пользу.

Лицо Кэт вытянулось.

– Но я не могу оставить его здесь.

– Придется. Поездка может быть опасной. – Он с нежностью взглянул на жену. – Салли и Люси будут заботиться о нем, а Фиона и Адам на время заменят ему родителей. Нас не будет всего несколько месяцев.

Искушение оказалось непреодолимым, и Кэт, обнимая мужа, наконец приняла решение:

– Джейми остается, а я еду. Спасибо тебе, Патрик.

Хоть она и жаловалась на бедность своего гардероба, сундуки с ее вещами вполне могли заполнить целую повозку, так что Патрику пришлось проявить твердость.

– По одному сундуку на каждую. Если что-то понадобится, купим в Лондоне, а заодно и обновим вам гардероб.

Такое решение привело его женщин в восторг.

В Питерхед они въезжали теплым солнечным днем, напоенным ароматом зелени и цветов. В небольшой бухте на рейде стояла, покачиваясь на якорной цепи, шхуна под названием «Отважный Джеймс». До судна они добиралась в шлюпках, которыми управляли матросы. Кэт подняли на борт шхуны в боцманском кресле, и она не выказала никакого неудовольствия, а вот Мег была от этого не в восторге.

Путешествие прошло без каких-либо неожиданностей, от морской болезни никто не страдал, никаких судов они не встретили, пока не вошли в устье Темзы и не направились вверх по течению к Лондону. Здесь произошла неожиданная встреча. С капитанского мостика судна явно пиратского вида Патрика окликнул молодой человек с бородой и усами.

Всмотревшись в него, Гленкирк во весь голос рассмеялся и воскликнул:

– Кого я вижу? Рэли!⁴ Ты никак стал пиратом?

– Боже мой! Возможно ли такое? Гленкирк! Какими судьбами?

– Давай, бунтовщик чертов, прыгай ко мне! Выпьем по стаканчику.

Несколько минут спустя англичанин, уже на палубе «Отважного Джеймса», пожимал Патрику руку.

– Ты уже был при дворе? – спросил Гленкирк.

– Нет. Для такого дела у меня нет денег. К тому же я тут малость нашкодил. Французские суда – легкая добыча. Сейчас я собираюсь отправиться в Ирландию. Возможно, тогда, если у

³ Данный вид кровавого развлечения – травля медведя – был популярен в Англии до середины XIX в. В землю был врыт столб, к которому цепью приковывали медведя, за лапу или за шею, и на него спускали специально натасканных собак. По мере того как собаки погибали, получали увечья или просто задыхались от битвы с медведем, их заменяли новыми.

⁴ Английский придворный, государственный деятель, авантюрист и поэт Уолтер Рэли прославился при Елизавете I пиратскими нападениями на испанский флот, за что был посвящен в рыцари.

меня в карманах заведется золотишко или удастся чем-нибудь прославиться, попытаюсь представиться королеве. Ты же знаешь, я простой парень из Западной страны⁵, Патрик. Пока что я могу похвастаться лишь тем, что прихожусь внучатым племянником старой гувернантке королевы Кейт Эшли и леди Денни, но этого недостаточно, чтобы быть представленным ко двору.

Патрик усмехнулся.

– Пойдем, честолюбивый черт! Я хочу познакомить тебя со своей женой и матерью.

Постучав, они вошли в капитанскую каюту, прекрасно оборудованное помещение с широкими окнами, позволявшими обозревать морское пространство вокруг судна. Мег поднялась им навстречу.

– Мама, это мистер Уолтер Рэли! – озорно улыбнувшись, представил гостя Патрик. – Он, кстати, внучатый племянник леди Денни.

Пиратского вида молодой человек широко улыбнулся и склонился к руке Мег.

– К вашим услугам, мадам.

– А это моя жена Катриона, графиня Гленкирк.

Рэли отпустил руку Мег и впился восхищенным взором в Кэт.

– Боже мой! Такой может быть любовница короля, да и то если ему здорово повезет, но только не жена!

Все рассмеялись, а Катриона, лишь немного покраснев, спокойно ответила на комплимент:

– Увы, должна разочаровать вас, мистер Рэли. Я и в самом деле графиня Гленкирк, и не только жена, но еще и мать.

Склонившись к ее руке, Рэли вздохнул:

– Лицезрея такое совершенство и не надеясь отыскать подобную вам, я предпочту остаться холостяком, мадам.

– Рэли, вы самый очаровательный повеса. Опасаюсь за добродетель всех девиц вашей Западной страны, – рассмеялась Катриона, мягко высвобождая руку из его ладони.

Кэт и Мег жадно слушали рассказ Рэли, оказавшегося настоящим кладезем сплетен и всевозможных забавных историй. Был он также в курсе насчет последних мод, поскольку и сам следил за новинками и слыл самовлюбленным щеголем.

Увы, увлекательная беседа была прервана капитаном судна, который доложил, что прилив достиг своего максимума и вскоре сменится отливом. Если не войти в устье реки немедленно, придется ожидать следующего прилива еще двенадцать часов, стоя на якоре. Рэли поднялся из кресла, и, поцеловав дамам руки, галантно попрощался. Гленкирк проводил его на палубу и при расставании выразил надежду увидеть Рэли при дворе еще до возвращения в Шотландию. Вскоре, поймав парусами попутный ветер, «Отважный Джеймс» вошел в Темзу и двинулся вверх по течению.

Глава 13

То, что Елизавета Тюдор отметила в свой сорок седьмой день рождения, безжалостно подтверждало зеркало. Однако она все еще королева. И хотя весь двор отлично знал, что у нее как не было, так и нет намерений выходить замуж, претендентов на ее руку и сердце не стало меньше. Ее постоянно окружали изысканные джентльмены самых известных фамилий, осыпая цветистыми комплиментами, так что появление очередного вряд ли смогло заинтересовать.

Красота шотландского графа Гленкирка была иной – какой-то дикой. Большинство придворных кавалеров носили усы, бороды, от них за версту несло самыми дорогими ароматами. Граф же, чисто выбритый, источал мужество и чистоту. Он был так высок, что возвышался

⁵ Неофициальное название области на юго-западе Англии.

над самыми заметными мужчинами на несколько дюймов, хорошо сложен, с чистой загорелой кожей и темными вьющимися волосами. Взгляд его золотисто-зеленых глаз завораживал. Помимо всего прочего он был хорошо образован, а королева терпеть не могла невежд. При всем этом граф не угодничал, не пытался ее очаровать, чем выгодно отличался от ее придворных. Наверняка он никогда не согласился бы стать одним из ее фаворитов, хотя его вежливая холодность и произвела на нее впечатление.

Королева сразу же вспомнила гордого графа, хотя после его первого появления при дворе и прошло несколько лет, и был он тогда всего лишь лорд Патрик. Преклонив колени, он поцеловал грациозно протянутую руку королевы, но его светло-зеленые глаза, в глубине которых поблескивали золотистые искорки, не отрывались от ее лица.

– Ваше величество... – глубоким бархатным голосом произнес Гленкирк, поднимаясь с колен.

Елизавета порадовалась, что ее трон стоял на возвышении, но даже в таких обстоятельствах их глаза оказались почти на одном уровне. Это несколько раздражало королеву, которая предпочитала смотреть на обожаящих ее придворных со значительной высоты.

– Итак, шотландский плут, ты наконец-то вернулся, – прищурившись, произнесла Елизавета.

– Да, ваше величество.

– И какими же такими важными делами ты занимался все это время, раз не нашел возможности посетить нас?

– Всего лишь женился и стал отцом, мадам.

Несколько самых юных придворных захихикали, посчитав, что из-за своей прямоты граф потерял все свои шансы на особое отношение королевы.

– И как долго вы уже женаты, милорд?

– Два года, ваше величество.

– А сколько лет вашему сыну?

– Два года, ваше величество.

Глаза Елизаветы округлились от удивления, а уголки рта задержались.

– Бог мой, Гленкирк! Только не говорите, что были застигнуты разъяренным отцом.

– О нет, мадам! Я был помолвлен со своей женой еще в пору отрочества.

За этим скрывается какая-то тайна, подумала Елизавета, но, безусловно, не для ушей ее двора, и так уже погрязшего в сплетнях. Пусть себе строят догадки. Она встала.

– Пойдемте, Гленкирк. Мне хочется выслушать вашу историю без посторонних ушей.

Пройдя через толпу придворных, королева привела Патрика в небольшую приемную.

– Давайте без церемоний, граф. Садитесь. – Она села первой, наполнила два бокала вином и, пододвигая ему один, сказала: – А теперь, Гленкирк, рассказывайте.

– Кэт было четыре года, а мне тринадцать, когда нас обручили.

– Кэт? – переспросила королева.

Патрик улыбнулся.

– Катриона, ваше величество. Это на гэльском – Катерина.

– А... Но как получилось, что вашему сыну столько же, сколько браку? – вернулась королева к тому, что ее больше всего интересовало.

– Между нами произошла размолвка, и она сбежала за три дня до венчания.

Глаза королевы расширились от удивления, она хихикнула:

– Похоже, вы заполучили в жены упрямую девицу, а, милорд?

– Да, мадам, вы совершенно правы. Я потратил почти год, чтобы отыскать ее.

– Готова поспорить, вы совершили какую-нибудь изрядную глупость.

– Да, вы правы, – подтвердил Патрик.

– И когда же родился ваш сын?

– Примерно через час после церемонии венчания.

На сей раз Елизавета расхохоталась в голос, так что слезы выступили на глазах, она поперхнулась вином и закашлялась. Недолго думая, Патрик вскочил с кресла и похлопал ее по спине.

Придя в себя, королева сказала:

– Надеюсь, ты привез свою дикую девчонку с собой, милорд? Очень хотелось бы встретиться с ней.

– Привез, ваше величество, а также матушку, леди Маргарет Стюарт Лесли. И прошу принять их обеих.

– Конечно, приму, Гленкирк. Приводи в любое время, – дружески проговорила королева. – А скажи, твоя жена красива?

– О да, мадам, очень!

– Красивее меня? – спросила королева, и в ее вопросе Патрик услышал подвох.

– Вряд ли справедливо сравнивать красоту ребенка с красотой зрелой женщины, ваше величество.

Елизавета усмехнулась, явно довольная.

– Это первый искренний комплимент, который я когда-либо слышала.

Два дня спустя Патрик привез свою жену к королевскому двору. Когда Кэт шла через весь зал для приемов к королеве, молодые придворные дамы бросали скептические взгляды на ее слишком скромное платье, тогда как те, что постарше и поопытнее, восхищались умом графини. На королеве Англии было платье из красного бархата, отделанное лентами и золотым рюшем с кружевами. Шею и руки ее величества украшали массивные драгоценности. Графиня Гленкирк явилась на прием в длинном платье из черного бархата с белой каймой. Широкие рукава были отделаны кружевами, сквозь разрезы на них виднелись вставки из белого шелка, затканного золотыми звездами. Довольно смелое декольте обрамлял высокий, сильно накрахмаленный кружевной воротник. Шею украшали четыре длинные нити великолепного светло-розового жемчуга, а руки – одно-единственное кольцо с крупным рубином в форме сердца. Волосы, расчесанные на прямой пробор, закрывали уши, а на затылке были собраны в узел. Его покрывал изящный, обшитый кружевами чепец, из-под которого свисали серьги с розоватыми жемчужинами.

Фрейлины королевы сочли туалет графини слишком простым, но граф Лестер склонился к своей жене Летиции Ноллис и прошептал:

– Какая красotka!

Летиция недовольно фыркнула и прошипела:

– Да уж... Надеюсь, она не слишком здесь задержится!

Супружеская пара приблизилась к королеве. Изысканно взмахнув шляпой, Гленкирк отвесил низкий поклон, а Катриона присела в глубоком реверансе, а когда выпрямилась, с достоинством встретила взгляд королевы Англии. Восхищенно глядя на графа и графиню, Елизавета Тюдор на мгновение задумалась, что же она потеряла, не последовав велению своего сердца.

– Рада видеть вас при дворе, графиня.

– А я чрезвычайно благодарна вашему величеству за приглашение, – спокойно ответила Катриона.

Королева повернулась к Патрику и сухо произнесла:

– Ваша супруга и в самом деле на редкость красива, Гленкирк. В следующий раз привезите матушку, хотелось бы пообщаться и с ней. – Затем Катриона опять удостоилась ее внимания: – Надеюсь, ваше пребывание здесь будет приятным.

Поняв, что эти слова означают окончание аудиенции, Катриона опять грациозно опустилась в реверансе. Поблагодарив королеву за оказанную честь и не поворачиваясь к ней спиной, она отступила назад.

Спустя несколько дней они появились при дворе вместе с Мег, и королева приняла ее вполне доброжелательно, а после короткой беседы и вовсе прониклась к ней симпатией.

Эли Кира снял для семьи Лесли великолепный дом прямо на Стрэнде. При доме имелись большой сад и терраса, нависавшая над Темзой. Ухаживал за всем этим садовник, а перевозил их через реку собственный лодочник. Семья также располагала домом примерно в пятнадцати милях от Лондона, на случай если захочется отдохнуть за городом.

Катриона была совершенно счастлива – пребывание в столице давало такие возможности! Ей удалось уговорить Патрика сопровождать их с Мег на одно из представлений пьесы маэстро Шекспира в театре «Глобус». Ей очень понравилось, как юноши играли женские роли, но было непонятно, почему эти роли не разрешается играть женщинам. Сходили они и в «Медвежий сад», однако вид полуголодного, изъеденного молью зверя, на которого натравливали разъяренных собак, вызвал у нее исключительно отвращение.

Чета принимала множество гостей как в Лондоне, так и в загородном поместье, расположенном неподалеку от аббатства Уолтон. Приемы в их доме пользовались популярностью. Этому способствовала сама королева, поставив на их семье свою печать одобрения. Елизавета, презиравшая разряженных и распушенных придворных дам, во время их третьей аудиенции сказала Катрионе:

– Насколько я понимаю, вы получили образование.

– Да, ваше величество. Моя прабабушка считала, что это необходимо. Шанс получить образование был предоставлен всем ее наследницам по женской линии. Одни его использовали, другие не стали утруждаться. Мне посчастливилось учиться, однако достичь уровня вашего величества я не смогла.

– Вы знакомы с математикой?

– Немного, ваше величество.

– Занимались музыкой?

Катриона кивнула.

– Знаете языки?

– Да, мадам.

– Какие именно?

– Гэльский, латынь, неплохо говорю на французском. Могу объясниться на фламандском, итальянском, немецком, испанском и греческом.

Королева кивнула и внезапно заговорила на фламандском, а на середине фразы перешла на латынь. Катриона ответила на французском, перешла на греческий и закончила на испанском. Елизавета пришла в такой восторг, что расхохоталась и даже ущипнула Кэт за щеку. Популярность Гленкиркам этим жестом была обеспечена, а слова королевы, сказанные на прощание, еще долго передавали из уст в уста:

– До чего ты милая. Не знаю почему, но ты мне нравишься!

В Англии Кэт удалось обзавестись подругой – вообще первой подругой за пределами семейного круга. Летиция Ноллис, прекрасная графиня Лестер, была старше Кэт и два года тому назад тайно вышла замуж за Робина, любимейшего фаворита королевы. Спустя полгода их тайна вышла наружу, и Летиция, двоюродная сестра Елизаветы, была отлучена от двора и находилась в жесточайшей опале. Разрешение снова бывать при дворе она получила совсем недавно.

Даже сейчас ей приходилось принимать строжайшие меры предосторожности, и загородный дом Лесли был одним из тех немногих мест, где Летиция могла встречаться с мужем,

не вызывая раздражения королевы. Катриона любезно предоставила комнаты для свиданий наедине, в то время как королева, давая волю своей ревности, отказывала им даже в этом.

В делах у Патрика наступил некоторый перерыв, поскольку складов, которые можно было бы купить, не нашлось, и Эли Кира приобрел для них участок земли у реки. Пришлось организовать конкурс среди лондонских строителей для возведения двух складских зданий и прилегающих к ним причалов. Патрику пришлось задержаться в Лондоне, чтобы контролировать строительство. Мег уже была сыта Лондоном по горло и предпочла вернуться домой.

Для сопровождения матери в Гленкирк Патрик выделил половину своих вооруженных охранников. Кэт хотела, чтобы, возвращаясь обратно, они взяли бы с собой Джейми, поскольку приближалось лето. Патрик не поддержал ее и настоял на том, чтобы Джейми остался в Гленкирке, и предложил Кэт вернуться домой вместе с его матерью, если пожелает.

– Ага, а ты будешь тут играть роль собирающей мед пчелки среди всех этих английских роз? И не надейся, милорд!

– Ревнуешь, милая? – спросил он ехидно.

– К твоим обожательницам? – мило проворковала Кэт. – Они беспокоят меня не более, милорд, чем мои воздыхатели – тебя.

Ее глаза и губы дразнили его, и Патрик в который раз подумал, – что ему повезло заполучить в жены такую красавицу. Он заключил ее в объятия и страстно поцеловал. Прижавшись к нему всем телом, она ответила со всей страстью, на которую была способна, и подумала, что если когда-нибудь застанет с другой женщиной, то убьет его. Если бы он смог проникнуть в ее мысли, то почувствовал бы себя польщенным. Сам же он просто ненавидел придворных любезников, смотревших на нее с нескрываемым вожделением. Даст бог, через два-три месяца они смогут отправиться домой.

Однако всем этим планам не суждено было сбыться. После Рождества Кэт поняла, что беременна, а вскоре у нее случился выкидыш. Совершенно подавленная, она впала в уныние: то и дело плакала, почти ничего не ела, спала урывками и никого не хотела видеть, даже Летичию. В конце концов Эллен воззвала к Патрику:

– Единственный способ привести ее в чувство – это привезти сюда Джейми.

– О боже, женщина! – воскликнул граф. – На дворе январь, вокруг сугробы, дорог нет, да и Конелл только что вернулся!

– Пошли его обратно, только одного: так он доберется быстрее, – и он привезет Салли с ребенком. Не тревожьтесь, милорд! Салли выросла на границе, поэтому держится в седле как солдат. А сегодня же, до отъезда Конелла, отправьте гонца, Хью вполне сможет доставить Салли и ребенка в Эдинбург.

Хоть все в нем противилось этому, Патрик все же решил последовать совету Эллен. Как только Конелл отправился в путь, граф сообщил новости жене. Кэт сразу же повеселела, опять обрела аппетит. Спустя три с половиной недели, когда в Лондон прибыл Конелл и привез ее сына, она стала почти прежней. Схватив сынишку в объятия, она принялась покрывать его такими страстными поцелуями, что он даже немного испугался и протестующе закричал:

– Мама, ну хватит же!

Неожиданно грянули морозы, снегопады следовали один за другим, сопровождаемые ледяными ветрами. Строительные работы пришлось приостановить до весны. Дальше – хуже. В начале лета в Лондоне началась эпидемия чумы, и все семейство Лесли с домочадцами спешно отправилось за город. К тому времени, когда эпидемия пошла на спад и появилась возможность вернуться в город, уже наступила осень, так что им пришлось провести в Англии еще одну зиму.

С наступлением весны 1582 года Катриона узнала, что снова беременна. Дочь появилась на свет 7 сентября и была названа Элизабет – в честь королевы, – потому что ухитрилась родиться в день сорокавосемилетия ее величества. Королева пожелала стать крестной мате-

рю новорожденной уже на пятый день после ее появления на свет. Перепуганный священник Римской католической церкви не осмелился противоречить желанию королевы. Кроха Элизабет получила в подарок от крестной матери дюжину серебряных кубков, инкрустированных аквамаринами и покрытых выгравированными гербами рода Лесли.

Малышка Бесс появилась на свет в загородном доме, а уже месяц спустя, даже не увидев Лондона, отправилась домой, в Шотландию, вместе с родителями и старшим братом. Джейми было уже четыре с половиной года, и он скакал верхом на собственном пони.

Через месяц кавалькада пересекла границу Англии с Шотландией. Уже начался ноябрь, но дни по-прежнему стояли теплые. Катриона и Патрик, ехавшие верхом впереди обоза, завороженные красотой окружающих холмов, остановились полюбоваться все еще яркой листвой берез и густой зеленой сосен. От подножия холма до самого горизонта тянулась долина, подчеркнутая светло-пурпурными сумерками наступавшего вечера. К западу от холмов располагалось имение графа Ботвелла, а впереди уже виднелся Джеббург, где они предполагали остановиться на ночь.

– Боже мой! – воскликнул Патрик. – Мне это только кажется, или даже воздух здесь пахнет иначе?

Катриона с улыбкой кивнула. И пусть предпринятое путешествие в Англию ей понравилось, лицо ее излучало радость от возвращения домой, в Шотландию.

– Мы уже почти дома, голубка, – сказал Патрик, коснувшись ее руки. – Если погода не подведет, будем в Гленкирке уже дней через десять.

Глядя на счастливое лицо жены, он вдруг подумал: «Боже мой, как же она изменилась! Я увез в Англию красивую девушку, а возвращаюсь на родину с прекрасной женщиной!»

– Не жалеешь, что пришлось оставить Лондон и королевский двор?

– Нет, Патрик, напротив, безумно рада вернуться домой.

– Но Гленкирк далеко не Лондон.

– И что? Есть же еще Эдинбург. Королю в следующем году уже исполнится семнадцать, и он, безусловно, начнет править сам, женится, и тогда мы опять сможем бывать при дворе, но уже собственном.

– Мадам, – был вынужден повысить голос Патрик, – я тебе говорил, и не раз, что не хочу связываться со Стюартами. Им нельзя доверять, они всегда всем должны. Зачем нам лишняя головная боль? И не старайся изменить мое мнение о них.

Уголки ее губ тронула ехидная улыбка.

– Как только король взойдет на престол, я непременно отправлюсь ко двору! С тобой или нет – неважно. Напоминаю вам, дражайший супруг, что дом в Эдинбурге принадлежит мне. И не для того я обставляла его и благоустраивала, не жалея личных средств, чтобы бывать там раз в год в угоду тебе, и уж точно не для того, чтобы, пока я прозябаю в Гленкирке, там жили наши родственники. Адам вот пообещал Фионе, что она непременно будет представлена королю. Не мог бы и ты сделать для меня то же самое?

Патрик не ответил, и тогда, прищипорив Бану, Кэт понеслась галопом к раскинувшейся внизу долине, затянутой лиловыми сумерками.

Граф Гленкирк тоже прищипорил коня и бросился вдогонку за своей прелестной, хотя и упрямой женой.

Часть II. Король

Глава 14

Джеймс Стюарт⁶, шестой из носивших это имя королей Шотландии, сидел развалившись на троне и лениво рассматривал танцующих придворных. Его особое внимание привлекала Катриона Лесли, графиня Гленкирк, супруг которой, Патрик Лесли, приходился дальним родственником монарху. Мало того что она слыла первой красавицей при дворе Джеймса, у нее была репутация одной из самых добродетельных придворных дам. Это обстоятельство не приводило Катриону в восторг, поскольку король возжелал ее. А Джеймс Стюарт обычно получал то, чего желал, причем любым способом.

Джеймс Стюарт не знал своей матери, Марии Стюарт, поскольку был брошен ею, когда она бежала в Англию. Его вырастили сменявшие друг друга воинствующие придворные аристократы-протестанты, использовавшие короля как пешку для удовлетворения собственных амбиций. Они простодушно полагали, что научили будущего монарха ненавидеть женщину, которая его родила, но их обвела вокруг пальца старая няня Джеймса.

Няня обожала Марию Стюарт, и когда один из очередных наставников юного короля позволял себе язвительное высказывание в ее адрес, старушка потихоньку рассказывала ребенку об истинном положении вещей. Рассказы эти успокаивали мальчика, вызвали сострадание и снисхождение к матери. Будучи подростком, Джеймс уже интересовался мотивами ее поступков, и хотя неизменно получал ответ, что женщина слаба, когда дело касается мужчин, не вполне это понимал.

По достижении четырнадцати лет король уже не нуждался в услугах старушки няни, но она оставалась при нем и по-прежнему окружала заботой. Наставники Джеймса посчитали, что куда дешевле держать при нем старую няню, чем нанимать целую армию горничных и слуганок.

С прибытием из Франции сеньора Обиньи⁷ няне прибавилось забот. К счастью, он оказался всего лишь честолюбивым политиком и никоим образом не повлиял на предпочтения Джеймса. Мужчиной юный король стал с молодой, хорошенькой умелой и здоровой куртизанкой по имени Бетти, которую сама няня для него и выбрала. Он оказался прекрасным учеником и даже превзошел в искусстве любви свою наставницу.

Бетти принадлежала к старой церкви и искренне смеялась над двуличием приверженцев нового – сурового и холодного – вероисповедания. Прослушав воскресную проповедь, где обличались грехи плоти, после обеда в тот же самый день, надев маски, они являлись ублажать эту самую плоть в ее заведение.

Джеймсу Стюарту было двадцать три года, и он был королем. И завтра он должен был жениться на датской принцессе Анне, красавице блондинке с голубыми глазами. Должно было пройти, однако, несколько недель до того, как он увидит свою шестнадцатилетнюю невесту и вступит с ней в супружеские отношения. А поскольку в брак он вступал заочно, Джеймс полагал, что и брачную ночь вполне мог тоже провести заочно.

Проблема заключалась в том, что куртизанка вряд ли могла быть достойной заменой его королевской девственной невесты, а начинать роман с какой-нибудь впечатлительной юной девицей не пристало. Наконец, взгляд его остановился на Катрионе Лесли, которая в этот

⁶ Джеймс Стюарт – сын Марии Стюарт. В русской историографии известен как Яков VI, король Шотландии (1567–1625), а также Англии под именем Яков I (1603–1625).

⁷ Эсме Стюарт д'Обиньи – шотландский государственный деятель, подозревался в гомосексуальных наклонностях.

момент как раз улыбалась супругу. Вот и решение! Самая добродетельная придворная дама вполне подойдет.

Не все, однако, оказалось так просто. Он уже сделал две попытки заполучить Катриону. В первый раз она приняла его слова за шутку и кокетливо напомнила, что она значительно старше. Во второй раз, осознав серьезность его намерений, она тактично заметила, что грех нарушать брачные обеты, да и желания такого нет. Она твердо сказала, что любит мужа и не намерена позорить его имя.

Другой в подобной ситуации лишь склонил бы голову и изящно отошел в сторону, но Джеймс Стюарт не был таковым. Он знал, конечно, что должен обратиться к Патрику Лесли и сообщить, что хочет его жену. Граф, глава самой молодой, но и самой богатой ветви клана Лесли, вполне мог закрыть глаза на шалости его величества, но Джеймс любил кузена и не видел причин огорчать его. Граф Гленкирк, неимоверно гордый и самолюбивый, будет, разумеется, вынужден согласиться с притязаниями короля, но их супружескому счастью с Катрионой придет конец.

Вот если Патрика Лесли убрать с дороги, тогда его жену можно было бы и принудить. Можно сделать это тайно, чтобы не нанести вреда репутации леди или не ударить по самолюбию ее мужа. Джеймс желал познать вкус того, что не приелось Патрику Лесли за девять лет, и намеревался получить это во что бы то ни стало.

Танец закончился, и разгоряченные придворные принялись утолять жажду охлажденным вином, которое принесли слуги. Джеймс непринужденно прохаживался по залу, переговариваясь с придворными и весело отвечая на подобострастные комплименты, пока не приблизился к Лесли.

– О, кузены! – нарочито восторженно воскликнул король и расцеловал Кэт в обе щеки.

– Итак, Джейми, завтра ты наконец обзаведешься женой, – сказал граф Гленкирк.

– Да, Патрик. Хотя я предпочел бы, чтобы она была здесь, а не в Дании.

– Терпение, друг мой: не успеешь оглянуться, как она окажется рядом, а затем придет время, когда тебе захочется отправить ее обратно.

Все расхохотались, а Джеймс предложил:

– Может, погостите во дворце до окончания торжеств? Я знаю, что у вас есть дом в городе, но хотел бы, чтобы вся семья была вместе со мной. Даже Ботвелл снова в фаворе.

– Конечно, с удовольствием. – Патрик улыбнулся королю. – Это честь для нас, не правда ли, родная?

– О да, милорд, – сказала Катриона и присела в реверансе.

Джеймс кивнул и, внутренне ликуя, двинулся по залу дальше. Начало положено – она под его крышей!

На следующий день с большим размахом было отпраздновано бракосочетание короля с принцессой Анной Датской. Тем же вечером, якобы по срочному делу, графа Гленкирка отправили в аббатство Мелроуз. Его супруга после восхитительного вечера, заполненного праздничными церемониями и танцами, удалилась отдохнуть в отведенные ей покои.

Эллен помогла ей раздеться и принять загодя приготовленную ванну с теплой ароматной водой. Вытертая насухо полотенцами и присыпанная душистой пудрой, Катриона протянула руки, и служанка надела на нее шелковую ночную сорочку цвета морской волны. Забравшись в постель, Кэт велела Эллен потушить свечи и пожелала спокойной ночи.

Катриона лежала без сна на плотных подушках. Постель в отсутствие Гленкирка казалась огромной. За девять лет брака они редко расставались, так что ей было непривычно спать одной. Неожиданно, уже в полудреме, она услышала негромкий звук, быстро села в постели и в ужасе увидела, как открывается потайная дверь у камина и в комнату входит Джеймс Стюарт.

– Что вы здесь делаете? – прошептала Катриона.

– Думаю, моя дорогая, вы знаете ответ на свой вопрос.

– Я закричу на весь дворец!

– Нет, вы не станете этого делать, – усмехнулся Джеймс. – Я король, и скандал меня не затронет. У вас же ситуация иная. Ваша семья серьезно пострадает, если вы публично отвергнете меня.

– Я уже говорила вам, что не буду вашей любовницей.

Графиня как могла пыталась скрыть испуг: такой настойчивости она совершенно не ожидала.

– Это, мадам, не вам решать. Сегодня я женился в отсутствие невесты и нынешней ночью таким же образом намерен вступить в супружеские права. В качестве своей невесты я выбрал вас.

– Никогда! Я никогда не уступлю вам!

– У вас нет выбора, моя дорогая, – произнес король торжествующе, сбрасывая халат, и жестко приказал: – Встань и подойди ко мне!

– Нет! Если вы возьмете меня силой, я расскажу Гленкирку!

В ее глазах заблестели слезы, губы скривились от обиды, но она оставалась самым прекрасным созданием, которое ему приходилось когда-либо видеть, а гнев делал ее самой желанной из всех женщин, которыми он обладал.

– Расскажешь Гленкирку? – повторил он с издевкой. – Если хочешь, я и сам могу, но прими во внимание, дорогая, что Патрик простит мне эту шалость, ведь я его король, но никогда не простит тебе. Так что не ломайся и иди ко мне!

Жестокая правда ужаснула ее. Если гордый супруг узнает, что ею обладал другой мужчина, тут же бросит ее. Она угодила в ловушку, как заяц в силос.

– Ублюдок! – бросила она в лицо королю.

Джеймс лишь рассмеялся:

– Ну, дорогая, с этими слухами было покончено еще до моего рождения.

Он протянул к ней руку, и, пересиливая себя, она встала с кровати. Ее светло-зеленые глаза пылали гневом, и Джеймс негромко рассмеялся, представив, как будет сопротивляться это упрямое создание, но, в конце концов, уступит ему. Времени предостаточно, так что он намеревался в полной мере насладиться нынешней ночью.

– Сними сорочку, – произнес он негромко и от души порадовался, когда она без всяких возражений повиновалась.

Отступив на шаг, король с удовольствием окинул Катриону взглядом. Его взору предстала полная упругая грудь цвета слоновой кости с крупными темно-розовыми сосками рожающей женщины. Талия ее осталась по-девичьи тонкой, ноги – длинными, прекрасной формы, а вот бедра стали полными и округлыми. Густые волосы волнами спадали до самых ягодиц. От созерцания этой красоты король почувствовал, как в нем нарастает желание.

– Боже мой, кузина! Ты великолепна!

К его удивлению, она порозовела от смущения. Стало быть, все, что говорили про нее, истинная правда: она на самом деле не знала никого, кроме мужа, и была самой добродетельной женщиной при дворе. Пожалуй, следует достойно вознаградить ее – к примеру, сделать ее фрейлиной при его супруге. Графиня Гленкирк оказала бы прекрасное влияние на нее.

Джеймс взял ее за руку, провел через комнату обратно к кровати и, подняв на руки, положил на постель. Искушающий треугольник у нее между ног был гладким – выщипанным, как и полагалось леди, и – и соблазнял своей розовостью, а на вершине щелки чернела маленькая родинка.

– Отметка Венеры, – прошептал он, коснувшись родинки, затем склонился и поцеловал ее.

Дрожь охватила все тело Катрионы, и Джеймс довольно улыбнулся. Он намеревался взять ее быстро, чтобы, когда все будет позади, она прекратила сопротивляться. Нежно, но вместе с

тем решительно он раздвинул трепещущие бедра, а когда вошел в нее, Кэт издала непроизвольный стон, глаза ее округлились. Подобно большинству мужчин из династии Стюартов, Джеймс был щедро одарен природой. Внезапность его действий сделала сопротивление невозможным, поэтому Катриона решила просто спокойно лежать, пока король не удовлетворит свою похоть.

Джеймс, однако, был слишком опытным любовником, чтобы позволить партнерше быть безответной. Умелыми движениями он разжигал страсть Катрионы, и ей приходилось прилагать усилия, чтобы не отвечать ему, заставить себя лежать неподвижно, игнорируя изощренные ласки. Вытянутые вдоль тела руки она прижала к постели, пальцы сжала в кулаки, ногти до боли впились в кожу. Сосредоточившись на этой боли, она смогла отрешиться от того, что он делал с ней, и не отвечать. Но не тут-то было: король все понял. Рассмеявшись, он завел ей руки за голову, обхватил запястья и завладел ее такими сочными, но безответными губами. Его настойчивый язык раздвинул их, потом протиснулся сквозь зубы и начал свой головокружительный танец в глубинах ее рта. Она всхлипнула от охватившей ее новой волны дрожи и уже была близка к тому, чтобы сдаться: ему удалось прорвать все линии ее обороны. Ее восхитительное тело, привычное к постоянным любовным забавам, просто не могло противостоять наслаждению. Он ускорил темп и настойчиво прошептал ей на ухо:

– Ты все равно уступишь мне.

– Никогда! – выдохнула Кэт, но голос ее дрожал.

– Дело сделано, красавица. Сдайся и наслаждайся, как это делаю я.

Катриона ничего не ответила, но он чувствовал, как она напрягает бедра, чтобы не отвечать ему. Джеймс не собирался отступать. Отпустив ее руки, он требовательно произнес:

– Обними меня.

Ее светло-зеленые глаза блестели от выступивших слез, лицо исказила гримаса боли.

– Если бы Патрик сейчас вошел сюда и увидел нас, то не стал бы выяснять, сопротивлялась ты или наслаждалась. Так не противься же, ведь я вижу, как это прекрасное тело жаждет меня! Ничто уже не изменит того факта, что я овладел тобой! Сдайся!

Она так и не произнесла ни слова в ответ, но глаза ее закрылись, из-под опущенных век побежали по щекам слезы. Уже в следующее мгновение ее руки крепко обхватили его, бедра выгнулись ему навстречу, ловя и отвечая на каждое движение. Почувствовав себя победителем, Джеймс Стюарт полностью погрузился в сладость покоренной женщины.

После того как оба вознеслись на вершину блаженства и вернулись в реальный мир, его величество, опершись на локоть, посмотрел Катрионе в лицо, но она закрыла глаза, не желая встречаться с ним взглядом.

– Вот именно такой я тебя всегда и представлял, – бархатным голосом проговорил Джеймс. – Твои веки стали пурпурными, из-под ресниц сочится влага, тело ослабло от любви, а губы распухли от поцелуев.

Нагнувшись, он нежно коснулся губами ее соска, потом другого. Вдруг она воскликнула:

– Я не прощу вам этого, Джеймс Стюарт!

Он чарующе улыбнулся.

– Ну полно! Простишь, моя сладкая. Конечно, простишь!

Приобняв ее, он начал ласкать нежные округлости. Кэт попыталась отстраниться:

– Прошу вас, сир! Вы же уже насладились. Ступайте теперь к себе.

– Но почему, моя сладкая? – Джеймс искренне удивился. – Не думаешь же ты всерьез, что один раз – это все, о чем я мечтал? Ну нет, дорогая. Впереди у нас целая ночь наслаждений.

– Ох нет! Пожалуйста, не надо!

Она попыталась вырваться из его объятий, но он удержал ее и с сожалением сказал:

– А я-то питал надежду, что, после того как закончатся наши предварительные сражения, ты отнесешься ко всему происходящему разумно. Для Патрика не будет иметь значения, сколько раз я овладел тобой: один или дюжину. У меня нет никаких сомнений в твоей доб-

родители, но твоё тело отвечает на мои ласки, и ты не сможешь это отрицать. Почему ты так сопротивляешься? Я нежен с тобой, к тому же знаю, что хороший любовник.

– Ох, ваше величество, мне казалось, что это понятно. Я не знала никаких мужчин, кроме Патрика. Я отдалась ему до того, как мы поженились, потому что любила. Разумеется, моё тело ответило на ваши ласки, но этому тоже научил меня он. И вот сейчас пришли вы и объявили на меня своё королевское право. В постели моё тело и моё сознание всегда сливались воедино, поскольку я ложилась с мужчиной, которого любила, но вас, милорд, я не люблю. Именно поэтому не могу не сопротивляться.

– Тебе очень повезло, моя прекрасная кузина, – со вздохом произнес Джеймс Стюарт. – Вот я никого никогда не любил и совершенно не представляю, что это такое – любовь. Я вырос без материнской любви и ласки. Одним-единственным человеком, который хоть как-то проявлял ко мне нежность, была старая няня. Остальные меня просто кормили, одевали, воспитывали и учили.

– Тогда мне искренне жаль тебя, Джейми, поскольку любить по-настоящему – это и означает жить полной жизнью. Главная проблема в том, что у тебя никогда не было ничего лично твоего, но когда придет эта маленькая королева, то будет принадлежать только тебе. А уж когда пойдут дети... Не успеешь оглянуться, а вокруг тебя уже большая семья, которую будешь любить ты и которая будет любить тебя.

– Спасибо тебе, Кэт, за то, что вселяешь в меня надежду. – Джеймс улыбнулся. – Ты настоящая придворная дама, потому что знаешь, какие слова приятны королю. Да, я жду прибытия королевы, но сейчас...

Решительно, хотя и нежно, он опрокинул Катриону спиной на подушки и, завладев ее губами, с недюжинным искусством стал целовать. Ее первой реакцией было высвободиться из его объятий, но затем пришло в голову, что король был прав: Патрик не стал бы выяснять, сопротивлялась она или отдавалась с восторгом.

Тело ее, устав сопротивляться, нестерпимо болело. Словно почувствовав ее сомнения, Джеймс перестал ее целовать, и, приподнявшись, посмотрел в глаза. Их взгляды встретились, и Кэт сказала:

– Я никогда не полюблю тебя, Джейми, и мне стыдно за то, что ты заставляешь меня проделывать, но все равно уступаю.

– Только до прибытия королевы, – напомнил Джеймс.

– Милорд, вы погубили мой брак! Скрыть от Патрика то, что были близки со мной, вы не сможете.

– Смогу, если его здесь не будет. Ни один нормальный человек не сможет, отведав такой сладости, не пожелать еще. Я отправлю Патрика с другими придворными в Данию для сопровождения королевы сюда – в Шотландию. Наша связь будет тайной для всего двора, так что твоя репутация ничуть не пострадает, как и гордость Гленкирка.

Катриона поняла, что должна довольствоваться этим, поскольку больше спорить с ним не могла.

– Благодарю вас, милорд.

В ответ король наклонился к ее вздрагивающему телу и принялся целовать, начав с пульсирующей жилки на шее. Потом его губы перебрались на грудь, на заострившиеся напряженные соски, на округлый живот, подобрались к родинке на вершине заветной щелки... Внезапно он перевернул ее на живот и, приподняв за бедра, овладел способом, о котором она понятия не имела. От неожиданности и резкой боли у Катрионы перехватило дыхание, а король хрипло произнес:

– Уверен, что здесь Гленкирк никогда не бывал.

Руки его с силой, не лаская, сжали ей груди. К ее удивлению, боль быстро прошла, и вскоре он вознес ее на вершину блаженства. Потом они лежали рядом, пока учащенное дыхание не вернулось к нормальному.

– Надеюсь, – произнес Джеймс Стюарт, – что королева не прибудет слишком быстро. Любовь моя! Ты великолепна! Ничего удивительного, что Патрик все эти годы не обращал внимания на других женщин.

Она ответила ему дрожащим голосом:

– Патрик никогда не проделывал со мной такого.

– Я знаю. Там ты оставалась девственницей. Тебе ведь понравилось это, правда, Кэт?

– Нет!

– Да! Тебе понравилось! Гленкирк обращался с тобой нежно, любовь моя. Я же научу тебя таким вещам, что тебе и не снились, в том числе тому, каким способом лучше удовлетворить меня.

Он встал с постели, наполнил их бокалы вином и подбросил дров в камин.

– Вскоре твой Патрик должен вернуться из Мелроуза, а через неделю уже будет в пути вместе с другими аристократами, чтобы встретить мою невесту и привезти сюда. Но ты не грусти, любовь моя, у нас с тобой впереди чудесный месяц, а то и два.

Глава 15

Графиня Гленкирк спокойно сидела перед зеркалом, одетая в одну лишь нижнюю шелковую юбку и блузку с глубоким вырезом, пока Эллен расчесывала ее густые волосы. Кэт Лесли дрожала от страха и не знала, что делать: Патрик уже вернулся во дворец и сразу отправился к королю доложить о своей поездке в аббатство. Когда он наконец придет в отведенные им комнаты, заметит ли какие-нибудь изменения? Она молилась, чтобы не заметил.

Уже неделю Джеймс Стюарт проводил с ней все ночи. Видит бог, она не поощряла его, а, напротив, после того, первого раза, перебралась из дворца в свой городской дом. Король без лишнего шума, но твердо приказал ей вернуться. Будучи в полном отчаянии, она поделилась своими переживаниями с деверем. Адам Лесли внимательно выслушал ее, покачал головой и сказал:

– Ничего не поделаешь, Кэт, король всегда берет то, что желает, и вот теперь он возжелал тебя.

– А может, мне уехать домой, в Гленкирк, Адам? Он же не станет преследовать меня?

Адам Лесли понимал, насколько несправедливо происходящее, но как помочь ей, не знал.

– Никто не может оставить двор без позволения Джейми, и ты это знаешь.

На краткий миг выражение лица ее стало дерзким, но Адам, словно не замечая этого, безжалостно продолжил:

– Ты не должна усугублять положение Лесли тем, что не желаешь быть любовницей короля. Он не просто выбрал тебя, но и был достаточно любезен, сохранив вашу связь в тайне. Если ты будешь сопротивляться, он нас уничтожит! Боже мой, женщина! Ты же не девственница, чтобы требовать достойную цену за свою непорочность! Тем, чего хочет Джейми, уже вовсю попользовался Гленкирк!

Эти слова были как пощечина, и ее любовь к деверю моментально превратилась в ненависть.

– И что, теперь ты расскажешь Патрику?

– Нет, Кэт, не бойся, – уже мягче произнес он и после некоторых колебаний добавил: – И спасибо, Кэт, что доверилась мне. Я искренне сожалею, девочка, что не могу тебе помочь, но

ты всегда сможешь со мной поговорить, когда понадобится. – Она кивнула, и Адам спросил: – Кто-нибудь еще знает?

– Только Эллен.

А верная простодушная Эллен тем временем разрывалась между двумя чувствами: муками своей госпожи и гордостью за то, что Кэт оказалась настолько изысканной, чтобы привлечь внимание самого короля.

– Если ты будешь ходить с хмурым лицом, он тут же заподозрит неладное, – так резко произнесла пожилая женщина, что Катриона аж подскочила.

– О боже, Элли! Я чувствую себя такой грязной.

Эллен отложила в сторону щетку, которой расчесывала волосы госпожи, и, опустившись на колени у ее ног, проговорила:

– Что сделано, то сделано, мадам. Перестаньте быть такой эгоисткой! Вы думаете только о себе, а надо бы о графе, о семье, о своих детях. Если хотите и дальше жить в любви и согласии, этот эпизод должен остаться для всех тайной. А если не возьмете себя в руки, тайну сохранить не удастся.

Две слезинки скатились по щекам графини. Эллен, протянув руку, вытерла их и негромко произнесла:

– Король может владеть вашим телом, миледи, но ему не суждено тронуть вашу душу.

– Как ты стала такой мудрой? – удивилась Кэт, но прежде, чем Эллен успела ответить, дверь распахнулась, и в комнату буквально ворвался Патрик Лесли. Катриона вскочила и бросилась в его распахнутые объятия. Эллен поспешила исчезнуть из комнаты, когда граф припал к губам жены. Его губы были такими жадными, а руки сильными, что Кэт взмолилась:

– Патрик! Ты меня раздавишь!

В ответ он подхватил ее на руки и отнес на кровать, потом быстро стянул сапоги и рубашку и, устроившись с ней рядом, опять заключил в объятия, спустил с плеч блузку и стал покрывать поцелуями груди.

– Я так скучал по тебе, милая, – произнес он глухо, уткнувшись лицом в теплоту ее тела.

Она устроилась в его объятиях, благодарная за то, что он вернулся обратно, и в надежде на то, что может избавить ее от дальнейших посягательств короля.

Граф поднял голову и, удивленно глядя на нее, спросил:

– Для чего это ты одевалась?

– Очередной дурацкий маскарад в честь этой датской принцессы.

– Думаю, Джеймс войдет в мое положение и не станет по нас скучать.

С этими словами он стянул с нее нижнюю юбку.

Улыбка осветила лицо Кэт и, вытянув руки, она обняла мужа.

Но Джеймс Стюарт все-таки не забыл про них и небрежно бросил графу Ботвеллу:

– Что-то я не вижу Гленкирка с супругой. Он ведь вернулся сегодня из Мелроузского аббатства.

– Меня это не удивляет, Джейми, – усмехнулся граф. – Представляю, как он набросился на нее. Будь она моей, я бы не отрывался от нее неделю. – Интригуяще подмигнув, Ботвелл добавил: – Самая добродетельная дама при дворе! Какая жалость, да, ваше величество?

– Принимая во внимание моральный облик придворных дам, – резко ответил король, – я полагаю, что леди Лесли вносит в его жизнь освежающую струю. Я намереваюсь назначить ее фрейлиной моей жены.

«Ого-го, – подумал Ботвелл. – Кузен Джейми запал на прекрасную графиню, хотя и прекрасно скрывает свой интерес. Готов поспорить, что никто, кроме меня, этого не заметил».

Граф улыбнулся про себя. Поскольку Джейми был ласков с окружающими, то есть в основном с мужчинами, все считали, будто он склонен к однополым отношениям. Истина же заключалась в том, что король, которого с раннего детства воспитывали мужчины, привязывался ко всякому, кто уделял ему внимание и проявлял ласку. Стюарты были далеко не монахами, однако вплоть до последнего времени не находилась женщина, которая привлекла бы внимание короля.

Будучи романтиком по натуре, Джеймс уже почти влюбился в свою светловолосую невесту из Дании, но Ботвелл знал, что ему нужен был кто-то прямо сейчас. Если этим кем-то оказалась графиня Гленкирк, то лучшего и желать не следовало: она не имела никаких амбиций и склонности к интригам, – хотя граф считал, что королю в этом случае ничего не светило. Леди, похоже, вполне удовлетворял муж, несколько туповатый и занудный, но любящий ее красавец-лорд. Оставалось только жалеть. Катриона Лесли восхитительна и буквально создана для любви. Ботвелл никак не мог выбросить из головы мысль, что Гленкирк, пожалуй, далеко не полностью пробудил ее.

Джеймс безумно скучал на этом вечере. Если бы можно было исчезнуть, не вызвав разговоров и удивления, он бы так и сделал, позволив придворным со всеми приличествующими случаю церемониями уложить его в королевской опочивальне. Он вызвал к себе слугу, заправлявшего его покоями. Парню цены не было, поскольку был он немой, хотя и не глухой. Звали его Барра, и он был посвящен во все королевские тайны.

– Я буду в тайном проходе, – сказал ему король, – а свою опочивальню запру изнутри. У тебя есть ключ? – Барра кивнул и поднял руку с зажатым в ней ключом. – Отлично! Проследи, чтобы меня не беспокоили.

Парень опять кивнул, вышел из комнаты и занял пост у двери в королевскую спальню.

Заперев дверь изнутри, Джеймс прошел к камину и нажал на небольшой завиток на его боковой панели. Прихватив зажженную свечу с канделябра, стоявшего на каминной полке, отсчитал шесть шагов, нажал на стену и шагнул сквозь открывшееся отверстие в тайный коридор. Подождя, пока повернувшаяся дверь за ним закроется, он быстро двинулся по этому тайному ходу, пока не дошел до нужного ему места. Здесь он поставил свечу в расположенный высоко на стене подсвечник и, приподняв небольшой кожаный лоскут, припал глазом к отверстию, сквозь которое мог наблюдать за происходящим в комнате.

Патрик Лесли, обнаженный, стоял у стола, наполняя два кубка вином. Боже, подумал Джеймс, как же он красив, да и как мужчина одарен неплохо, хотя и не так хорошо, как он сам.

Вот граф вернулся к разобранной постели со скомканными простынями и разбросанными подушками. Кэт, тоже обнаженная, лениво протянула руку за бокалом. Патрик, расположившись с ней рядом, проговорил:

– Боже, голубка, мне было так тяжело вдали от тебя!

– Тогда давай отправимся домой, Патрик! Ты был прав, когда говорил, что не следует связываться со Стюартами.

– Но почему же, милая? Мне казалось, что тебе здесь нравится.

– Так и было... поначалу. Но теперь все эти люди, что живут при дворе и кормятся с него, меня пугают. Я очень хочу уехать домой вместе с тобой!

– Мы не можем, милая. Я не говорил, потому что не хотел омрачать нашу встречу, но Джейми попросил меня отправиться в Данию вместе с придворными, чтобы сопровождать в Шотландию его супругу. Я не мог отказать ему, так что через неделю мы отправляемся в дорогу.

Кэт мысленно выругалась. Ей были известны планы отослать ее мужа, но она не думала, что так скоро, и надеялась успеть что-нибудь предпринять.

– Но ведь ты можешь отправить меня домой, не правда ли?

– Я бы тоже этого хотел, любимая, но король просил оставить тебя при дворе, чтобы сделать фрейлиной жены. Джеймс высоко ценит тебя, моя милая.

Ловушка захлопнулась! Она опять в западне, приготовленной Джеймсом Стюартом! Граф поставил свой бокал и, притянув Кэт к себе, стал жадно целовать, потом, отстранившись на секунду, сказал:

– Через несколько дней я буду вынужден уехать, и увидимся мы не раньше чем месяца через два.

Его крупные ладони принялись ласкать ее груди, бедра, живот. Катриону не надо было принуждать. Она тут же со всем пылом отдалась мужу, даже не подозревая, что за их слиянием наблюдает сам король.

Джеймс не мог оторвать взгляда от сцены, разворачивающейся перед ним. Когда обнаженные фигуры мужчины и женщины замерли в финальном экстазе, Джеймс почувствовал, как напрягшийся орган у него в паху обмяк, а по ноге потекла липкая жидкость. «Не будет никакой недели. Посольство в Данию отправится сразу же, по мере готовности».

Разыгрывая из себя нетерпеливого влюбленного, Джеймс отправил своих подданных в поездку уже через три дня. Катриона поняла, почему ее муж оторван от нее так скоро, и была в ярости. Граф Ботвелл тоже догадывался о причине такой поспешности короля и только посмеивался про себя.

Подозревая, что Катриона может быть сердита на него, Джеймс в течение двух дней держался подальше от своей строптивой, непокорной любовницы. На третий день, однако, Барра будто бы в шутку преподнес розу служанке графини. Это был сигнал от Джеймса, что он появится этой ночью, и Эллен сообщила хозяйке.

– Я не приму его! – закричала разъяренная Катриона.

– Тише! – осадила ее Эллен. – Вы что, хотите, чтобы об этом знал весь свет?

Кэт, не в силах сдерживать себя, разрыдалась в голос, так что Эллен, предчувствуя скандал, отправила служанку за Адамом Лесли. К тому времени как он появился, Эллен уже удалось влить в хозяйку пару порций виски, чтобы хоть немного успокоить.

– Я покончу с собой! – драматично провозгласила графиня.

– Прекрасно, – кивнул Адам. – Это вызовет куда меньший скандал, чем открытое неповиновение королю.

– Неужели ты позволишь мне сделать это, Адам? И ты не испытываешь никаких чувств к Патрику, который любит тебя? – недоуменно спросила Катриона.

– Именно потому, что люблю брата, я и пришел к тебе. Как ты думаешь, что он будет чувствовать, когда узнает, вернувшись из Дании, что вся его собственность, в том числе и жена, которую обожает, конфискована в пользу короны? Господи боже, Кэт! Ведь король уже брал тебя! Отчего же ты так капризничаешь сейчас?

– Я не хочу быть шлюхой! – воскликнула Катриона. – Мое тело принадлежит только мне, и я имею право распоряжаться им по своему усмотрению!

– Увы, такого права у тебя нет! – гневно отчеканил Адам, изо всех сил саданув ладонью по подлокотнику кресла. – Ты одна из Лесли, и должна поступать так, чтобы не навредить семье! Черт возьми, Кэт! Я же не бесчувственный чурбан! Мне ненавистна даже сама мысль о том, что Джеймс Стюарт возжелал супругу моего брата! Но ты знаешь, что король мог изъять свою волю самому Патрику, и он не посмел бы ему отказать. А так он хотя бы ничего не будет знать! Это твой долг перед семьей.

Никто не хотел ее понимать. Выпитое виски несколько притупило чувства, и Кэт поняла, что выхода у нее нет: король будет брать ее, когда пожелает.

– Все в порядке, Адам, – обреченно вздохнула Катриона. – Не знаю, что на меня нашло, наверное, просто скучаю по Патрику. Мы с ним никогда не расставались надолго.

Адам облегченно кивнул.

– Ну и слава богу. Тогда я могу отправиться к себе?

Кэт улыбнулась и попросила:

– Поцелуй за меня Фиону. – Адам уже подходил к двери, когда, не в силах преодолеть себя, она добавила: – И получше оберегай ее от общения с королевским двором, на случай если у Джеймса изменится вкус. Твоя жена с радостью выполнит свой долг перед семьей, ты же знаешь.

Адам поспешил покинуть покои, но язвительный смех еще долго преследовал его.

Глава 16

От виски Катриона слегка опьянела и решила прилечь, наказав Эллен разбудить ее перед ужином.

– Да, и приготовь ванну, застели постель свежим бельем и позаботься, чтобы принесли побольше дров для камина. И я хочу, чтобы доставили вино, белое и красное, а также фрукты и сыры. И обязательно марципаны. Король ведь обожает марципан.

Тем же вечером, ближе к одиннадцати, король появился в спальне графини Гленкирк. Она поднялась с кровати и медленно двинулась ему навстречу.

– Остановись!

Кэт замерла на месте, и Джеймс какое-то время услаждал свой взор видом несговорчивой любовницы. Ее восхитительное тело прикрывала ночная сорочка из тончайшего светло-зеленого шелка, с длинными развевающимися рукавами и глубоким треугольным вырезом на груди. Корсаж так плотно облегал ее упругие полные груди и тонкую талию, что казался нарисованным. Юбка, собранная в сотни мелких складок, не скрывала очертания ее жемчужных бедер и стройных ног с изящными пальчиками.

Копна волос цвета темного меда была собрана на макушке и удерживалась крошечными позолоченными шпильками с жемчужинами. Расправив плечи, вскинув голову, она смотрела на него с гордостью. Красота ее буквально сразила короля, и в первые секунды ему было даже страшно дотронуться до нее, но желание превозмогло страх, и он притянул любовницу к себе.

Взгляд его карих глаз не отрывался от светло-зеленых, а когда его руки крепко обняли ее, он почувствовал легкую дрожь ее тела. Это радовало, он посчитал эту дрожь за любовный трепет, который женщина не могла сдержат. Не разжимая объятий, он нагнулся к ней и коснулся губами ее губ, одной рукой убрал все эти позолоченные шпильки, так что волосы рассыпались по ее плечам благоухающей волной.

Руки его спустились ниже и развязали узенький шелковый пояс, стягивавший на талии ее ночную сорочку, и полы легко распахнулись, а потом легкая ткань скользнула на пол. Он проследил взглядом, как легкое облачко опустилось к ее ногам. Не говоря ни слова, Кэт перешагнула его и медленно пошла к постели. Джеймс заставил себя не торопиться, но, оказавшись рядом, не смог сдержаться, вызвав недовольство любовницы.

– Я не какая-нибудь шлюха, чтобы так набрасываться на меня!

– О, ты снизошла до разговора со мной! А я-то думал, что сердишься.

– Так и есть! Не очень-то любезно так быстро отсылать Патрика от меня.

– Моя дорогая Кэт! Я три ночи наблюдал, как ты занимаешься с мужем любовью, и больше не мог этого выносить. Не хотела же ты, чтобы я вошел через эту дверь и попросил твоего мужа подвинуться?

Ошеломленная, она не нашла что ответить, едва не взорвавшись от возмущения: он подглядывал за ними. «Что ж, Джеймс Стюарт, когда-нибудь я предъявлю тебе счет, и он будет нешуточным».

Губы короля обхватили ее сосок и принялись жадно сосать, в то время как пальцы медленно кружили у нее между ног, лаская с изысканной чувственностью, доводя до безумия. Через несколько минут Катриона уже извивалась в его объятиях, задыхаясь от страсти.

Она намеревалась наказать его своей холодностью, но по мере того как росло ее собственное желание, Катриона осознала, что самым страшным наказанием для Джеймса будет стать самой сладострастной женщиной из всех, что побывали в его постели и попадут туда в будущем. Она навсегда погубит его для любой другой! Она понимала, что, как только юная Анна Датская прибудет в Шотландию, Джеймс посвятит себя исключительно ей, потому что хочет женщину, которая будет принадлежать исключительно ему, и мечтает о семье. Однако разве может сравниться девственница-подросток с опытной любовницей, какой была Кэт? Ее, страстную и чувственную по своей природе, хорошо обучил Патрик. Теперь ей предоставлялась возможность использовать свои чары и тем самым отомстить Джеймсу Стюарту.

Скользнув под него и обхватив руками за шею, Кэт прошептала прерывающимся от наигранной страсти голосом:

– Ах, милый Джейми! Люби меня!

Поначалу он не поверил своим ушам, но, взглянув ей в лицо, увидел сияющие глаза и зовущие губы. Джеймс, решив не подвергать сомнению выпавшее на его долю счастье, завладел этими губами. Они оказались нежными и податливыми и привели венценосного любовника в восторг.

Бедра графини открылись перед ним, все тело подалось вверх, принимая его напор, ноги оплелись вокруг его тела, и каждый раз, когда он толчками входил все глубже в нее, в такт с его движениями маленький язычок проникал к нему в рот. Король дошел до предела, и уже не мог контролировать себя, но все же сумел приостановить процесс, а через несколько минут, когда графиня нетерпеливо задвигалась под ним, ощутил новую волну возбуждения. Она снова и снова, как молитву, повторяла его имя. Король потерял голову от страсти, но и на этот раз сдерживал себя до тех пор, пока не убедился, что и она вместе с ним оказалась на вершине блаженства.

Обессиленные любовной игрой, они лежали на кровати, тяжело дыша. Наконец, он заговорил:

– Ты пугаешь меня, Кэт! Дьяволица! Обычная женщина из плоти и крови не способна доставить мужчине такое удовольствие.

– Но я способна, милорд. Вы довольны мной?

– Да, любовь моя, ты выжала из меня все соки. Ты, случаем, не применила магию?

Кэт вспомнила о приверженности его величества суевериям и с улыбкой произнесла:

– Разве что магию своего тела.

Потянувшись, как довольная кошка, она встала с кровати и направилась к буфету.

– Красное или белое, милорд?

– Красное.

Кэт наполнила два хрустальных кубка рубиновым вином и подала один королю. Потягивая напиток, Джеймс спросил:

– Это Патрик тебя всему научил?

– Кто же еще?

– И ты не знала других мужчин?

– Нет, ни одного. Я ведь по рождению Хей из Грейхейвена, из самой глубинки, так что ни с кем, кроме братьев и кузенов, не общалась.

– У тебя была большая семья?

– Почему была? Есть. У меня четверо братьев – один старше, трое младше – и родители.

– Тебе повезло, милая, – вздохнул король.

– Это лишь часть моей семьи. Не забывай, у меня муж и шестеро детей. – Катриона в упор посмотрела на короля. – Когда королева прибудет из Дании, ваше величество, я намереваюсь вернуться домой в Гленкирк. Пусть вы король, но я не позволю вам разрушить мой брак! Я люблю Патрика Лесли, люблю детей. И я скорее покончила бы с собой, чем отдалась по своей воле другому мужчине!

Он схватил ее за волосы и притянул к себе.

– И все же, мадам, вы ответили на мою страсть, и так будет до тех пор, пока меня это устраивает.

– Да, ответила, но не я, а мое тело, потому что Патрик научил его реагировать на ласки.

– Неужели все Лесли настолько хороши в постели? – спросил он не без сарказма.

– Если судить по рассказам их жен, служанок и вообще всех девок в нашей округе, то это так. Моя кузина Фиона, например, места себе не находила, пока не вышла замуж за брата милорда, Адама Лесли. Теперь образцовая жена.

– Фиона Лесли, – пробормотал, вспоминая, король. – Ну да! Знойная такая дамочка с рыжеватыми волосами, серыми глазами и кожей, подобной атласу цвета слоновой кости. Да, я видел ее, но у меня и мысли не было, что это твоя родственница. Возможно, как-нибудь я приглашу ее и займусь вами обеими.

– А что, меня одной вам уже недостаточно?

Толкнув короля спиной на подушки, Катриона поцеловала его одним из своих особых способов, затем рука ее скользнула к нему между ног. Ее умелые пальцы почти мгновенно заставили восстать его плоть, но прежде, чем он сумел подмять под себя любовницу, та взяла инициативу на себя и оседлала его. С торжеством во взгляде она смотрела на удивленное лицо короля. Не успел он остановить ее, как она принялась подпрыгивать на нем, словно верхом на лошади, сжимая коленями его бока. Ни одна женщина никогда так не обходилась с Джеймсом Стюартом. Шокированный, он пытался перехватить инициативу, но она не позволила, со смехом поинтересовавшись:

– Ну и как, вам по вкусу, когда вас насилуют, мой король?

Он так и не сумел вырваться из объятий ее сильных и горячих бедер. К стыду своему и ужасу, он почувствовал, как излил в нее свое семя. Она же распласталась на нем утомленная. Разгневанный король перевернулся, подмяв Кэт под себя, но ее глаза смеялись, а губы дразнили. Ему пришлось несколько раз шлепнуть нахалку, но это привело лишь к тому, что вожделение вновь овладело им. Он тут же вошел в нее: грубо, жестко, так что она вскрикнула от боли. Это несколько утихомирило его гнев.

– Из всех женщин, с которыми я спал, ты, Катриона Лесли, лучшая любовница, но если еще раз проделаешь со мной такое, изобью так, что мало не покажется. Я тебе не какой-нибудь придворный хлыщ, а король!

– Прошу меня простить, ваше величество, – едва слышно произнесла Кэт, но никакого смирения в ее тоне он не заметил, – просто Патрику нравится, когда мы совокупляемся подобным образом: он может играть с моими грудями, ласкать меня там, где...

– Если мне захочется помять твои сиськи, то сделаю это по-гречески, – прервал он ее, – и прямо сейчас!

– Нет, не надо, прошу вас! Я терпеть это не могу! Нет!

Теперь наступила его очередь смеяться. Он хотел наказать ее, и сообразил, как это осуществить. Она должна почувствовать такой же стыд, какой испытал он. Грубо перевернув ее на живот, он резко вошел в нее, больно стиснув прелестные груди, и ощутил удовлетворение оттого, что она плакала и пыталась выскользнуть из-под него. Когда все закончилось, упрямыца выглядела куда более покорной, и Джеймс почувствовал, что он снова обрел власть над ней.

После нескольких часов сна он проснулся, взглянул на спящую любовницу и опять овладел ею, не потрудившись даже разбудить. На сей раз он был ласков с нею, а закончив, с улыбкой сказал:

– Сегодня вечером я приду позже, ближе к полуночи.

Прихватив кусок марципана с тарелки на ночном столике, он набросил домашний халат и вышел из ее спальни через потайную дверь.

Кэт, совершенно измученная, откинулась на подушки. Тело ее было настолько истерзано, что она сомневалась, удастся ли подняться на ноги и сделать несколько шагов. Уже погружаясь в сон, она подумала, что сможет продержаться еще некоторое время, а Джеймс получит воспоминания, которые навсегда сожгут его изнутри. Ни одна другая женщина больше не сможет удовлетворить его. И это станет ее мстью. Однако ей не приходило в голову, что Джеймс может просто не отпустить ее от себя.

Несколько часов спустя Эллен пришла взглянуть на хозяйку, и картина, которая предстала ее взору, определила дальнейшие действия.

– Графиня сегодня неважно себя чувствует, – сказала она двум младшим служанкам. – Вот вам серебряная монета – можете сходить на ярмарку, но после обеда возвращайтесь.

Эллен закрыла дверь в покои и, вернувшись в спальню Катрионы, принялась за вязанье.

Катриона проснулась только после обеда и сразу же спросила:

– Который час?

– Начало третьего. Великий боже, миледи! Что он с вами проделывал?

– То, что тебе и не снилось, – устало буркнула Кэт. – А где Силис и Юна?

– Я отпустила их, когда увидела, в каком вы состоянии. Но скоро вернутся.

– Я хочу ванну. Горячую-горячую ванну!

– Нельзя же так уматываться каждую ночь, – укорила ее Эллен.

Катриона печально рассмеялась.

– Нельзя. Я просто не смогу. Но не бойся, Эллен. Прошлой ночью мы с королем только примерялись друг к другу. Теперь он знает мои возможности, а я – его!

Полтора часа спустя графиня Гленкирк в сопровождении шести своих вооруженных охранников выехала за город на конную прогулку, вызывая восхищение городских обывателей, которые, зная репутацию графини, показывали ее своим дочерям как пример добродетели.

Весь конец лета и начало осени Катриона служила украшением двора Джеймса. Не было ни одного придворного, старого или молодого, который не возжелал бы ее, но никому из них леди Лесли не уступала: оставалась любезной, очаровательной, грациозной и – недоступной.

Адам Лесли искренне восхищался ею, а однажды сказал:

– Запомни, никто никогда не узнает, что ты любовница короля. Патрик мог бы гордиться тобой.

– Сомневаюсь, – возразила она сухо. – Кстати, получше присматривай за Фионой: Джейми как-то упомянул о ней как о знойной девице, как бы не возжелал ее.

Адам разволновался, и это доставило ей неописуемое удовольствие.

– Когда же наконец прибудет эта королева?

Катриона, сразу помрачнев, ответила:

– Да они отправились было в путь, но попали в шторм. Насколько я знаю, их судно прибило к берегу где-то в Норвегии. Там они ждут, когда море успокоится. Ходят слухи, что все это неспроста. Джейми все больше тревожится: того и гляди сам пустится за ней.

– Оставив Шотландию? – в недоумении переспросил Адам. – Зачем? Отправил бы за ней своего главного адмирала.

– Ботвелл не поедет. Джеймс после их последней ссоры обобрал его до нитки – так что денег для подобной экспедиции у него нет.

Адам расхохотался.

– А он отважен, этот пограничный лорд! Ему даже гнев королевского кузена нипочем. Ты в самом деле считаешь, что Джеймс может сам отправиться за женой?

– Ну да. В конце концов, он хочет иметь собственную жену, а не чужую.

Катриона позволила себе улыбнуться. Именно от нее зависело настроение короля. Уже в течение двух с половиной месяцев он делил с ней ложе, и весь этот унылый период ночи его наполнялись теплом и даже ощущением безопасности. Любовница оказалась ласковой, доброй и щедрой и уверила его, что собственное брачное ложе будет столь же восхитительным. Судя по тому, что королевская династия Дании была многочисленной, королева Анна нарождает ему наследников. Подумать только, что уже через год Джеймс может стать отцом!

Чем больше расписывала Катриона радости супружества, тем сильнее Джеймс Стюарт желал соединиться со своей невестой. Когда его терпение лопнуло, король стал готовить свое правительство для работы в его отсутствие. Оставив регентом своего кузена, Френсиса Стюарта-Хепберна, графа Ботвелла, Джеймс вышел в море из Лита 22 октября 1589 года. Удача сопровождала его: ветер был попутный, небо голубое, спокойное, – так что до Норвегии король добрался быстро.

С отъездом короля Катрионе не было смысла оставаться при дворе, поэтому она стала думать о возвращении домой. Однако в последний момент король заставил ее пообещать, что она отправится к себе только тогда, когда королева окажется во дворце. Графиня обещание дала, но очень надеялась, что с появлением королевы избавится от внимания Джеймса. Она страстно желала Патрика, хотя порой и задавалась вопросом, одиноко ли ему там так же, как ей здесь.

Глава 17

В начале ноября Джеймс наконец добрался до столицы, где его встретили подданные, которых он отправил за королевой, и проводили до апартаментов, где разместилась датская принцесса. На громоподобный стук дверь открыл перепуганный слуга, и Джеймс Стюарт с криком, что хочет видеть свою супругу, ворвался в дом.

Узнав, что она в гостиной на втором этаже, его величество легко взбежал по ступеням лестницы и, ворвавшись в комнату, воскликнул:

– Анна, любимая! Это твой Джейми! Поцелуй меня, девочка! Я приехал забрать тебя в Шотландию!

Перепуганная принцесса вряд ли поняла, что прокричал этот похожий на дикого викинга мужчина, хотя очень прилежно изучала английский язык. С выражением явной неприязни на лице она попятилась, но тут вперед выступил граф Гленкирк и медленно, на правильном английском, сказал принцессе:

– Ваше королевское высочество, имею честь представить вам его величество короля Шотландии Джеймса Стюарта!

Принцесса тут же присела в глубоком реверансе, и это вышло у нее так мило, что король был немедленно очарован. Принцесса оказалась куда красивее, чем на портрете: с шелковистыми золотистыми волосами, небесно-голубыми глазами и бело-розовой нежной кожей. На подбородке у нее красовалась очаровательная складочка, а когда она улыбалась, рядом с уголками ее похожего на розовый бутон рта появлялись две крошечные ямочки. Она буквально олицетворяла собой свежесть и невинность, так что Джеймс сразу же вспомнил все описанные Катрионей прелести, которые сулила ему женитьба.

– Его величеству угодно поприветствовать вас поцелуем в честь встречи, ваше высочество, – продолжил граф.

Анна Датская, даже не взглянув на короля, обратилась непосредственно к Гленкирку:

– Пожалуйста, скажите его величеству, что датские леди из хороших семей не целуются с джентльменами, пока не выйдут замуж.

Снова присев в реверансе перед группой шотландских придворных, она сделала знак сопровождавшим ее дамам, и те следом за ней вышли из гостиной.

У Джеймса отвисла челюсть, и, ошеломленный, он смотрел на это действо, затем, придя в себя, крепко выругался и добавил:

– Боже! Неужели я обвенчан с этой ледышкой?

Его придворные, многие из которых уже успели узнать, что представляют собой датские дамы, не осмелились произнести ни слова. Наконец заговорил Патрик Лесли:

– Кузен, она просто растерялась, ты застиг ее врасплох, – и, думаю, она была охвачена стеснением и по-девичьи смущена. Безусловно, она предполагала встретиться с тобой в парадном одеянии, а не в том простом платье, в котором ты ее застал. Как обладатель изрядного стажа супружеской жизни, могу заверить тебя, что женщины придают большое значение своей внешности, особенно при первой встрече.

Из реплик остальных придворных можно было понять, что они согласны с графом. Несколько успокоившись, Джеймс сказал:

– Катриона шлет тебе свою любовь, Патрик. Я дал ей позволение вернуться домой, в Гленкирк, как только мы прибудем в Шотландию.

Придворные датской принцессы проводили Джеймса в другой особняк, где ему предстояло жить до официальной церемонии бракосочетания, а граф Гленкирк разыскал одну из фрейлин принцессы и попросил, чтобы нарядила свою хозяйку поэлегантнее к следующей встрече с королем.

Заочно королевский брак был заключен 20 августа в отсутствие невесты. Ныне же они были формально и официально обвенчаны пресвитерианским священником, который прибыл вместе с королем из Шотландии. Венчание состоялось в местной церкви 29 ноября. После венчания было организовано торжество для датских и шотландских аристократов. Новая королева Шотландии любила танцы и праздники больше всего на свете. Праздник получился удачным, и фрейлины королевы повеселились на славу.

Одна из них, госпожа Кристина Андерс, давно уже выделила графа Гленкирка из всей свиты шотландского короля. Впервые она увидела его в начале сентября и решила непременно его добиться. То, что он женат, не составляло для нее никакой проблемы: она и сама была замужем, причем уже в третий раз, – за мальчиком двенадцати лет.

Семнадцатилетняя Кристина Андерс была невысокого роста, с волосами цвета позолоченного серебра и темно-сапфировыми глазами и казалась миниатюрным морским божеством. В первый раз она вышла замуж за старого графа, которому нравились маленькие девочки. Овдовев в тринадцать лет, она была снова выдана замуж – на сей раз за мужчину средних лет, которому нравилось лишать невинности юных девушек (Кристина все еще оставалась девственницей). Когда от руки разъяренного крестьянина погиб ее второй муж, она быстро вышла замуж за его сына и единственного наследника, одиннадцатилетнего мальчика. Этот брак позволил ей жить своей жизнью, оставаясь при этом финансово независимой. Оставив мужа в их поместье под присмотром наставника-преподавателя, она отправилась в Копенгаген и возобновила свою дружбу с принцессой Анной, которую знала с детских лет. Естественно, когда царственные родители Анны решили выдать ее за короля Шотландии, та попросила свою старинную подругу стать одной из ее фрейлин. У Кристины и в мыслях не было не согласиться на такое предложение.

Многие пытались сделать ее своей любовницей, но она предпочитала наслаждаться свободой и отвергала какие бы то ни было постоянные связи. Со временем ее эротические предпочтения становились более изысканными.

Нельзя сказать, что граф Гленкирк не был в курсе интересов госпожи Андерс. За весь период супружества он не вступал в интимные отношения ни с кем, кроме своей очаровательной жены, но ему предстояло провести без нее долгую холодную зиму. И как бы Патрик Лесли ни любил свою жену, святым он не был, и женщина, которая столь откровенно предлагала себя, стала изрядным искушением.

Кристина, обыкновенно не пытавшаяся привлечь к себе внимание, на сей раз постаралась и выглядела на королевской свадьбе великолепно, облачившись в темно-синее бархатное платье. Ее волосы сверкали темным серебром, кожа выглядела снежно-белой. Чем больше она танцевала, тем ярче становился ее румянец. Она намеренно не обращала внимания на графа Гленкирка, и это обстоятельство весьма удивляло его. Он мог бы подыграть ей, но решил провести с ней именно эту ночь. Если избранница разочарует, он с легкостью сможет отказаться от нее, оправдав свой грех свадебной лихорадкой. С другой стороны, эта интрижка могла бы стать началом восхитительного романа.

Тщательно просчитав движения танца, Патрик в нужный момент вступил в фигуру, так что через несколько минут, когда танец закончился, Кристина Андерс оказалась напротив него. Обхватив одной рукой ее за талию, он взглянул на нее с высоты своего роста и спросил:

– Не угодно ли вина, мадам?

Она кивнула, он принес два кубка и, протянув один ей, без обиняков спросил:

– Сегодня?

Она даже не пыталась изображать непонимание.

– В котором часу?

– В одиннадцать.

Улыбнувшись, он поклонился и отошел от нее, а Кристина осталась сидеть в кресле, потягивая вино. Все оказалось так просто. Она жалела о том, что у нее нет собственной комнаты, в которой можно было расположиться с любовником, – фрейлины королевы спали в общей спальне рядом со своей госпожой. Но когда королева отойдет ко сну, она потихоньку выскользнет из комнаты и отправится к нему. Сердце ее забилося сильнее. Все в графе: внешность, манеры, самоуверенность – свидетельствовало о том, что он искусный любовник.

К ней подошла Маргарет Ольсон и негромко произнесла:

– Шотландскому жеребцу уже не терпится покрыть свою кобылку. Настало время укладывать королеву в постель.

Кристина усмехнулась:

– Какая же ты все-таки сучка, Мег! Ладно, пойдем, а то у меня сегодня свидание с лордом Лесли.

– Повезло тебе, он действительно хорош, – одобрила Маргарет выбор подруги. – А я вот никак не могу решить, с кем переспать – с лордом Хоумом или с лордом Греем.

– Проведи эту неделю с одним, а следующую – с другим. Скоро они все равно отправятся в свою Шотландию, а мы – домой.

– Я – нет, – со вздохом сказала Маргарет. – Мне предстоит сопровождать королеву, она сама попросила меня об этом несколько минут назад. Кстати, собирается просить о том же и тебя. Так что будь понежнее со своим любовником, если хочешь продолжения в Шотландии.

– У него там жена.

– Я знаю. Слышала, как шотландцы говорили, что она красивая и своенравная. Они между собой зовут ее добродетельной графиней.

Хихикая, обе фрейлины поспешили в апартаменты своей госпожи. В вихре развевающихся юбок королева Анна и ее свита выбежали из зала с криками, преследуемые группой молодых людей. Оказавшись в безопасности королевских апартаментов, фрейлины повалились на пол, не в силах устоять на ногах от безудержного хохота. Графиня Олафсон, в свои двадцать четыре года поставленная старшей над ними, попыталась навести хоть какой-нибудь порядок:

– Дамы, дамы! Его величество вот-вот придет сюда, а нам надо еще очень много сделать. Карен, встань снаружи у двери на страже. Как только увидишь, что король идет сюда, скажешь нам. Инге и Ольга, займитесь постелью. Маргарет и Кристина, помогите мне раздеть ее величество.

Вся компания дружно принялась за дело: стала готовить комнату и юную королеву к появлению ее страстного жениха. Надушенные простыни были согреты, королева освобождена от парадной одежды и облачена в одну лишь тонкую ночную сорочку белого шелка с вышивкой серебряными и золотыми нитями. Пока Маргарет и Кристина укладывали в гардероб парадное платье, графиня Олафсон усадила юную королеву в кресло и принялась расчесывать щеткой ее золотистые волосы.

Внезапно в комнату ворвалась стоявшая на страже Карен.

– Они идут сюда, ваше величество! Король со свитой уже близко!

Королеву поспешили переместить на кровать, и она уселась, опираясь спиной на подложенные тугие подушки, с наполовину завитыми волосами, красная от смущения и немного испуганная. Дверь распахнулась, и разгоряченная вином и событиями толпа шотландских и датских придворных не то внесла, не то просто втокнула в комнату короля.

– Ваше величество... его величество! – заплетающимся голосом произнес пьяный лорд Грей.

– Посмотрите, джентльмены, – триумфально возвестил Джеймс Стюарт. – Моя милая Анна ждет меня в супружеской постели, как и подобает доброй жене! Разве для нас это не предвестник хорошего брака?

Фрейлины королевы захихикали, а свита увлекла своего короля за ширму, там его величество раздели и облачили в шелковую ночную рубашку. Затем ему помогли подняться на кровать, и он сел в постели рядом с юной королевой, пока слуги обносили присутствующих кубками с вином. Все выпили за здоровье короля и королевы и, наконец, с добродушными шутками и смехом удалились, оставив новобрачных одних.

В наступившей тишине король повернулся к своей юной жене и попросил:

– А теперь, мадам, я хотел бы получить тот поцелуй, о котором просил вас три с половиной недели назад.

Смущенно Анна потянулась нецелованными губами к мужу. Завладев ее ртом, он настойчиво стал усиливать нажим, вынудив опуститься на подушки. Затем, распахнув ее ночную сорочку, он впился радостным взглядом в свежее девственное тело, которое никому еще не принадлежало, а теперь будет его собственностью. Анна что-то невнятно пробормотала, слабо протестуя, когда он стал целовать и ласкать ее. Хотя в нем и нарастало желание, она просто лежала, закрыв голубые глаза и уступая его домогательствам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.